

2
1964

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

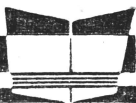
ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Владимир МИХАЙЛОВ. Спутник «Шаг вперед»	3
Е. ПАРНОВ, М. ЕМЦЕВ. Кангамато	49
Василий ЧИЧКОВ. Первые выстрелы Джоэля	78
Глеб ГОЛУБЕВ. Огонь-хранитель	86
Е. ФЕДОРОВСКИЙ. Минуты войны	124
РИЧАРД КОННЕЛЛ. Четвертая степень	132
В. АНТОНОВ. Двенадцатая машина	145
Из блокнота «Искаателя»	150
А. АРМСТРОНГ. Борьба за жизнь	152

№ **2** (20)

1964
ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

В этом номере «Искателя» со своими новыми произведениями выступают молодые писатели, работающие в фантастическом и приключенческом жанрах. Недавно они побывали в нашей редакции и рассказали о своих творческих планах.

На снимке (слева направо): Е. Федоровский, М. Емцев, Е. Парнов и Г. Голубев.

Фото М. Котлярова

Любителям фантастики известны повесть «Особая необходимость» и рассказ «Черные журавли Вселенной» Владимира Михайлова, впервые напечатанные в «Искателе». Сегодня мы начинаем печатать его новую, написанную для нас научно-фантастическую повесть.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

СПУТНИК „ШАГ ВПЕРЕД“

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. Гришина

Герну, которого многие астрономы Земли называют своим учителем, удалось с помощью гравителескопа обнаружить то, что он считал Трансцербером. С этого все и началось. Открытие неизвестного небесного тела под боком, на окраине солнеч-

ной системы — за Плутоном и Цербером, — всколыхнуло умы астрофизиков и космологов. Кое-кто из ученых вообще сомневался в существовании Трансцербера. Его не наблюдал никто до Герна и никто после него.

Однако никто из ученых смежных и далеких астрофизике наук не сомневался в том, что за орбитой Цербера есть «нечто» открытое Герном. Ведь не кто иной, как Герт, с помощью своего гравителескопа установил в свое время связь с «Джордано». А корабль считали погибшим в течение полутора лет, и так оно почти и было. Возможно, конечно, Герна подвела аппаратура. Но это-то и казалось самым невероятным.

И вот «Гончий пес» под вымпелом капитана Лобова выходит на орбиту гипотетического Трансцербера. Исследователи заняты у приборов. Пилоты устроились за шахматным столиком. Капитан Лобов — в кают-компании. Он для своего собственного удовольствия крутит старые фильмы. Инженер Риекст, который впервые летит на подобного типа корабле, боясь увидеть улыбки на лицах старожиллов «Гончего пса», не впервые уже старается расслышать, как работают диагравивонные двигатели. Работают они совершенно бесшумно. Кстати, именно это обстоятельство и заставляет Риекста напрягать слух.

Один из исследователей отрывает взгляд от экрана и негромко произносит:

— А считать придется много. Сюда бы хорошего вычислителя... Вот у меня на Земле знакомый парень, Андрей Коровин. Воспитанник самого Слепцова. Удивительно даже: сам Слепцов смотрит на Андрея, а в глазах у него восторг. Не хотелось бы мне, чтобы с Коровиным, ну, случилось что-нибудь...

— Что может случиться на Земле? — бормочет другой исследователь.

— Все, — задумчиво произносит пилот, который играет черными. — На Земле может случиться все.

— А вот Коровин, знакомый-то мой, он твердо уверен: ничего неожиданного на Земле произойти не может...

Когда Коровин говорил это, он всегда улыбался, словно извиняясь. У Андрея были добрые пухлые губы, и когда он улыбался, то открывались отличные зубы, такие белые, что голубоватыми казались. А глаза у него и взаправду голубые, только они щурились от улыбки, будто от собственного света ее.

И сейчас губы Коровина тоже были раздвинуты, и виднелись зубы белые, даже голубые, а глаза прикрыты.

Но Коровин не улыбался. Он был мертв.

Был мертв минуту...

Две... Пять...

Над лесом пронесся аграплан.

А тем временем прошли восьмая, девятая минуты.

Десятая...

Аграплан завис снижаясь.

И десятая минута прошла. Теперь Андрей Коровин был настоящим мертв. Его уже не спасли бы все друзья в мире. Те друзья, которые в эту минуту еще говорили о нем «есть» и называли по имени.

Имена долговечнее. Это относится не только к людям. Стрельба пережила лук и стрелы, слово «корабль» уже столетие не вызывает представления о водном транспорте. Или «лаборатория»...

Кедрин медленно повел глазами слева направо, как читают.

Современник дизельного океанского корабля, пожалуй, не догадался бы, что попал в лабораторию. Приборы, аппараты, инструменты, посуда — где они? Глубокие кресла, зеленая ветка в тяжелой вазе, мягкие тона стен, выбранные Кедриним на сегодня, на одной картина: «Греза о познании». Все. Окно во всю стену, и за ним — деревья, зеленоватый свет лесного полудня.

И все же это лаборатория — место, где работают. Здесь ищут и находят новые конструкции портативных точечных излучателей. Они нужны для аппаратуры дальней наземной, подводной, планетарной и стелларной связи. Аппараты связи конструируются в других лабораториях института. Здесь — только точечные излучатели. Но зато все, кто занимается точечными излучателями, работают в этом секторе. Двое из них — в этой лаборатории. Придумывают, конструируют, моделируют...

Именно моделируют. Все в мере, весе и числе — как, по словам, сказал еще Пифагор. Можно подумать, что он предугадал электронное моделирование. Не надо выдувать, паять, собирать схемы. Достаточно пересечь на кресло справа...

Кресло было занято. Это вывело Кедрина из раздумья. Прощла целая секунда, пока он вспомнил, почему здесь посторонний.

Велигай сидел боком к Кедрину, вытянув ноги и откинувшись. Он глядел в окно, тени от листьев дрожали на его лице. Его круглое, простоватое лицо было безмятежно, уголки большого рта все еще плавно уходили вверх — человек улыбался. Потом они дрогнули.

Кедрину понадобилась доля секунды, чтобы сосредоточиться на прервавшемся было разговоре.

— Здесь принципиальная трудность, — сказал он. — В таком объеме коллиматорный блок не разместится. Нечего и пробовать. А без него точечного излучателя, как вы сами понимаете, не получится. Луч будет расходиться под недопустимым углом, и коэффициент потерь будет...

Он виновато взглянул на Велигаю. Тот повернулся к нему, растерянно приподняв брови:

— Раз принципиальная трудность — значит, нужно принципиально новое решение. Проще простого.

Он поднялся, мягко шагнул к Кедрину и навис над ним, улыбаясь, впрочем, безмятежно и доброжелательно.

— Вот как, — сказал Кедрин. — А сколько у вас в сумме трех движений?

— Не пробовал, — сказал Велигай. — А сколько вам нужно времени?

— Надо подумать, — протяжно проговорил Кедрин. На самом деле он уже думал. — Разве что... Бросить вдоль луча скользящее поле? Но это пока разрабатывалось только теоретически... А что? Может быть, этот объем не так уж важен?

— А вы вспомните ваш излучатель для стационарного передатчика. Его габариты.

— Не могу, — сказал Кедрин. — Я его никогда не видел. Электронную модель мы дали в машину — на расшифровку, расчеты в материале, программирование — и в производство. Ладно, подумаем небело...

Он неторопливо перебрался в правое кресло, покинутое посетителем. Жестом пригласил Велигай присесть рядом.

Кедрин надел на голову массивный шлем, застегнул пряжку. Протянул руку к пульта, единственному инструменту конструктора. Коснулся включателя. Вспыхнул индикатор: Элмо — электронный «мозг» — подключился, стал выслушивать приказания мозга Кедрина, отдал в его распоряжение свою обширнейшую память, связанную с Оперативным Мемориалом Института, невообразимую быстроту расчетов.

В Институте связи — институте Слепцова никто не думал невооруженным мозгом.

Кедрин нажал кнопку — стена напротив засветилась, по ней потекли цифры, символы, замысловатые кривые... Кедрин прочитывал их, некоторые возвращал, и они, повинувшись движениям его лежавших на клавиатуре пальцев, проскальзывали в левый верхний угол стены и там застывали. Потом Кедрин пошевелился в кресле, отыскивая удобное положение. Стояла тишина, только еле слышный непрерывный шорох доносился, казалась, отовсюду. Через полчаса Кедрин глубоко вздохнул, стащил шлем, выключил Элмо, провел рукой по волосам.

— Грубо говоря, здесь еще до моделирования расчетов суток на пять машинного времени. Зависимых расчетов. Ну, человеческих, что ли... Потом машина сможет считать сама.

— Пять суток — это много.

— Пока у нас еще нет индивидуальных Элмо. Это впереди. Я в лаборатории не один...

— Об этом я не подумал, — огорченно признался Велигай. — Может быть, транслируем данные в Ригу? На центр?

— Нет, — сказал Кедрин. — Это я сделаю сам. Если даже и невыполнимо, то, во всяком случае, интересно.

— Вы любите рисковать?

— Без риска здесь нельзя. Конструкции не могут стоять на месте. Они должны совершенствоваться непрерывно. Иначе зачем мы здесь? Так что поднагрузим пещеру...

Он, усмехаясь, объяснил: комната и в самом деле была пещерой в толще гигантских вычислителей, скрывавшихся за стенами, потолком, под полом... Они стояли у окна, и Велигай слушал и глядел на подрагивающую от легкого ветерка листву, глядел странно: то ли ему трудно было поверить, что гигантские логические мощности кроются здесь, среди этих обыкновенных деревьев, таких спокойных и древних, то ли, наоборот, деревья казались ему странными — они-то остались такими же, как и сотни лет тому назад, троюродные родственники человечества.

— Пещерные люди, как интересно! — сказал Велигай и снова заулыбался. — Кстати, а ваш второй пещерный человек...

— Андрей Коровин?

— Он не будет возражать? Он где?

— Он удрал в лес размышлять, — сказал Кедрин. — Вы понимаете, он здесь не может. Вообще-то он может, но, как только он начинает мыслить, моментально выключаются вычислители. Это у нас называется «Андрей-эффект». Стоит ему задуматься, как он нажимает аварийный выключатель рядом с его креслом — вот.

— Понятно.

— Я его упрямил, и теперь он, когда ему хочется посообразовать начерно — без машин, — уходит куда-нибудь. Сегодня он ушел в лес — там тоже можно что-нибудь крутить в пальцах, вертеть. Минут через двадцать он вернется. — Кедрин засмеялся, подмигнул Велигаю. — Андрей войдет, сгибаясь под тяжестью новых идей, и кинется к пульту. Сегодня я дам ему поработать, а уж с утра... — он взмахнул руками, сжал кулаки. — Нет, чудесно, просто чудесно... Придется поработать — впору будет прилаживать к голове охлаждение. А Андрей...

Кедрин не успел досказать. Дверь распахнулась настежь рыском, словно сработал аварийный механизм. Нарушая все нормы поведения, кто-то остановился на пороге, поднял к потолку искаженное лицо, высоким голосом прокричал:

— С Андреем несчастье!..

Потом шаги тупо, часто застучали по коридору.

II

На орбите Трансцербера никаких происшествий. Капитан Лобов досмотрел очередной фильм и теперь пьет чай, поглаживает щеку и поглядывает на ящичек, в котором лежит бритва. Капитан Лобов бреется дважды в день. Он уверяет, что при искусственной гравитации борода у него растет в два раза скорее, чем на Земле.

Исследователи у приборов разделились на две группы и сидят спиной друг к другу. Спины одних явственно выражают уверенность в том, что Трансцербер уже где-то почти в сфере действия приборов. Спины второй группы — что Трансцербер существует лишь в воображении Герна. Что думает Герн, пока неизвестно. Герн не на орбите Трансцербера, а в Приземелье, на расстоянии девяти с лишним миллиардов километров от той точки — уже за пределами солнечной системы, — где находится в настоящую минуту «Гончий пес» капитана Лобова.

Инженер Риекст перестал прислушиваться и пошел осмотреть контрольную систему. Вероятно, он сделал это, вспомнив поговорку: «Лучше однажды увидеть, чем сто раз услышать».

Что касается пилотов, то каждый из них лишился двух пешек и одной легкой фигуры. Белые получили несколько лучшую позицию, но черные полны оптимизма и вскрывают центр.

Кедрин стоял не шевелясь. Его охватила оторопь. Глаза Андрея были почти закрыты. Из-под век виднелись полушарие радужки и край зрачка: неподвижные, неживые и странно-внимательные. От них невозможно было укрыться, словно они нарисованы глядящими на него, Кедрина. Но страш-

нее была раздувшаяся, огромная, нечеловеческая вроде нога трупа.

Усилием воли, потребовавшим от него напряжения, Кедрин на мгновение оторвал свой взгляд от мертвеца. Он озирался, но не замечал будто ни лесной поляны, ни аграплана Службы Жизни, ни крошечного, только что выросшего домика, ни людей. Но одновременно он видел все это и никак не мог связать в сознании смерть своего сверстника и все остальное, оставшееся на Земле таким же.

И когда Кедрин опять встретился взглядом с глазами Андрея, то замахал руками, отгоняя от себя невыносимое, противополоственное видение, повернулся, побежал к привезшей его лодке и плотно прижался к ее борту, словно кто-то собирался оторвать его силой.

Слепцов, глава института, как будто вовсе и не заметил его странных действий; он сидел неподвижно на траве, около лодки, смотрел на аграплан, и глаза его с каждой секундой становились все круглее.

Велигай, который, наверное, был невозмутим, разговаривал со стоявшими поодаль людьми в белой униформе Службы Жизни. При его приближении они перестали укладывать в аграплан какие-то ящички и свертки. Велигай что-то говорил, люди отвечали — порознь и все вместе, головы их были понуро наклонены, движения были движениями виноватых людей.

Постояв рядом с молчащим Слепцовым и встретив, наконец, его взгляд, Кедрин резко повернулся, кинулся к группе людей в белом, словно они-то и были единственными виновниками смерти Коровина. Но на полпути Кедрин почти остановился и подошел к высокому медику в белом будто повенале.

— Что же это? — тихо спросил Кедрин.

Плечи высокого передернулись, он хотел было ответить, и вдруг лицо его исказилось гримасой, и давно забытым движением отчаяния медик швырнул оземь клубок каких-то проводов и шлангов, которые держал в руке. Опомнившись, он подобрал брошенное и повернулся к машине, но Кедрин заступил ему путь.

— Что же это?

— Я уже объяснил... — ответил, наконец, медик. Он сделал это, почти не разжимая губ, только повел головой в сторону Велигая и попытался отстранить Кедрина. — Дайте мне пройти...

— Нет, — сказал Кедрин, резким движением отбросив его руку. — Вы объясните мне, мне. Ведь не может быть, что он умер! Так не бывает, слышите! Мы все знаем, что так не бывает. Никто не поверит...

— Умер, — угрюмо сказал медик. — Мы сами...

Он не договорил и схватил Кедрина за плечи: ему показалось, что тот падает. Но конструктор вырвался.

— Не трогайте меня! Где ваши сто процентов гарантии, если погиб человек? Где? Мы знаем, что такое сто процентов. Зачем Служба Жизни, если люди могут вот так умирать? Вы не смогли вернуть человеку жизнь! В наши дни!

Он кричал еще, и все угрюмо смотрели на него.

Слепцов медленно подошел к Кедрину и обнял его за плечи.

— Нет, мальчик мой, — тихо, как будто нерешительно сказал

он, — Служба Жизни есть Служба Жизни. Они больше не допустят такого. Они станут охранять нас бдительнее. Эта гибель научит их... Я ведь просил Службу Жизни следить за нашим институтом особо... Я взял вас мальчиками, избавил от всего постороннего, от всяких волнений — только думать должны были вы, конструировать и вычислять. Это самый совершенный, единственный институт на Земле... А он умер. Нет, — прервал Слепцов самого себя, и по сторонам его рта залегли прямые складки. — Нет. Все-таки у нас могучая Служба Жизни. Недаром над всей планетой висят ее дирижабли и аэропланы.

— Конечно, недаром, — сказал Велигай.

— Вот мне — восемьдесят два. И я знал: мне гарантировано сто тридцать — сто тридцать пять, и я проживу эти сто тридцать пять...

— Безусловно.

— Но это, думал я, только начало! — Слепцов гремел. — Настоящий прогресс человека начнется теперь. Не заботясь ни о чем, он сможет тем сильнее упражнять свой мозг, сможет познавать самые трудные тайны природы.

— Как это правильно! — сказал Велигай, и Кедрин внимательно посмотрел на него: ему почудилось что-то, но Велигай был абсолютно серьезен, и все так же наивно глядели его глаза. — Как правильно!

— Что правильно? — переспросил Слепцов. — Откуда вы?

— Из Приземелья.

— Тогда вам этого не понять, — сказал Слепцов. — Человек не должен бояться смерти. Даже думать о ней. А там у вас... — он махнул рукой. — Убожество автоматике, этот дикий архаизм — ручной труд, и на каждом шагу опасности... А для человека прошло время подвергаться опасностям. Так считаю я. Но, значит, я не прав? — его голос перешел в крик. — Значит, я ошибался?!

Двое медиков подошли к Слепцову сзади, в руках одного завертелся тускло отблескивавший диск, и Слепцов умолк, шагнул назад, его подхватили, понесли к лодке. Глаза его закрылись, он спал. Высокий медик уже подносил крутящийся приборчик к голове Кедрина.

— Вас не нужно выключить? — спросил медик у Велигая. — Вы перенесете нервное напряжение? Может быть, сон не помешал бы вам.

— Я перенесу, — спокойно ответил Велигай.

— Вы ведь понимаете, что мы...

— Я понимаю, не беспокойтесь. А как вы объясняете?

— У Коровина паралич сердца по каким-то пока непонятым причинам. И прошел слишком долгий срок. Девяносто процентов за то, что необратимые изменения зашли слишком далеко. Вы ведь знаете работу нашей службы?

— В общем как и все.

— Принцип таков... — медик швырнул, наконец, шланги в машину, вытер руки платком, смоченным голубоватой жидкостью из флакона. — Каждый человек носит наш медифор. Вот и вы... Нет, он у вас другой конструкции.

— А это не имеет значения. У меня приземельский. И так?

— И так, — сказал медик, поднося руки к дискам высокочастотного стерилизатора. — Назначение медифоров, в просторечии браслетов, понятно: постоянная информация соответствующей станции о состоянии здоровья человека — это раз. Прибор контролирует биотоки. Когда они в норме — все спокойно. Если нарушение, на станции включается диагност и в медифор идет сигнал. Тогда медифор начинает соответствующим образом влиять на нужную функцию организма, заставляет органы усилить или ослабить их деятельность. Это вторая функция. На Земле — тридцать миллиардов человек, и каждый из них на контроле.

— Вы спокойный человек.

— Мне хочется выть.

— Кстати, почему их усыпили вы, а не станция?

— Нервное напряжение в наше время — напряжение поиска, творчества, работы. Не усыплять же ученого за пультом. Наоборот, станция через медифор его стимулирует. Мы не влияем на деятельность коры. Абсолютно исключено. Мозг священен.

— Согласен, — кивнул Велигай. — Что ж, я подожду, пока они проснутся. Так почему все-таки паралич сердца? И вы опоздали?

— Мы знаем лишь одно: он упал в глубокую яму — бывший колодец, очевидно, века двадцатого или девятнадцатого. При падении повредил медифор. Не настолько, впрочем, чтобы мы не приняли сигналов. Но сигналы были искажены. Мы нашли его, когда было уже поздно.

— Но он не разбился...

— Нет, в том-то и дело. Мы сделали секцию... — медик кивнул в сторону розового домика. — Может быть, разберемся на станции.

— Боюсь, — медленно произнес Велигай, — что не разберетесь и там.

Медик поднял брови, но кто-то из коллег окликнул его:

— Все собрано, летим.

— Уничтожьте дом.

— Ах, да.

Второй медик вытащил из машины баллончик, ушел к розовому домику. Раздалось громкое шипение. Дом опал, съезжился, розовые струйки поднялись к вершинам деревьев. Через минуту на том месте, где только что возвышался домик, осталась кучка пыли.

— Если хотите осмотреть, колодец там, метрах в четырехстах. Всего лучшего...

Дверцы захлопнулись. Аграплан бесшумно ушел вверх и полетел в сторону, где высоко над землей висел вакуум-дирижабль, пост Службы Жизни.

На поляне, у лодки, остались трое. Двое еще мирно спали, глубоко и ровно дыша. Третий взглянул на часы.

— Да, — пробормотал он, задумчиво поглядывая на спящих. — Что же, пожалуй. Это давний наш спор, Слепцов, хотя мы и не знали друг друга в лицо.

Кедрин проснулся первым. Потянулся, улыбаясь Велигаю:

— Знаете, я только что набрел на прекрасное решение... —

Он умолк и внезапно заплакал, как человек, которому не приходилось плакать ни разу в жизни. — Ведь не они виноваты — я... Если бы я не отсылал его думать подальше от лаборатории... Пусть бы он выключал Элмо хоть сто раз на день, но зато ничего бы не произошло, ничего бы... — Внезапно он вскочил. — Все равно не верю. Тут что-то не так. Это не просто так... Это что-то значит — такая смерть...

— Да, — сказал Велигай. — Вот это правильно. Такая смерть что-то значит.

— Молодой, смелый, талантливый конструктор...

— Да. Только смелый ли?

— Разве мы не смелые?

— Не знаю, — сказал Велигай. — Вы не знаете страха, это верно.

— Вот именно...

— Не знать, не встречать опасности — это одно. Встретив, преодолеть — другое. Так считаем мы.

— Не понимаю.

— Поймете. Только не сейчас. И не здесь. Но вы поймете. А пока не бойтесь умереть. — Велигай безмятежно улыбнулся. — Бойтесь умереть зря.

— Бояться смерти, — сказал Кедрин, — это естественно, говорит наш учитель Слепцов.

— И вы с ним соглашались?

— Почему же нет?

— Вы, Кедрин, хотите сами решить для себя все эти проблемы...

— Я все делаю сам.

— Посоветую, с чего начать. Отвыкните бояться. Кстати, отдайте наш заказ в другую лабораторию. Или, еще лучше, передайте свою лабораторию другим. Со всеми проблемами.

— Отдать такую проблему? Лучшей у меня никогда...

— Проблем хватит на век человечества. Все равно сейчас вам скользящих полей не решить. Встряски, подобные пережитой вами, не проходят бесследно.

— Я могу решать хоть сейчас. Одну минуту, — сказал Кедрин. — Одну минуту...

Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. На лбу Кедрина проступили вены, лицо покраснело. Потом он открыл глаза — в них было недоумение.

— Не могу, — тихо признался он. — Никак не могу отключиться от этого...

— Вам надо отдохнуть. И не здесь. Совсем в других местах. Как говорят медики, смените климат. И образ жизни. Вы один?

— То есть... А, понимаю. Я давно один. Мне никогда не хотелось уходить из института, — сказал Кедрин.

— В свое время всем нам начинает черт-то хотеться. Кстати, сейчас мне хочется есть. С собой у меня ничего нет, а я привык обедать в три часа по нашему времени. Пора будить вашего коллегу...

Слепцов медленно открыл глаза, сел, огляделся, торопливо вскочил и медленно уселся вновь.

— Да, все так, — тихо сказал он. — Это вы привезли нас

сюда? Я хотел бы улететь отсюда... домой. Я себя не очень хорошо чувствую. Это ведь ваша лодка?

— Разумеется, — с готовностью сказал Велигай. — Летим немедленно.

— Только я попрошу вас — пониже. Не надо забираться высоко. В самом первом эшелоне, прошу убедительно.

— О, конечно, — сказал Велигай. — Только невысоко. В самом первом эшелоне.

III

На орбите Трансцербера еще ничего не случилось. Капитан Лобов побрился. Бритва уложена на место. Сейчас он стоит около пульты, и часы вслух отсчитывают секунды, оставшиеся до очередного поворота, потому что «Гончий пес» идет поисковым зигзагом.

Инженер Риекст занял свое место у контрольного блока. Во время поворота он будет, как это и полагается, следить за работой автоматики. Он тоже слушает отсчет секунд и на всякий случай каждую цифру негромко повторяет вслух.

Исследователи утонули в противоперегрузочных устройствах около своих приборов. Приборы приверженцев Трансцербера как будто собираются что-то показать. Впрочем, противники Герна клянутся, что их приборы вовсе и не думают показать хоть что-либо, кроме свободного пространства. За исключением одного прибора, который, по-видимому, случайно переориентировался в сторону Земли, видной отсюда лишь при максимальном усилении.

Пилоты оставили шахматный столик и сидят по местам. Фигуры на столике тоже стоят по местам. Уже ясно вырисовывается атака на белого короля, который остался без рокировки. Впрочем, пока атака отложена, пальцы пилотов лежат на пульте.

Семь до поворота... Шесть до поворота... Все спокойно.

Впереди волны изламывались. Гребни их, торопясь, опережали основания и обрушивались вниз, разбивались и таяли, оставляя в воздухе радужный туман водяной пыли.

Остров то скрывался в этом тумане, то выныривал, словно расталкивал мятущуюся воду крутыми боками пирамидальной, с усеченной вершиной горы. Остров медленно приближался.

Кедрин крепко вцепился пальцами в края доски. Наступал решительный момент. Сзади наплывала волна, мрачная как туча. Она была еще монолитной, молекулы ее двигались в полном согласии, и тем страшнее казалась волна снизу, из зыбкой водяной долины.

Он медленно вполз на доску — сначала грудью, потом животом. Волна исподтишка подлезала под доску, поднимая Кедрина все выше. Остров рос на глазах. Тогда Кедрин, подобрав ноги, встал на четвереньки. Он почувствовал, как волна понесла его вперед, все убыстряя бег, и, медленно выпрямив колени, Кедрин встал во весь рост, раскинул руки и полетел,

балансируя на доске, помчался сквозь радужный блеск, сквозь свой торжествующий, никому не слышный крик.

Волна оставила его на песке. Он лежал ничком, потом перевернулся на спину. Сел. Покрутил головой и улыбнулся. Набегала новая волна, и он встал и пошел от воды. Пройдя десяток метров, оглянулся.

Волны все так же катились, подгоняемые молодым, свежим ветром, изламывались, и падали, и снова вздымались. На досках, на аквапланах и лыжах, на размашистых катамаранах, в прозрачных шарах, на вогнутых платформах, на узких лодках с яркими, развевающимися, хлопающими и надувающимися парусами — на всем, что могло держаться на воде и взлетать на ее гребни, от берега к берегу мчались, стремились радостные, улыбающиеся, неслышно кричащие, ликующие люди, выносились на песок и, отдышавшись, вновь устремлялись в океан.

Кедрин глядел и улыбался. Потом он вспомнил, что скоро ужин, а завтра — завтра он начнет работать в группе обслуживания морского порта.

Он медленно пошел к сияющему огнями поселку.

Женщина обогнала его и на миг оглянулась. Затем, торопясь, пошла дальше. Женщина была очень красива. Чудесные глаза, размахнутые, как крылья. Было бы хорошо подойти к ней и сказать то, что в таких случаях столетиями приходило на язык всем: «Мне кажется, мы уже встречались когда-то...» Впрочем, глупо.

Женщина ушла вверх. Пожалуй, время ужинать.

Кедрин поднял голову. Обрыв нависал над ним, заслоня полсвета. Бесшумная река эскалатора выбивалась из земли и медленно текла ввысь, поблескивая на солнце твердым пластиком ступеней. Солнце было ослепительным, небо — чистым. Ветер дул, но облака проходили где-то стороной; наверно, в этом районе планеты облака сегодня не были нужны. Ветер с океана ударял в обрыв и путался в волосах. Кто ты, ветер? Ветер перемен? Ветер найденных ответов? Пусть ты будешь ветром найденных ответов...

Песок монотонно скрипел под ногами. Потом в его негромкое ворчание вплелся высокий жалобный голос. Он шел, казалось, из-под ног, и Кедрин отпрянул. Полузасыпанный песком матовый купол шевелил гибкими отростками и жаловался на свою скучную судьбу. Кедрин шумно выдохнул воздух. Это был всего лишь прибор штормовой защиты, забытый здесь уже давно и так же основательно, как и сами штормы. Скоро песок занесет его совсем, вместе с суставчатыми рожками антенн... Кедрин зашагал дальше, а прибор все жаловался ему вдогонку, сожалея о штормах, которых не будет никогда.

«Мы не сожалеем о штормах, — подумал Кедрин. — Никто не ищет бури. Защищает нас единое в двух лицах — Служба Жизни и Техника Безопасности. И вдруг перестает защищать. Что произойдет со мной тогда? Неужели я все-таки трус?»

Он остановился. Ответ должен найтись сейчас же.

Он взглянул на обрыв. Смерил взглядом его высоту. Затем по заброшенному серпантину взобрался наверх.

Стоя на самом краю обрыва, он смотрел вниз и прикидывал.

Метров сто свободного падения. «Вот и посмотрим, трус ли я и как покажет себя одно в двух лицах...»

«Ты сходишь с ума, — подумал Кедрин. — Чтобы получить ответ, надо поставить эксперимент. В виде исключения — не на электронной модели. А на чем? Тогда сними с руки медифор. Сними. Тогда ты будешь испытывать себя, а не Службу Жизни и Технику Безопасности: сотни, тысячи людей, посвятивших себя охране миллионов жизней. Но, сняв медифор, ты просто разобьешься. Ты предашь жизнь».

Кедрин содрогнулся, потом он вяло двинулся к своему домику, выращенному за несколько минут из карманного стереотипа, пластмассовой конструкции сложных, скользящих очертаний, конструкции, не похожей ни на одну из соседних, таких же сложных и неповторимых. Стоя около дома, он долго следовал взглядом за всеми изгибами и стремительными скачками линий, создававших контур зданища.

Он торопливо вошел в домик, выслушал сообщение информатора: «Великая Аномалия пройдена; начат монтаж второго, внешнего метеорологического пояса; никто не заходил и ничего не оставлял; до ужина осталось полчаса».

В комнате Кедрин вызвал письменный стол, затем диван, прилег на него и подумал, что с ним что-то не в порядке и отдых пока что не помог, так что просто удивительно, почему Служба Жизни до сих пор не вызвала его.

Неужели и здесь его будет преследовать то, из-за чего он покинул прежнюю беспокойную жизнь, пытаюсь найти безмятежность в тихих стенах Института связи? Там был устоявшийся ритм. Гимнастика и бассейн — с утра. Драгоценные часы размышлений. Обед. Снова лаборатория, если хочешь. Если нет — что угодно. Читай, слушай, смотри. Или не делай ничего. Или иди гулять. Или к кому-нибудь — поговорить или помолчать, смотря по настроению. Или собраться втроем или вдесятером — и спорить, и соглашаться или не соглашаться, и пронзять вселенную логикой и интуицией, чтобы еще раз почувствовать себя хозяином бытия. Или играть в футбол, или жать штангу — и в конце концов ты снова оказываешься в лаборатории и надеваешь шлем Элмо, делающего беспредельными силы твоей мысли, и вот тогда ощущаешь себя властелином бытия по-настоящему.

«Властелин бытия, — усмехнулся он. — А вот Ирэн не выдержала. Ушла пять лет назад. И оказалось достаточно одного несчастного случая, чтобы сбить и с тебя спесь. Властелин, а?»

Что ж, значит, не должно быть несчастных случаев. Так говорит и Слепцов. Опытный и умный Слепцов. Такими он воспитал их. Велигай, чувствуется, с этим не согласен, хотя и не показывает виду. Но Велигай, кажется, не очень мощный интеллект. Человек, который там, наверху, занимается, верно, даже физической работой. В глазах Слепцова — это нонсенс».

Кедрин вышел из дома, медленно зашагал к площадке — ужинать. Не успел он ступить на площадку, как день внезапно погас.

На площадке были столики. Кедрин уселся у самой балюстра-

ды, за которой начинался склон. Негромко звучала музыка. Кедрин взглянул на середину площадки и вздрогнул.

Женщина — та самая — скользила между низкими столиками. Танец был незатейлив и радостен.

Потом женщина шла к своему столику. Обычные щедрые пожелания счастья провожали ее. Она села неподалеку от Кедрина, за четвертый от него столик. Протянула руки, и ее пальцы легли на другие, неподвижно лежавшие на столе.

Ее спутник был немолод. Если женщина была бронзовой от загара, то его лицо казалось высеченным из северного камня. В глубоких морщинах лица гнездились холодные тени. Но камень внезапно ожил. Пальцы дрогнули, человек улыбнулся и что-то сказал — вернее, губы его шевельнулись, но Кедрин не услышал звука голоса, хотя и желал этого.

Он почувствовал внезапно, что хочет знать все об этой женщине с крылатыми глазами, которые смотрели так, словно у нее было все, что она лишь могла пожелать. И об ее спутнике с каменным лицом Кедрин тоже должен был знать все. Очень давно уже не возникало у него такого желания. Пожалуй, больше пяти лет — с тех пор, как... Но это не имеет значения. Пять лет — это много, даже когда человек живет сто тридцать, за пять лет многое может измениться и многое изменилось в нем. Он должен все знать об этой женщине...

Кедрин знал, что может просто подойти и спросить у нее об этом. Это было бы в порядке вещей. Но он знал также, что не подойдет; он почувствовал — при одной мысли о разговоре с нею у него начинают дрожать пальцы и учащенное дыхание высоко поднимает грудь. Нет, всегда бывает очень легко заговорить с теми людьми, к кому не испытываешь особого интереса, но заговорить с ней... Кроме того, Кедрин мог заговорить лишь невзначай, но чем больше он думал об этом, тем менее вероятной представлялась ему возможность подойти к ней.

Тогда он отвернулся и стал смотреть в ночь.

Светлую площадку окружала горячая темнота. Она была густой и ленивой. Она располагала не к действию или беседе, а лишь к неторопливым размышлениям. Во всяком случае, тех, кто хотел размышлять.

Люди, портовики и энергетика, были ярко одеты. Их голоса и смех растворялись в говоре волн и леса.

Лес шумел сдержаннее волн. Широкие листья деревьев поблескивали коротко и таинственно.

Можно было смотреть еще и вниз, на бухту. Там, чуть покачиваясь, лежал на фосфоресцирующей воде «Магеллан». Океанский лайнер набирался сил, чтобы завтра, взлетев над водой и опираясь на нее лишь стройными, обтекаемыми лапами, рвануться в Оран — аванпорт Средиземсахарского канала. Сейчас там был еще ранний вечер...

А на острове, где был порт, настала ранняя ночь, и люди со всех концов острова собирались туда, где были друзья, свет и прозрачный звон, летящий от звезд. Других звуков почти не было: остров находился вдалеке от тех людных берегов, где порой сама земля содрогалась от мощных движений машин и сдержанного гула титанических плазмоцентралей.

Люди входили, улыбаясь и раздавая слова приветов. Они пришли, чтобы после работы отдохнуть.

Кедрин взглянул: женщина и человек с каменным лицом все еще сидели на месте и так же негромко разговаривали, и это почему-то успокоило Кедрину. Он снова перевел взгляд на то место площадки, где был вход.

Люди все шли. Уже все места были заняты, и только к столу, за которым сидел Кедрин, не подошел еще никто. Не было принято нарушать покой человека, ушедшего в свои мысли, а Кедрин со стороны казался именно таким.

На самом же деле он не мыслил и даже не размышлял, потому что размышлять означает все-таки делать усилие, всесторонне обдумывая какую-то проблему. Кедрин же не делал усилий.

Он просто чувствовал, что чего-то не хватает. Хотелось чего-то другого, неясного: какого-то движения, чего-то неизведанного, незнакомого.

Он начал настраивать себя на прогулку. В теплой темноте, по влажному песку. Броситься в светящуюся воду. Плыть далеко-далеко. Лежать на воде. Нырнуть глубоко — насколько хватит дыхания. Смотреть на длинные, мерцающие тела рыб. Смотреть на звезды и их отражение в воде. И не думать. И не вспоминать.

Оч уже совсем было встал. Потом снова взглянул на женщину и остался.

Он уйдет, а они останутся здесь. Потом они уйдут вдвоем, и он не будет знать куда. А если бы даже и знал... Ему не хотелось, чтобы они ушли вдвоем, хотя он и не видел, как сможет помешать этому.

Может быть, просто пригласить ее купаться? Всякий волен в своем выборе, и она тоже. К тому же может статься, это просто ее знакомый? Женщины не любят сидеть за столиком одни или с незнакомыми. Так оно идет с древности. Значит, можно подойти?

«Не подойдешь, — сказал он себе. — И никуда не уйдешь. Будешь сидеть здесь, и смотреть на них, и думать, что ты умеешь риковать только в построении гипотез...»

Он опустил голову. Затем поднял ее, почувствовав на себе чей-то взгляд.

IV

На орбите Трансцербера «Гончий пес» сделал очередной поворот — и вот на экранах приборов взвиваются крутые пики. Наконец-то!.. Если это не Трансцербер, то что же? Приверженцы Герна вращают в окуляры. Противники тоже. Шуршат самописцы. Автоматы держат курс, словно по линейке. Пилоты засели за вычислители и уточняют положение Трансцербера и его орбиту, которая, кажется, все-таки существует.

Капитан Лобов советуется с инженером Риекстом: идти ли на сближение с телом, называемым «Трансцербер», или, наоборот, уходить от него, но с таким расчетом, чтобы он постепенно догонял. С точки зрения астронавигации предпочтительнее второй способ, с точки зрения исследования — первый.

С точки зрения инженера Риекста предпочтительней второй способ: точка зрения инженера — это точка зрения двигателей. Капитану Лобову в общем все равно, но он склоняется к первому способу и выбирает второй: капитан Лобов не всегда доверяет своей интуиции и всегда — расчету.

Разворот на сто восемьдесят градусов. Перед капитаном вырастают негодующие исследователи...

Кедрин поднял голову.

Три человека стояли у входа на площадку и смотрели на его столик — единственный свободный.

Они были одеты, как все, и в то же время не так. Обычная одежда стесняла их движения. Она облегала их тонкие и, наверное, гибкие тела, казавшиеся какими-то слишком хрупкими по сравнению с мускулистами, пропитанными силой людьми из порта.

Они медленно двинулись по площадке. Глаза их щурились от света, при ходьбе трое чуть раскачивались из стороны в сторону, как раскачивались в старину моряки с тогдашних тихоходных судов, подверженных качке и всем прихотям моря. Один из вошедших нес чемоданчик, двое были налегке.

Трое подошли к его столику.

Кедрин нехотя кивнул, и они сели, плавно, как бы по воздуху, отодвинув кресла. Кедрин смотрел на них и чувствовал, что с каждой секундой они непонятно почему интересуют его все больше.

Они были одинаковы, хотя и совсем не похожи друг на друга. Сидевший слева был шире остальных в плечах; на лице его выделялись острые полукружия скул, глаза были полузакрыты, словно от боли или наслаждения, но Кедрин безотчетно почувствовал, что все мускулы и нервы этого человека напряжены до предела, натянуты, как пружина, и от чего-то неясного зависит, будет ли пружина раскручиваться долго и равномерно, приводя в движение механизм, или же развернется вдруг, подобно взрыву.

Средний — с длинным и худым лицом и со странным взглядом: в глазах его не было дна. Кедрин почувствовал, как его мгновенно, со сноровкой древнего механика, разобрали на мельчайшие части, тщательно осмотрели и ощупали — и вновь безошибочно собрали. Тогда Кедрин понял, что повернулся к среднему, повинувшись его взгляду. Он поднял брови, но средний уже повернулся к соседу справа — высокому и соразмерному, с лицом круглым и незатейливым, как северное яблоко, и насмешливо поблескивающими глазами. Поглядев на третьего, Кедрин осознал, почему они казались одинаковыми: такое впечатление создавали одинаковая неподвижность их лиц, одинаковый прищур глаз и одинаково, точно от легкой боли, сдвинутые брови.

Кедрину захотелось запомнить этот миг и этих людей. Ему показалось, что все это внезапно приобрело странное и глубокое значение.

Они сидели за столом неподвижно и, казалось, понемногу растворялись в окружающем, становились все менее заметными

на фоне пестрых костюмов и звуков. Даже яркая, пятнистая куртка на среднем из сидящих уже не бросалась в глаза.

Длиннолицый, разобрав и вновь собрав Кедрина, положил ладонь на середину стола, где на гладкой поверхности выступала клавиатура вкусовых заказов — хитроумной системы, заменившей немудрящих кулинаров прошлых столетий. Предвкушая удовольствие, длиннолицый совсем закрыл глаза, медленно нажал несколько клавиш, затем — кнопку посылки. Ответа не было — индикатор приема не вспыхнул. Возможно, это было неисправное устройство... В следующий момент круглолицый сосед справа, усмехнувшись, не глядя, пробежался пальцами по верхней кромке врезанного в стол прибора, нащупал что-то, нажал — крышка, откинувшись, осталась в его пальцах, открылась сложная схема.

Кедрин подумал, что такое не принято; это было, пожалуй, слишком для посетителя кафе. Но круглолицый запустил пальцы в недра схемы, извлек на стол все, что нашлось внутри тумбы, — невообразимую путаницу разноцветного монтажа. Кедрин должен был признать, что даже простое вкусовое устройство выглядит достаточно сложно. Круглолицый пренебрежительно закрыл один глаз, оглядел схему, словно прицеливаясь. Затем вынул из кармана крохотный инструмент, прошелся им по схеме. Инструмент тихо пощелкивал. Замолчал. Тогда нарушитель правил повернул что-то в датчике контактов. Индикатор приема вспыхнул. Круглолицый водворил схему на место. Через минуту лючок подачи раскрылся, на стол выдвинулись наполненные бокалы.

— Вот и все, — сказал длиннолицый. — Штука нехитрая. Уровень прабабушек.

— Ну, Гур, — сказал круглолицый. — Ну, ну...

— Кафе и кафе... — промолвил скуластый. — Вообще тут ничего... Люблю медленное передвижение.

Они говорили негромко. Голоса у них были одинаковые — низкие, глухие голоса.

Кедрин кашлянул. Трое посмотрели на него.

— Здесь весело, — выпалил Кедрин.

— Это хорошо, — сказал Гур, — наш друг Слава, Слава Холодовский, обожает веселье...

— Брось, Гур.

— Да... Помнишь, как ты смешил Игоря? — Гур говорил настойчиво. — Игорь... — он перевел взгляд на Кедрина, — Игорь хохотал сорок минут без остановки. Он хохотал бы еще, но ему наложили последний шов...

Кедрин вздрогнул.

— Да, простите, но что поделаешь: у него в двух местах был проломлен череп, и под руками не нашлось анестезирующих средств.

— У него текли слезы, — сказал Холодовский. — Тогда я еще не умел...

— Текли от смеха, — не согласился Гур. — От смеха, о искуснейший из накладывающих швы!

«Голова... в двух местах, — подумал Кедрин. — От этого можно умереть. Неважный повод для смеха. О страшном и непонятном они говорят, словно о чем-то естественном». И спросил:

— Конечно, случайность?

— Скорее закономерность, — ответил Гур. — Настоящие случайности редки — в их чистом виде...

— А где ваш друг теперь?

— Увы, он покинул нас, — грустно произнес Гур.

«Ужас, темный ужас!» — подумал Кедрин, а круглолицый укоризненно произнес:

— Ну, Гур. Ну, ну...

— Он ушел на экспериментальном корабле. На том самом, который стоил ему двух швов. До сих пор он шлет нам приветы. Только они не доходят. Ведь так, Дуглас? — Гур обратился к молчаливому скуластому спутнику. Тот кивнул.

— Стоит ли утомлять собеседника загадками? — сказал Кедрин. — Откуда вы?

Гур ответил:

— Неудобство нашего времени, о мой любознательный друг, заключается в том, что тридцать миллиардов живет на Земле, а профессий хотя и значительно меньше, но и их тоже — сотни тысяч, и нельзя знать одному всё. А человек по природе своей универсал... Так вот, только в Приземелье работают представители пятнадцати тысяч специальностей. О Заземелье я уже не говорю. Там их еще больше — хороших, добротных, уважаемых специальностей двадцать второго столетия. В специфику некоторых из них по временам входят проломленные головы. Вот вам ответ.

— А вы...

— А мы монтажники. Просто монтажники. Рабочие Приземелья. Звездолетный пояс, стационарная орбита двадцать четыре.

— Монтажники... — сказал Кедрин. — Монтажники... Что же вы там монтируете?

— Корабли, — сказал Гур, и его глаза, лишенные дна, уперлись в зрачки Кедрина. — Планетолеты, транссистемники и самое дорогое — длинные корабли.

— Вот, вот, Гур, — сказал Дуглас.

— Длинные корабли... — сказал Холодовский и посмотрел вверх. — За длинные корабли!

Они подняли бокалы, полные запаха и звона. В вине отразились звезды, свет в свете.

Кедрин кивнул головой:

— Хотел бы я посмотреть...

— Кстати, — сказал Холодовский, — это несложно. Летите с нами — и вы посмотрите.

— И в самом деле, мой друг, — сказал Гур, — почему бы вам не слетать на Звездолетный пояс?

— Нет, — сказал Кедрин. — Лететь с вами нет смысла. Я ничего не понимаю в кораблях. А кроме того...

Он взглянул туда, где сидела она; взглянул случайно, а может быть, и не совсем случайно.

— А кроме того, есть и другие причины...

«И эта причина, — подумал он, — живет на Земле. Такие, как она, живут только на Земле».

— Ну да, — сказал Холодовский. — Конечно, есть и другие причины.

— Почему-то, — серьезно произнес Гур, — никто до сих пор не взялся всерьез за изучение вероятности человеческих поступков в системах с неопределенным количеством неизвестных, имя которым «квазислучайности». Будь найден соответствующий алгоритм, он значительно облегчил бы вашу задачу, и вы уже сейчас поняли бы, что единственный выход для вас — идти и собирать вещи для полета на Пояс.

— Можно подумать, что вы...

— Для меня в этой системе одним иксом меньше...

Он хотел сказать еще что-то, но внезапно все трое вздрогнули и болезненно поморщились. Казалось, их ударило током, но это была всего лишь громкая музыка.

— Так вот, друг мой, для меня одним иксом меньше. И это так же верно, как и то, что мой длинный нос чувствует в воздухе какой-то необычный запах.

— А знаете что? — тихо проговорил Холодовский. — А вот нам случай проверить...

— Ну, ну, Слава, — сказал Дуглас. — Ну... Дразнить себя...

— А почему? А если он покажет запах? Тогда ясно будет, что этот этап пройден и что хотя бы в этой части мои мысли подтверждаются. Что, Гур?

— Лучше проверить, — сказал Гур, — чем не проверить. К тому же вы знаете мой принцип: если вы не знаете, остаться ли на месте или сделать шаг вперед, — в любом случае делайте шаг вперед!

— Что же, — сказал Холодовский. — Сделаем шаг вперед. К счастью, я своевременно отстроил прибор от фона.

Он поднял чемодан на стол, открыл его. На экране прибора вспыхнула красная точка, стала разгораться все ярче и ярче, потом чуть потускнела и снова разгорелась.

— Пожалуйста, — сказал Холодовский. — Что и требовалось...

— Но направления нет, — сказал Гур.

— Этого я пока не обещал.

— Ну, Слава, — сказал Дуглас, — а был ли мальчик-то?

— Это же твой озомер.

— И я могу ошибаться.

— Зато я не могу, — сухо сказал Холодовский. — Запах есть. Прибор фиксирует его. Грубо можно даже определить направление: источник запаха смещается приблизительно на норд — норд-ост. Что еще? Сила запаха? Пожалуйста, в этой точке — три милиоза.

— Я не о том, — сказал Дуглас. — Есть ли сам запах? Мало что...

— Пожалуй, нет, — вмешался Кедрин. — Я почувствовал бы. У меня острое обоняние.

Никто не ответил, только Гур проворчал: «На Земле не может быть острого обоняния при таком фоне...» Потом спросил у Кедрина:

— Может здесь пахнуть дыней? Большой желтый плод...

— Знаю. Нет, не может. На всем острове вот уже четыре дня нет ни одной дыни.

— Ну, ну, — сказал Дуглас. Встал. Ритмично раскачиваясь, ушел к выходу. Гур лихорадочно черкал что-то на салфетке. Протянул ее Холодовскому.

— Если так, то здесь ставим озометрические посты...

Они едва слышно заговорили о преобразованиях Гарта применительно к рабочему пространству. «Странные люди, — думал Кедрин. — Больше им нечего делать, как всерьез рассуждать о запахе. Если чего-то и нет в пространстве, то именно запаха. У этих парней отсутствие дисциплины и целенаправленности мышления. Не говоря уже о том, что решать невооруженным мозгом преобразования Гарта применительно к чему-то там — ерунда. Все равно, что заколачивать головой гвозди. Такую черную работу дают на машину и используют лишь результат... Интересно, для чего им этот самый озометр? Странный прибор...»

Вернулся Дуглас, шагая так же неторопливо. Он уселся, поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Транспортная пустышка проходила к Дакару, — сказал он и помолчал. — Имела на борту груз текстобутира. — Он снова помолчал. — Текстобутир...

— Текстобутир, как известно всей видимой вселенной, пахнет дыней, о мой разговорчивый друг, — победоносно завершил Гур. — А что это значит?

— Что нам здесь больше нечего делать, — сказал Холодовский и встал. — Прибор нам сделать помогли. Можно считать, и испытания совершились. На какой высоте шел вакуум-дирижабль? Тысяча пятьсот? Если озометр засек запах при таком фоне, как здесь, то я и не знаю, что вам еще нужно. На чем мы улетим?

— Через двадцать минут приземлится «Кузнечик». Будет брать воду. Здесь как раз его соленость. Широта знаний украшает человека, друзья мои и соратники.

— А на нем?

— Куда-нибудь. В Казахстан или Атакаму, но с любого космодрома на первом же приземельском мы улетим. А пока еще успеем выкупаться. — Он повернулся к Кедрину. — Ну, было очень приятно, мой уважаемый друг. Но нам пора начинать жить по другим часам... Никогда не прошу себе, что мы не заказали ужин.

Кедрин не слышал. Он смотрел в другую сторону. На женщину. Она встала. Ее спутник остался один, и это был именно тот момент, когда надо было подойти к нему, и спросить обо всем, и ответить на все вопросы. И, может быть, когда она возвратится к столу...

Он уже шел, и каменное лицо придвигалось все ближе, но сейчас Кедрин стал бы сражаться даже с камнем.

Он сидел неподвижно, этот камень, подперев голову левой рукой, словно пытался что-то вспомнить или услышать. Да, он, кажется, прислушивался к тому, что происходит где-то далеко, страшно далеко отсюда...

— Я прошу вас сказать, — проговорил Кедрин.

V

На орбите Трансцербера все в порядке. Поворот «От Трансцербера» совершен. Небесному телу была предоставлена возможность догнать «Гончего пса» в свое удовольствие. Было

известно — планета нагонит корабль, было известно, где это произойдет, и было известно когда.

Маневр закончился, и пилоты вспомнили о том, что осталась незавершенной атака на белого короля, а исследователи вспомнили, что даже им иногда следует подкрепляться пищей, не имеющей ничего общего с планетологией. Капитан Лобов вспомнил, что один фильм им все-таки отложен на вечер, а инженер Риекст с грустью констатировал, что он, вернее всего, так никогда и не услышит, как работает диагравионный двигатель. И тогда он услышал его.

Нарастание шума произошло мгновенно, как взрыв. Одновременно взвыли сирены контрольного блока, дозиметры и авральные сигналы. Что-то со звоном разлетелось вдребезги. Кто-то охнул и смолк.

Капитан Лобов уставился на инженера Риекста и прохрипел слово, которого никогда не было и, наверное, не будет ни в одном из языков Земли, слово, изобретенное столь же мгновенно, как пришла беда. И инженер, может быть, не понял бы этого слова, если бы капитан Лобов одновременно не сделал обеими руками такого жеста, словно он собирался взлететь, воспарить к потолку рубки вопреки искусственной гравитации.

Жест этот был понятен, это был жест, предусмотренный инструкцией. И инженер Риекст, не колеблясь ни миллисекунды, упал вперед — так было быстрее всего — и в падении ухитрился сдвинуть предохранитель и ударить по красной выпуклой шляпке в дальнем углу пульта.

Катапультирование реактора было произведено вовремя, и он взорвался как раз на таком расстоянии, чтобы не повредить того, что осталось от корабля. Корабль лишился реактора, и двигателя, и энергии, если не считать аварийных аккумуляторов, о которых всерьез говорить не приходилось, и всякой надежды обрести свой ход и уйти с орбиты Трансербера раньше, чем загадочная планета достигнет его.

Когда все это выяснилось, капитан Лобов разрешил экипажу ужинать. Сам же он прошел в рубку связи и начал срочно вызывать Землю, хотя это и обходилось аккумуляторам дорого. Все-таки с Землей надо было поговорить, хотя бы из простой вежливости, как сказал капитан Лобов, поглаживая щеки с таким видом, словно собирался бриться в третий раз.

— Я прошу вас сказать... — повторил Кедрин.

— Не слышу, — глядя мимо Кедрина, громко сказал человек с каменным лицом. — Не слышу... — У него был странный голос, высокий и курлыкающий. — Возьмите канал у метеорологов.

— Зачем? — растерянно спросил Кедрин. — Я хочу узнать только... — Он постарался сказать это как можно решительнее.

— Теперь слышу хорошо, не кричите, — перебил его сидящий. — Говорите... — Взгляд его все еще был устремлен куда-то вдаль. — Да?

— Где я смогу найти ее? Завтра?

— В зоне Трансербера... — раздельно и словно бы задумчиво сказал сидящий. — Так.

— Что? — сказал Кедрин и сделал шаг назад.

— Нет, ни в коем случае. Только шаг вперед... — каменный усмехнулся, но в глазах его была тревога. — Скажите: Седов уверен, что все будет в порядке. Да.

— Простите, вы...

— Я буду немедленно, — громко сказал человек с каменным лицом. — Слышите, немедленно!

Кедрин оглянулся. Была явно необходима помощь Службы Жизни, а до ее прибытия могли помочь трое монтажников, если они еще не ушли. Их не оказалось за столиком. Кедрин крутнул головой. Они стояли плечо к плечу за его спиной, и глаза их не отрывались от каменного лица.

— Вы что-то хотели? — сказал каменный, наконец-то заметив Кедрину. — Хотя все равно... — Он вытащил из уха капсулу, отлепил микрофон, приоткрывшийся в углу рта, и тотчас же вернул все на место и, чувствовалось, сразу же забыл о существовании Кедрина и смотрел теперь только на монтажников.

— Что? — спросил Гур, и Кедрин удивился, услышав, как кратко он может спрашивать.

— Авария.

— У нас?

— «Гончий пес» с Лобовым. В зоне Трансербера. Взбесился гравигенный реактор. Катапультировали... — Человек с каменным лицом курлыкал и клекотал, однако трое отлично понимали его и, видимо, давно привыкли к протезу гортани. — Но корабль-то наш. Восемь человек. На обломках. Уточняют, сколько можно продержаться.

— Причина?

— Пока неясна. Хода нет и не будет, да и энергии... Ты помнишь, Дуг, их аккумуляторы?

— Помню, — сказал Дуглас, и по тону было ясно — он помнил их не с хорошей стороны.

— Тут нужны длинные корабли, — сказал Холодовский.

— Да. Длинные корабли. Ни одного сейчас нет в системе.

— Им и нечего делать в системе. Длинные корабли...

— Ну, Гур. Ну, ну...

— Значит, выход один, — прокурлыкал высокий голос. — Его надо построить.

Гур сказал скорее для себя:

— По программе длинный должен быть заложен через две недели...

— Заложим через неделю. Если не помешает запах...

«Ничего не понимаю, — подумал Кедрин. — Да и кто понимает?»

Видимо, остальные понимали.

— Запах не помешает.

— Ты ручаешься, Слава?

— Я ручаюсь. Озометр испытан.

— Остаься здесь на неделю для развернутых испытаний. В пространстве нам его не испытать. Нет микроизлучателей.

«Нет микроизлучателей, — подумал Кедрин. — А что им сказать? Нет. Не рассчитав, нельзя обещать».

— Итак, остаешься на неделю.

— Нет, — сказал Холодовский.

— Ты знаешь его, Седов, друг мой, — проговорил Гур. — Мы тоже его знаем. Это Слава Холодовский в своей коронной роли. В роли истребителя запахов. Да буду я назван лжецом, если он не полетит с нами. Ты знаешь его.

— К старту... — сказал Седов, и трое шагнули к выходу. Женщина встретилась с ними на полдороге, она возвращалась к столику. Длинный Гур протянул руку и что-то сказал. Она повернулась и стремительно пошла, обгоняя их. Яркая ткань платья растворилась в сиянии радужных ламп. Трое шли за нею. Они чуть раскачивались. От выхода Гур обернулся. Его взгляд нашел Кедрина. Гур махнул рукой.

— Делайте шаг вперед... — донеслось до Кедрина. Потом они исчезли.

— Итак, — сказал Седов, — вы хотели что-то сказать мне?

— Нет, — сказал Кедрин. — Ровно ничего.

«Ровно ничего, — подумал он. — Им предстоят дела посложнее, чем разговор о чувствах. Хотя для меня сейчас это самое сложное».

Он повернулся и смотрел снова на выход, в котором исчезла она и куда направлялся высокий и сутулый ее спутник. Ничего, сегодня она проводит своих знакомых. Оказывается, и те были ее знакомыми. Странно... Но он найдет ее завтра и скажет все... А сейчас ему не хотелось более оставаться здесь, где люди все так же громко разговаривали и смеялись, не зная ничего ни об ушедшей женщине, единственной в мире, ни об аварии — где это было? — в зоне Трансцербера. Кстати, что это такое?

Кедрин спустился с площадки и вступил в лес.

Мохнатые стволы обступили его, дрожащими точками заплясали светящиеся жуки. Маленькими планетами величественно плыли среди них голубые яркие многокрылые шарики, завезенные с иной планеты и прижившиеся почему-то только на этом островке, странные автотрофные организмы, подобных которым не было на Земле...

Он шел и чувствовал, что в какой-то невообразимый клубок, недоступный анализу, спуталось в его голове все: красота Земли, гибель Андрея, монтажники, женщина и авария в зоне Трансцербера... Мысли путались, как тропинки в лесу, одна из которых сейчас вела его неведомо куда. Была тишина, только на миг раздался гул, что-то светлое промелькнуло над головой, гул перерос в рев и опал, и вновь был покой. Лес дышал. Сгушались шорохи. Фосфоресцирующие ночные цветы с Эвридики сдержанно покачивали сухими стеблями. Рассудок молчал, молчала интуиция. Тропинки пересекали одна другую, и иногда на них мелькали люди, и слышны были смех и приглушенные голоса.

На миг ему стало жаль себя, потому что он бродил один и ему не с кем было посмеяться и не с кем было говорить приглушенным голосом, все повторяя и повторяя древние и вместе новые слова, которых он знал — внезапно он с удивлением убедился в этом — великое множество... Но тут же он подумал о монтажниках. Мысли о них вдруг захватили его, словно бы эти люди все время шли за ним по ночному лесу и вот теперь улучили момент.

Что же это была за работа? Он представил себе четверых — нет, пятерых, потому что Велигай, судя по микронизлучателям, тоже был из этих людей, — стоящими на каком-то помосте или площадке и напряженно вглядывающимися в бушующее пространство. Но он никак не мог придумать, что же должно бушевать в пространстве, и картины не получилось.

Это рассердило его, и вдобавок он едва не налетел на внезапно пересекшего тропинку человека. Кедрин инстинктивно вытянул руки, и его пальцы ощутили странное, прохладное и гладкое вещество комбинезона.

Человек остановился, длинные крылатые глаза взглянули на Кедрина и узнали его. На миг в них мелькнула искорка смеха, и вновь только обычная доброжелательная вежливость тлела под веками. Кедрин стоял растерянный, не опуская рук, извинения никак не могли выговориться. Не думая, он стиснул плечи женщины и поцеловал ее — неожиданно для себя еще более, чем для нее.

— Ну вот... — сказал он.

Она колебалась долю секунды. Потом улыбнулась:

— Здесь такой обычай, на острове? Или...

— Нет. Но...

— Впрочем, все равно. Пусть это будет прощанием с Землей. Прощай...

Кедрин догнал ее почти бегом и зашагал рядом, глядя не вперед, а на тонкое лицо женщины.

— Смотри на тропу, — не оборачиваясь, тихо сказала она. — Ты упадешь.

— А ты?

— Я нет.

Он послушно отвел глаза. Небывалый вечер, неизвестный край...

— Я правильно иду к Мыслителю?

Она заставила его ощутить конкретность пространства. Лес, людей на тропинках, один разлегался на теплой земле и устался на экран телеинформатора.

— Ах... к Мыслителю? Тогда сейчас направо...

Она ускорила шаги. Обернувшись, улыбнулась в последний раз. Она простила... Впереди, у подножия статуи Мыслителя — не древнего, роденовского, а нового, Нилуа — Кедрин различил четыре отблескивавшие фигуры.

Монтажники смотрели на статую. Затем, не отрываясь, подняли руки — это означало, должно быть, что женщину заметили, и Кедрина удивила способность этих людей видеть, не поворачиваясь, все, что происходило по бокам. Потом они все-таки повернулись и вежливыми кивками попрощались с Кедриним.

— Время, — сказал Седов. Курлякающий голос его был неожиданно звонок, но все же с хрипотцой, словно в металле была трещинка. — Вы проводили ее, это очень любезно с вашей стороны. Хотя это лирика. Прощайте.

Мыслитель остался один и все так же пристально смотрел вдаль, на лежащий за океаном континент. Пять силуэтов растворились в темноте. Кедрин прошел немного вперед, чтобы лучше видеть, как они уходят — и она с ними. Нет, он не встретит ее завтра...

Небывалое упрямство выросло в нем. Не встретит? Ну, это еще не доказано...

Он кинулся вдогонку по ровной светящейся — таково было ее покрытие — дороге, уходящей к бухте. Он бежал быстро, и, однако, когда достиг берега, с крутого борта темной машины, которой еще вечером здесь не было, уже убрали трап. Кедрин ухватился руками за последнюю перекладную и поехал вверх, больно стукаясь коленями о гладкий борт. Люк приближался. Тонкая рука вытянулась оттуда, схватила за ворот... Кедрин почувствовал, как его поднимают на воздух, и удивился неожиданной силе Холодовского. Тот задумчиво смотрел на Кедрина и чуть улыбался, и фигура его казалась столь же хрупкой, как и раньше, хотя он только что держал на вытянутой руке во семьдесят килограммов: свой вес Кедрин знал точно...

В салон его буквально втолкнули и кинули в кресло. Сквозь задний иллюминатор было видно, как над водой взлетели и упали стрелы пламени. Их строенная ракета, длинная сигара над двумя покороче — «Зеленый прыгающий кузнечик», глайнер — скользнула по взволнованной, мигающей воде.

Бег ускорялся. Кедрин знал, что сейчас все на острове, кто мог видеть, смотрят на это чудо, которое не может примелькаться: тяжелый корабль уже не держался на воде... Блеснули короткие косые крылья. Вода закипела, гул проник в салон, громадный «Магеллан» осуждающе закачался у стенки...

На высоте пятидесяти километров моторы умолкли. «Прыгающий кузнечик» втянул крылья. Тогда Кедрин оглядел салон.

Он казался пустым, на этом витке ночные рейсы не собирали пассажиров. В салоне были только те пятеро — ну и, разумеется, шестой, сам Кедрин. Приняв сердито-независимый вид, он как бы невзначай подсел поближе к монтажникам.

Никто из них, казалось, не удивился, да никто из них давно уже не удивлялся поступкам, неожиданным лишь для человека, не видящего скрытой связи явлений... Только Гур чуть-чуть прищурил глаза.

— Логика погибла в лесу, — пробормотал он.

— Ну, Гур, — проворчал Дуглас. — Ну, ну...

— А что? Человек тем и отличается от животных, что обладает способностью поступать нелогично... — назидательно сказал Гур, устроившись в кресле поудобнее, и начал что-то излагать относительно логичности инстинкта. Никто не поддержал беседы, и Гур умолк, обиженно проворчав напоследок:

— О люди, люди...

Кедрин молчал. Только теперь он стал по-настоящему удивляться себе. Ему вдруг показалось, что вот-вот начнутся какие-то совершенно необычные и очень важные события.

Однако это было не совсем так.

VI

На орбите Трансербера подсчитаны все ресурсы. Энергии хватит на пять месяцев, если свести все к минимуму и не слишком злоупотреблять связью. Так сказал капитан Лобов.

Все несколько приуныли, успев познакомиться с тем, как ка-

питан Лобов понимает слово «минимум» и как он понимает слово «злоупотреблять».

Впрочем, после этого капитан утешил всех или думал, что утешил. Он объявил, что команда и пассажиры — пассажирами числились исследователи — могут заниматься личными делами. После этого он сел к столику и стал бриться, предупредив, что искусственная гравитация будет выключена через двадцать минут: она в минимум капитана Лобова никак не входила.

Итак, капитан Лобов бреется третий раз за сутки. Пилоты садятся играть партию — двадцать первую за эту неделю. Они играют очень внимательно и сосредоточенно и только впоследствии обнаружат, что черный король шесть ходов подряд стоял под шахом и никто этого не заметил.

Исследователи уселись кто куда и принялись писать. Двое записывали свои соображения по поводу того, что обнаруженное тело, хотя и обладает небольшой (относительно) массой, все же должно быть признано планетой и просто удивительно, как это никто до Герна не обнаружил никаких признаков его пребывания на орбите. Двое других пишут нечто прямо противоположное, хотя и не отрицают существования на орбите некоего тела, ошибочно именуемого Трансцербером.

А некое тело, ошибочно именуемое Трансцербером, находится еще очень далеко, до него — по орбите — миллиард с лишним. Но оно догоняет их и рано или поздно догонит. Еще не все ясно, но в глубине души все побаиваются, что это будет несколько рано. Хотя, когда бы это ни произошло, все равно будет слишком рано: реального способа спастись нет, и все знают — ни в одном космопорту сейчас нет длинных кораблей. Корабли строятся не для того, чтобы висеть в портах.

Других событий на орбите Трансцербера пока не происходит. Достаточно и того, что уже произошло.

Людям нередко бывает свойственно думать, что события лишь надвигаются. Сдерживая дыхание, они ждут их приближения в то время, когда события уже окружили их со всех сторон, уже прочертили в пространстве-времени свои пока невидимые трассы, и нужно не ждать их, а лишь разглядеть и приготовиться встретить во всеоружии воли и разума.

Понимание этого дается опытом. Пока его нет, человек может откинуться в кресле и ощущать, как медленно исчезает ускорение и тело становится все легче, потому что глобальный лайнер — глайнер «Кузнечик» стремительно приближается к вершине своей баллистической кривой, к точке, откуда начнется его медленное падение на Землю. Человек может украдкой (чтобы не показывать, что на такой машине он, как ни странно, летит впервые) оглядеть салон, подобный салону вакуум-дирижабля или внутриконтинентального лайнера, делающего не более трех тысяч километров в час. Только кресла стоят на каких-то подставках, закрытых матовым пластиком. И меньше иллюминаторов. И сами иллюминаторы меньше, чем на других средствах транспорта.

Человек может смотреть в один из этих иллюминаторов или — еще лучше — включить экран на спинке переднего кресла и лю-

боваться россыпью облаков далеко вниз, и ползушим медленно, чуть выше этих облаков, тяжелым транспортом с короткими, вынесенными в самый хвост крыльями, и виднеющимся вдаль Висячим космодромом, чья толстая гибкая платформа находится на высоте ста пятидесяти километров над Землей. На этой платформе накапливаются грузы, а затем их забирает большегрузный транспорт с Метеорологического или Звездолетного пояса или с другой орбиты Приземелья и увозит в пространство. Пассажирского сообщения с Висячего космодрома нет. Вокруг маленькой отсюда пластинки Висячего космодрома снуют жуки и стрекозы, которые становятся светляками, когда включаются их двигатели.

Чем еще может заниматься человек? Смотреть на бодро поднимающееся на западе солнце (оно летит куда медленнее, чем глайнер) или, наконец, размышлять, каким образом, вместо того чтобы спокойно спать в домике на острове, он несется куда-то вокруг Земли и неизвестно, куда еще попадет.

Но можно вовсе и не размышлять, а просто смотреть на людей — на тех пятерых, расположившихся в креслах чуть впереди. Тем более, что они не обращают на тебя никакого внимания. Они заговорили:

— Я не пойму: почему Лобов радирует о четырех месяцах? Ведь энергии должно хватить на пять — пять с половиной...

— Их догонит Трансербер.

— Все-таки они нашли Трансербер, — сухо сказал Холодовский. — Герн будет прыгать, и торжествовать, и произносить свое классическое: «Я же говорил...»

— Герн не будет торжествовать. Он будет рвать остатки волос и стремиться туда, чтобы пожертвовать собой для спасения этих восьми.

— Жертвы их не спасут.

— Расскажи это Герну.

— А впрочем, какое это имеет значение... Они нашли планету.

— Только бы она не нашла их, о мой категоричный друг.

— Я хотел бы, чтобы был еще один Транс...

— Запах — твой Транс, — курлыкает голос.

Они смолкли, и можно смотреть на любого из пятерых; на Седова, что снова как будто окаменел в своем кресле, и непонятно, спит он, или мыслит, или мечтает, или просто отдыхает, расслабив мускулы тела и связи головного мозга. Можно смотреть на женщину подле него — она, широко раскрыв глаза, глядит вдаль. Гур задумчиво выводит пальцем на выключенном экране какие-то фигуры, причудливые линии, в хаосе которых угадываются закономерность и ритм. Холодовский вложил в ухо капсулу приемника планетного вещания, но вряд ли слушает передачу: он что-то записывает. Дуглас, вопреки нормам поведения, разобрал такую же капсулу и критически разглядывает на свет какую-то едва видимую простым глазом деталь.

И вот, оказывается, можно смотреть на все это — и не разглядеть событий. Не увидеть их даже в хрусткой ленте фотографии. Человек, вышедший из пилотской кабины, тронул Седова за плечо, протянул ему эту ленту и отправился обратно. Он шел по проходу, насвистывая и дирижируя указательным пальцем.

Седов прочитал радиogramму, не сделав ни одного движения сверх тех, что были потребны. Никто из остальных не повернул головы. Крайне нелюбопытны были они, хотя уже сам факт поступления фотограммы прямо на борт глайнера был многозначителен: не такая уж легкая задача — связаться с глайнером.

Пока Кедрин успел подумать об этом, Седов аккуратно свернул ленту, сунул ее в карман комбинезона и неторопливо застегнул карман. Затем он легко поднял из кресла свое угловатое, сутулое тело.

— Опять запах, — сказал он негромко.

— Я знал, — сказал Холодовский, — что сейчас не время для развернутых испытаний.

— Где мы возьмем озометры? — спросила женщина.

— Сделаем.

— Это предупреждение, — сказал Седов. — Нужна защита.

— Я сейчас думаю над этим, — сказал Холодовский, и это прозвучало так, как будто защита уже готова. — Моя гипотеза стала теорией. Это микрометеоры, тормозящиеся в статическом поле.

— Как запах проникает в экранированный скваммер? Не осветишь ли ты и этот вопрос, о достойнейший?

— Для защиты нужны дополнительные экраны.

— Просто и дорого, — сказал Седов, каменной глыбой молча стоя в проходе.

— Но необходимо.

— Ну, Слава. А если ты ошибаешься?

— Это мой Трансцербер. Я подбираюсь к нему два года. Надо скорей попасть на спутник.

— Мы будем там, — сказал Седов, — через час. — Он оглянулся, его взгляд зацепился за Кедрина. Миг брови Седова выражали недоумение, затем досадливо сдвинулись.

— Вы здесь... — сказал он. — Зачем вы здесь?

— Мне нужно, — ответил Кедрин.

— Куда вы?

— С вами.

Уголок рта на каменном лице неожиданно приподнялся в улыбке, и это было как будто цветок распустился на камнях. В следующую секунду улыбка исчезла.

— Хорошо. Как у вас со здоровьем?

— Без ограничений.

— А на перегрузки?

— Я же сказал: без ограничений.

— Что ж, в худшем случае... Где ваш медифор?

Кедрин протянул руку, и Седов перевел регулятор на маленьком приборчике Службы Жизни.

— Теперь вы на контроле у нас. Идите. Вы мне понадобятся.

Кедрин встал. Седов уже шагнул к двери в пилотскую кабину широко и уверенно, словно по своей комнате. Кедрин настиг его лишь в рубке.

В глубоких овальных креслах сидели двое. Один — он выносил радиogramму, — насвистывая, глядел в потолок, накручивал и раскручивал с пальца болтающуюся на тонком проводе капсулу контроля за двигателем. Другой, с залысенным

лбом, читал книгу. Были люди, упорно не признававшие микро-чтения, или, как они говорили, микрочтива. Одно это давало представление об их характере, и вряд ли стоило просить такого о чем-нибудь не предусмотренном правилами.

— Вы — командир, — сказал Седов, обращаясь к читавшему.

— Говорят, — согласился тот, отведя руку с книгой, и с интересом оглядел собеседника. Потом взгляд его скользнул по Кедрину, но тотчас же вернулся к монтажнику и с удовольствием прошелся по его сухой фигуре. — Итак?

— Вы идете на Среднеазиатский?

— Среднеазиатский приземельных орбит, — уточнил пилот. — А вы идете в другую сторону?

Глядевший в потолок прыснул. Смеялись и глаза пилота. Кедрин понял — им было скучно. Но Седов пропустил вопрос мимо ушей.

— Давайте так, — сказал он. — Я буду спрашивать, вы — отвечать.

— Отвечать будет информаторий, — сказал пилот. — Сема, будь любезен, свяжи товарища с информаторием. У меня тут, — он ткнул пальцем в книгу, — назревает любовная драма.

Сема продолжал насвистывать, но рука его потянулась к кнопке.

— Мне необходимо на Звездолетный пояс. Срочно. Спутник-семь.

— Что же, — доброжелательно сказал пилот. — Со Среднеазиатского машина уходит к поясам через восемь... Сема?

— Через... семь сорок две точно, — и Сема продолжил прерванную мелодию.

— Через семь сорок две. Вы успеете.

— Мне нужно быть на Звездолетном поясе через час. Вместе с товарищами.

Сема перестал свистеть.

— У меня стратосферная машина.

— Просто старая машина, — с расстановкой произнес монтажник.

— Старая, — так же с расстановкой подтвердил пилот и отложил книгу.

— Их списали с орбитальных полетов и передали в стратосферу год назад. Но двигатели остались...

— Передали, — согласился пилот. — Земля бережлива. Но на большинстве двигатели уже выработали свой ресурс и заменены.

— У вас еще стоят Винд-семнадцать. Иначе сняли бы и группу отключения резерва, а она на месте.

— Я вижу, вы были там, — сказал пилот. — Допустим, я выйду в пространство. Пусть даже нас там возьмут маяки и подведут, куда надо. А чего ради мне отдавать свой сертификат?

— Жизнь людей.

В рубке стало тихо.

— Давно я не слышал этого ключа... С тех пор, как оттуда. И вы потеряли пять минут, с этого надо было начать.

— Надо было познакомиться с вами.

— Ясно. Нужно согласие пассажиров.

— Кроме нас, здесь только один. Вот он. Он согласен.

— Вы согласны?

«Ты согласен? — подумал Кедрин. — Это уже больше не игра, не романтическая погоня за возлюбленной. Да или нет?»

— Я согласен, — сказал он, но голос сорвался, и он повторил еще раз, более уверенно: — Конечно, согласен.

— Он согласен, — подтвердил Седов.

— Не забывайте, перегрузки будут не пассажирские.

— Он перенесет, — сказал Седов. — Конечно, перенесет.

Сема обернулся, подмигнул Кедрину и щелкнул языком.

— Ладно. Поставим вас на контроль. Только если ему станет плохо, мы не взлетим. Блокировка.

— Взлетим, — сказал Кедрин басом.

— Ну да... — мрачно пробормотал пилот. Он повернулся в кресле, почти не глядя, потыкал пальцем в клавиатуру решающего, столь же мрачно обзвел шкалу. — Учитывая износ машины, сорок семь процентов риска.

— Ради жизни людей я ходил на шестьдесят, — сказал Седов.

— Я ходил на девяносто, — пробормотал пилот. — И я знал людей, которые ходили на сто. Самсонов ходил на сто и пришел обратно.

— На Цербере? — Седов глядел на металлический кружок на правом рукаве пилота.

— На Диане, в оранжевой системе. Я — да, на Цербере. Через год снова пойду. Я сейчас отдыхаю. Займите места. Всыплют нам, Сема?

— Всыплют, — радостно сказал Сема.

— Всыплют. Не забудьте присоединиться к контролю. Все. Сема, проследи.

Сема проследил. Возвращаясь в рубку, он остановился на пороге и доверительно сообщил пассажирам:

— Вы сделали старику подарок — лучше не надо. А то он говорит, что у него в жилах кровь свернулась в простоквашу. Сейчас он отведет душу...

— Звездолетчик, — пробормотал Седов. — Звездолетчик... Звездолетчик, — сказал Седов в третий раз, ставя точку, и, прекращая всякую лирику, откинулся в кресле.

«Звездолетчик», — подумал Кедрин, и тут же мысли сдвинулись с места, смешались, завихрились, канули куда-то. Кресла полезли вниз, одновременно поворачиваясь, раздвигаясь, превращаясь в диваны. В глазах потемнело. Пилот «Кузнечика» отводил душу. «Кузнечик» ревел тремя «Винд-семнадцать», наконец-то дорвавшись до форсажа. Громовым салютом глайнер прощался с наезженной трассой, вырываясь в простор, о котором всегда мечтают даже маленькие корабли... И он, рыча от восторга, карабкался на вершину невидимого пика.

Далеко внизу, на Земле, в посту слежения и управления Глобальных трасс, диспетчер схватился за голову, на которой давно уже не росли волосы, и послал негодующую радиограмму. Сема мгновенно закодировал ответ. Диспетчер прочел, топнул ногой, призвал на помощь всех чертей и, одобрительно подмигнув неизвестно кому, пустил по спирали сообщение о том, что

Глайнер восемнадцатый задерживается в пути и на линию будет выслан резервный номер семьдесят три.

Корабль вышел в черное небо.

Пилот снял ускорение. Настала невесомость. Трижды, нарастая и ослабевая, во внешних дозиметрах прошумел неведомый прибой, означавший, что пройдены радиационные пояса планеты.

Распахнулось пространство; Земля уходила в сторону. Над ее выгнутой поверхностью всходили голубые конструкции астрофизического спутника номер пять. Шестой сиял в самом зените, на фоне давно знакомого созвездия, и вокруг него вспыхивали другие звезды, которых не было в астрономических каталогах. Тяжелый грузовоз оторвался от его причальной площадки, выбросил голубое облачко и начал снижаться к ажурным дискам Метеорологического пояса, нечастой цепью охватывавшего планеты в меридиональной и экваториальной плоскостях. Где-то далеко справа вспыхнула и начала расплываться розоватая туманность — наверное, очередной планетолет ушел в рейс к внутренним планетам, — и сейчас же это облачко на миг затемнил проходивший перпендикулярным курсом нерегулярный патрульный спутник... Пространство Приземелья жило своей жизнью, и как бы в доказательство этого в телефонах утихали голоса планетного вещания, и их место занимали другие: люди на кораблях и спутниках переговаривались, шутили и спорили, иногда резким свистом их перекрывали закодированные тексты с лунных станций, и в ответ им летели такие же свистящие молнии с Земли. Впереди, пока еще в отдалении, возникли и становились все ярче зеленоватые светила Звездолетного пояса.

Кедрин не испытывал страха. Ему казалось все еще, что пространство нереально — невесомость кончилась, корабль шел с ускорением в одно «же». Пока ничего необычного не было... Разве что мигание предупреждающих табло и голос, раздавшийся в капсулах: «Внеочередной, внеочередной, даю пеленг, слушайте ваш пеленг... Включите ваших кибферов на прием нашей посадочной программы... Какая частота ваших кибферов?» — «Нестандартная, сажусь сам», — ответил несколько измененный передачей голос пилота. «Внеочередной, не уверен, что сядете». — «Пит, узнаю тебя по ушам, вспомни спецзону на Диане». — «Мишка, клянусь святым торможением, это вынырнул Мишка!» — «Взял твой пеленг, Пит. Включаю». — «Пузырь, пузырь, по кличке «Орион», куда лезете в наше пространство, освободите пространство для внеочередного!» — «Но я имею график». — «Поломайте его о колено...»

Началось торможение. Оно было плавным, тяжесть нарастала медленно, чувствовалось, что пилот работает, как мастер, — без лишнего напряжения, легко и точно. Двадцать четвертый дробь семь надвигался из пространства — громадный цилиндр, опосанный тороидами, окруженный радио- и световыми маяками, светящийся множеством иллюминаторов и габаритных огней. Глайнер выходил к торцу цилиндра. Вспыхивали сигналы. Спутник покатился, уходя из поля зрения. Загорелись звезды. Торможение усилилось, внезапно корабль завибрировал, и Кедрину показалось, что у него заняли целых шестьдесят четыре зуба — так много их вдруг оказалось. Но vibra-

ция кончилась, плафферовые шторы поднялись, закрывая иллюминаторы. «Мишка, у тебя есть переходник?» — спросил тот же голос. «Нет, это же теперь глайнер, к чему на нем переходник?» — «Ну, я не знаю, на всякий случай... До чего ты дожил — летаешь на глайнерах». — «После этого рейса не буду летать и на глайнерах, — мрачно пообещал пилот. — Так куда мне приткнуться?» — «Ладно, провались ты в Юпитер, примем вас в закрытый док, выйди на пеленг АМ».

Только сейчас Кедрин осознал: они действительно в пространстве, в приземельской пустоте, и рядом — громадный, медленно вращающийся спутник, и каждое неловкое движение может стоить слишком дорого кораблю, а значит и всем им. Вдруг он остро пожалел, что ввязался в эту историю. Куда спокойней все-таки на Земле, а к тому же пилот и тот, другой, вели разговор в каком-то недопустимо легкомысленном тоне. словно им приходится садиться и принимать корабли каждый день. Тут Кедрин сообразил, что им действительно приходится — и приходилось, и еще придется — делать это каждый день, и рассердился на самого себя, и в то же время ему стало смешно. В конце концов это вряд ли сложнее, чем справиться с Элмо, не говоря уже о компаунд-вычислителях.

Теперь в иллюминаторы уже нельзя было видеть спутник, но экран на спинке переднего кресла исправно показывал его крутой зеленоватый борт многоэтажной высоты, плавно закругляющийся вверху и, наверное, внизу, — видеоприемники смотрели чуть вверх. Борт медленно плыл по экрану, потом он внезапно кончился, что-то небольшое, но, безусловно, астрономическое промелькнуло по экрану. Кедрин сжался, ожидая неминуемого удара и каких-то еще более страшных вещей. «Это Костин, сорок девятый», — сказал Холодовский. «Опомнись, о зорчайший из моих друзей, это девятнадцатый — Тагава». Во всяком случае, это не метеорит, догадался Кедрин. В этот миг ускорение исчезло, и Кедрину так и не суждено было догадаться, какой тонкости требовал ввод корабля со шлейфовым двигателем в закрытый док. Монтажники, наверное, знали это, потому что все, как один, подняли большие пальцы, и даже женщина подняла большой палец. Послышался приглушенный, как шепот, звук, и вспыхнуло табло: «Выход».

VII

На орбите Трансцербера виновник торжества догоняет гостей, но скорость его не превышает расчетной. Капитан Лобов сидит, поглаживает щеку и думает: хорошо, что успели развсернуться. Инженер Риекст получил теперь занятие надолго: по показаниям приборов и записям самописцев он пытается установить, почему же в конце концов диагравийный реактор пошел вразгон. Пилоты бросили играть в шахматы. Теперь они играют в исследователей: один встал на сторону трансоманов, другой на сторону трансофобов. Собственно, это не совсем игра, если учесть, что пилоты имеют докторские степени. О самих исследователях говорить нечего. Они тихо сжигают свои нервы и фосфор на том самом костре, на котором все

время подогревается проблема Трансцербера. Они несколько успокоились с тех пор, как пришла фотограмма Звездолетного пояса: длинный корабль придет самое позднее через четыре месяца. Четыре месяца, как свидетельствует капитан Лобов, они продержатся вне всякого сомнения, даже пять. Молчаливый инженер Риекст, энергетический бог, подтверждает это: как известно, молчание — знак согласия. В конфиденциальном разговоре с инженером Риекстом капитан Лобов допускает и иную возможность: он подозревает, что скорость сближения «Гончегго пса» и Трансцербера несколько больше той, которую показывают приборы, и что это происходит оттого, что какой-то негодяй — или даже два — кое-что немного разрегулировал. Инженер Риекст, знаток приборов, через полуоткрытую дверь глядит в сторону гипотетических негодяев, усмехается и соглашается с капитаном не только молчанием.

Но и они верят, что выход есть, потому что на Звездолетном поясе знают капитана Лобова, да и остальных тоже, а капитан Лобов знает шеф-монтера Седова, да и остальных тоже. Они найдут выход.

Седов стремительно прошагал к выходу, вслед заторопились остальные. Женщина оглянулась на Кедрина, но ничего не сказала, только чуть заметно покачала головой, и непонятно было, означает это истинное осуждение или одобрение под видом осуждения.

За входным люком оказалась маленькая площадка, от нее, шурша, убегала бесконечная лента. Где-то вдалеке на ленте виднелись фигуры спутников по кораблю. Пилот стоял на площадке и улыбался. Голос Семы доносился откуда-то снизу или сверху, сказать было трудно. Кедрин взглянул себе под ноги, и у него закружилась голова, словно он стоял на краю бездны. Путь так оно, впрочем, и было.

Он ухватился за поручни площадки, чтобы не упасть. Воздух был чист и плотен. Тяжести почти не было. Он закрыл глаза — головокружение продолжалось. Ему почудилось, что он стоит ногами вверх, потом — что лежит. Он снова открыл глаза. Свет клубился в громадном цилиндре, как теплая метель, все так же шуршала дорожка. Пилот похлопал его по плечу. Кедрин ступил на дорожку и поплыл над бездной. Верха и низа все не было. Дорожка привела его еще на одну площадку, и вдруг низ определился и лег под ноги, верх оказался над головой. Эскалатор повез его вниз. Почувствовав пол, Кедрин облегченно вздохнул и порадовался обретенной тяжести, потом поднял голову. Метрах в пятидесяти над ним, стиснутый могучими захватами, висел глайнер, а еще выше, на потолке, головой вниз ходили, кажется, люди. Кедрин сказал сам себе:

— Вот как?

Несколько человек остановились неподалеку — все в таких же отблескивающих комбинезонах, как и знакомые монтажники. Они, задрав головы, полюбовались на глайнер, потом один сказал:

— Вот назидательное зрелище из той романтической эпохи,

когда летали со шлейфовыми двигателями. Спорю, что на нем стоят «Винды». Как ты думаешь, романтик?

— Романтик не думает, — сказал другой. — У него зудят бока. Прорезывается вторая пара рук.

— Он взрослеет. Романтики всегда поздно взрослеют.

— Я встречал одного. Представляет, сидит читает. Глаза горят, ерошит волосы, топают ногами — аж сбивает курс. Я взглянул — ну, конечно, роман о межгалактическом перелете, фантастика. Читает и воображает себя героем. А шли всего-то регулярным рейсом к Марсу...

— Его бы на Диану. Там от таких остается куча праха и пара башмаков...

— Ладно. Заправим это чудо техники.

— Заправим... А посадил он его классно.

— Да. Искусство посадки исчезает, как искусство писать фантастические романы.

— Ну, ну, как говорит Дуг...

— Давайте заправлять. Скоро смена.

— Теперь сменами не обойдешься. Ребята горят у Транса. Они его нашли, а он в отместку...

— Лобов сигналил: в конце концов он нас нагонит, он не Ахилл, а мы не черепаха, хотя и вроде. Ходатайствует назвать его Ахиллом. Тогда, может, не догонит.

— Это Лобов... Подключай... Я ходил с Лобовым. Чем хуже, тем он веселее.

— Дай давление... Вытащим, если не помешает запах.

— Холодовский говорит: запах кончился. Я ему верю.

— Холодовский не говорит зря. С ним работать — удовольствие. Он на сварке стоял у меня в подручных. Давно, правда. Он делает защиту... Курт, давай дозатор.

— Я даю дозатор. Холодовский — это колоссально.

— Внимание. Даю поток...

Кедрину не хотелось уходить отсюда. Это было интересно — и суставчатая труба, выползшая откуда-то из-под пола и дотянувшаяся до корабля, и люди, управлявшие этой трубой и какими-то связанными с нею механизмами. Кедрин подумал сначала, что все это дело автоматов и людям нечего терять время на такие операции. Потом он сообразил, что никто не станет держать на спутнике автоматы для заправки таких кораблей, которые не заходят на спутник и уже списаны с орбит. Значит, если бы люди не смогли что-то наладить, корабль вообще нельзя было бы заправить, пришлось бы специально привозить автоматику с Земли. А если бы пришлось тебе, ты бы смог? Нет... Я ведь в этом ничего не понимаю. Да, здесь людям приходится быть если не универсалами, то что-то вроде этого.

Один из монтажников покосился и сказал: «Пассажир...» «Пассажир», — откликнулся другой, и это было все.

К Кедрину подошел маленький, плотный человек.

— Вы с глайнера? — спросил человек. — Шеф-монтер просил меня побыть с вами. Может быть, вы хотите осмотреть спутник? Я бы на вашем месте не стал осматривать спутник. Обыкновенный спутник, ну и что? Это закрытый док. Он принимает корабли для ремонта.

— Большой док, — сказал Кедрин.

— Нет, маленький корабль. Сюда может зайти и трансистемный. Длинный, правда, не может.

— Длинные корабли — это звездолеты, да? А почему...

— Почему длинные? Потому, что они длинные, конечно. Нелзя же длинный корабль назвать коротким. А кроме того, они ходят на длинные дистанции. Звезда Арвэ, например...

— Я не силен в астрономии.

— Конечно, этого же нельзя требовать от всех. Но уж характеристики-то Арвэ вы знаете?

— Не знаю, — виновато сказал Кедрин.

— Он не знает, — сказал человек. — Оказывается, есть люди, которые не знают характеристик Арвэ. Хорошо. Так что вы будете делать? Я сегодня дежурю по спутнику, у меня не очень много времени. Или вы хотите уже обратно на Землю? Извините меня за нелюбезность, но около этого проклятого Трансцербера гибнут люди. Если бы я мог это предвидеть, я бы и не занимался вычислениями.

— Какими?

— По определению орбиты. Меня зовут Герн, и это я открыл его. Разве я мог знать, что у них разнесет реактор? Я не мог этого знать. А здесь Кристап ранен...

— Спасти их возможно? — спросил Кедрин.

— Проклятый запах...

— Так что же такое запах?

— Если бы я знал это, так я бы был умен, как Холодовский. Но я не Холодовский. Это угроза людям — вот все, что я знаю. Идемте к шеф-монтеру.

— Зачем?

— Он просил привести вас. Откуда я знаю зачем?

— Да зачем в самом деле? — проговорил голос за спиной. — Я бы отказался... Так хорошо у Слепцова...

Кедрин резко обернулся. Наивные глаза смотрели на него, они доброжелательно улыбались, и выражение безмятежности господствовало на лице.

— Вы... — сказал он, но Велигай приветственно поднял руку.

Глухо стукнула дверь, увидившая куда-то — просто куда-то. Кедрин затоптался на месте, не зная, то ли броситься за Велигаем, то ли... Герн, обернувшись, схватил его за рукав.

— Так что, я должен вести вас за ручку?

— Кто он в конце концов?

— Кто он?

— Велигай.

— Велигай? — спросил Герн, и его брови полезли вверх. — Такого монтажника нет...

«Этого еще не хватало», — подумал Кедрин.

— Вы пойдете? Или вас надо нести?

— Да иду я, — с досадой сказал Кедрин.

Они шли по залу, по гулкому полу. Кедрин старался ступать осторожно, ему казалось: ступи сильнее, и громкое эхо разнесется по всему огромному цилиндрическому объему. Герн шел, чуть раскачиваясь, шаги его совсем не были слышны. Потом лифт долго нес их вниз. Они вышли в длинном коридоре. И спереди и сзади коридор плавно загибался, уходил вверх, и Кедрин

понял, что они находятся уже в одном из огромных торондов. Пройдя метров пятьдесят, Герн остановился возле двери.

— Вообще-то он здесь, — сказал Герн, глубокомысленно подняв брови и почесав нос. — С одной стороны... А впрочем...

Он открыл дверь. Кедрин вошел. И тотчас отпрянул назад, прижался спиной к стене.

Шеф-монтер даже не заметил его появления. Он сидел на стуле поодаль от ложа, на котором лежало что-то завернутое в белые ткани, и из этого белого торчали только голова и рука. Глаза лежащего были закрыты; три длинные гибкие металлические лапы, выходящие прямо из потолка, покачивались перед ним — одна тянулась к руке, две другие, медленно втягиваясь, поднимали к потолку какой-то блестящий прибор. Первая лапа схватила лежащего за руку, обернулась вокруг кисти, что-то прижала к ней — лежащий поморщился и, не открывая глаз, проговорил:

— Ух, ух, какая пакость!..

— Не ври, — сказал Седов. — Не больно.

— Терпеть не могу таких холодных прикосновений. Как будто лаяшку гладить. Тебе приходилось?

— Давай серьезно, Кристап, — сказал шеф-монтер.

— Если серьезно, то они меня залечат, а мне всего лечения — покрутиться в пространстве. Подумаешь, пара синяков. — Он умолк, на лбу его проступил пот. Тотчас же сверху спикировала лапа с тампоном, вытерла пот, убралась восвояси. — А вообще подносилась моя электроника...

Голос его был тих и в то же время очень громок, и громким было хрипловатое дыхание. К тому же звук голоса шел откуда-то совсем с другой стороны. Лишь взглядевшись, Кедрин различил прозрачную стену, разделявшую комнату пополам.

— Вот подлечат — покрутишься в пространстве, — пообещал Седов. — Сейчас нам придется крутиться. Сроки по длинному сокращаются...

— Месяцев за пять сделаем, — сказал Кристап.

— За пять сделаем, — согласился шеф-монтер. — А надо за три.

— Пожалуй, не сделаем.

— Как же мы не сделаем?

— Сделали бы, если бы не запах. Такого запаха не было даже в Экспериментальной зоне.

— В Экспериментальной не было.

— Слушай, — сказал Кристап, и даже попытался приподнять на локте, и открыл вдруг заблестевшие глаза. — А ты помнишь, чем пахло на Экспериментальной?

— Арбузами пахло.

— Арбузами... — сказал Кристап и засмеялся. — Вот именно, что арбузами. Так мне тогда хотелось арбуза!.. А сейчас не хочется.

Наступило молчание. Кедрин почти решился открыть рот, как Седов негромко сказал:

— Ну, давай, что ли, рассказывай...

— Понимаешь, — сказал лежащий, — главное — неожиданность. Ни тебе солнечный патруль, никто и ничто не могут предупредить. Вдруг наплывает этот запах. Дышать становится не-

чем, чувствуешь — сейчас задохнешься, конец. Начинает мерещиться всякая ерунда — литиевые озера... В общем страшное. Ну, и не хочешь, а задерживаешь дыхание, чтобы избавиться от этого запаха. Теряешь сознание... А уж на что я потом налетел, этого я не знаю. Спроси что-нибудь полегче...

Он говорил все медленнее и на последних словах как будто бы совсем задремал. Шеф мрачно взглянул в потолок и негромко сказал:

— Разбился он крепко. Вы бы его в гипотермический, что ли? Пусть отлежится, отоспится...

— Его на Землю надо, — ответил кто-то сверху, где никого не было.

— На Землю! — сердито сказал Седов. — Лечите здесь. Монтажники в таком виде на Землю не уходят. Подумайте, может, гравитацию снять? Думайте, через полсмены я загляну. И чтобы к нему — никого...

Он медленно поднялся, обернулся, взгляд его тяжело уперся в Кедрина, наполовину заслонявшего собою небольшого Герна.

— Что такое? Я же сказал...

— Вы сказали привести...

— Сюда? А если бы я сидел...

Он не сказал, где он сидел бы.

— Ну ладно. Как вас зовут-то? Ага, Кедрин. Вот что, Кедрин. Попали вы сюда, может, случайно, может, не случайно — не имеет значения. Пространство любите?

— Нет, — сказал Кедрин. — Не люблю.

— Значит, все лучшее у вас впереди. Еще полюбите... И страх пройдет. Каюту вам Герн покажет, раз он дежурный, хотя он и скверный дежурный.

— Но послушай, Николай...

— А что? Хороший дежурный, да?

— Нет, при чем тут... Нельзя же так, шеф. Может быть, он не хочет. А потом к нам просятся — мы не берем, а тут...

— Не хочет — захочет. А что просятся, пока их привезут, а мне люди нужны сегодня, и он сегодня здесь. Я бы и того пилота не выпустил, но корабль кому-то надо увести. А Кедрина мы сегодня же и обучать начнем...

— Да слушайте же! — вспыхнул Кедрин. — Я совершенно...

— Стоп, — сказал Седов. — Сбросьте ускорение. Слушайте меня. Кому суждено быть монтажником — он им будет. А вам суждено, это я вам говорю. Короче, здесь каждый комплект рук ценится больше, чем на Эвридике. Речь идет о спасении людей. Честно говорю, что ста процентов гарантии у нас нет. Но у тех, о ком идет речь, нет и десяти процентов. Решайте.

«Что за черт! — подумал Кедрин. — Это насилие — так ставить вопрос». Но он вспомнил, как не прыгнул с обрыва. Тогда это было бессмыслицей. Теперь — нет. И она здесь...

— Я согласен, — сказал он.

— Герн! Покажите ему каюту и швырните его в пространство. Мне пора.

Они постояли на месте, провожая шеф-монтера взглядом, пока он не скрылся за выпуклостью потолка, поднявшись, казалось, по отвесной стене, и Кедрин почти готов был поверить в его

способность ходить по вертикальным стенам. Герн тронул его за локоть:

— У нас мало времени...

— Покажите мне каюту.

На перекрестках коридоров виднелись небольшие, видно, самодельные таблички. На одной было написано: «Проспект перемных масс», на другой — «Переулок отсутствующего звена».

Герн сказал:

— Здесь живет Гур, с которым вы прилетели. Названо в его честь.

Кедрин не уловил связи между Гуром и отсутствующим звеном, но спрашивать не стал. Как и проспект, переулок был тих и залит светом. Пол слегка пружинил под ногами, иногда шедшие вдруг высоко подсакивали — колебалось напряженное гравитации, видимо, барахлили гравигены. Впрочем, напряжение колебалось только в переулке.

Потом был еще один проспект — не салатный, а цвета слоновой кости. Герн сказал:

— Вот это ваша...

Это было просторное помещение с закругленными углами. Потолок ярко светился теплым, розоватым светом.

— Вечерняя заря, — сказал Герн. — У вашей смены кончается день.

В каюте почти не было мебели, только два низких шкафчика, такой же низкий столик, микрофильмотека — и все.

— У нас каждый живет, как ему нравится, — сказал Герн. — Здесь жил Тагава. Он перешел в смену Кристапа и в его каюту.

— А как же с мебелью?

— Закажите, — равнодушно сказал Герн. — Стереотипов полно... — Он прошелся по каюте, отворил одну дверь. — Здесь — помещение для работы. Тагава — микробиолог, но свои склянки он заберет. Вы связист? Закажите оборудование... — Он сделал еще несколько шагов, распахнул маленькую дверцу в углу. — Здесь все прочее...

Кедрин осмотрел и все прочее.

— Нет, — сказал Герн. — Это несложно — не вакуумное устройство. У нас только частично экоцикл... Ну, осмотрели? Теперь пошли.

— Куда? — спросил Кедрин, чувствуя, как дыхание выходит из-под контроля.

— Вы что, не слышали, что сказал шеф-монтер? Очень просто, сейчас я вышвырну вас в пространство...

VIII

В пространстве, на орбите Трансцербера, стало несколько спокойнее, чем раньше: споры о сущности некоего небесного тела, именуемого Трансцербера, понемногу утихают — тем быстрее, чем меньше становится расстояние, разделяющее небесное тело и тело земного происхождения. Разумеется, спор утихает лишь потому, что с приближением небесного тела увеличиваются воз-

возможности разобраться в его природе, а не по какой-либо иной причине.

Капитан Лобов доволен порядком и не замечает того, что теперь два прибора постоянно ориентированы на Землю. Ведь если бы он заметил это, ему пришлось бы указать исследователям на нарушение программы работ, и он не замечает.

Инженер Риекст недоволен тем, что ему, по существу, нечего делать. Единственное, что ему осталось, — вести контроль за расходом энергии, и он ведет контроль так, что капитан Лобов одобрительно кивает головой, замечая все новые и новые источники экономии.

Пилоты, завершив дискуссию по поводу Трансцербера, возобновляют шахматный турнир. Турнир идет с переменным успехом. Они не думают о том, что без двигателя, по сути дела, они просто брошены в пространстве. Не в первый раз они в пространстве...

Герн швырнул его в пространство. Оказалось, что это очень просто и даже не так страшно. Герн провел и провез его по ходам и переходам и радиальным шахтам спутника. Они проходили мимо многих помещений, тихих и оживленных, больших и маленьких. В одном месте до них донеслась музыка, потом она умолкла, кто-то стал читать стихи. Герн разъяснил: отдыхает вторая смена, кто хочет — собирается в кают-компанию, где можно развлекаться, и, между прочим, поговорить обо всем, о чем следует, и сделать выводы. Потом они оказались перед массивной дверью. Она медленно растворилась, и по ее толщине и медленному, величественному движению Кедрин понял, что за нею и должно находиться грозное пространство.

Он хотел бесстрашно шагнуть вперед, но на миг отказали ноги.

— Вперед, вперед! — закричал Герн и подтолкнул Кедрина в спину.

— Ну чего, — сказал Кедрин, — я и сам иду, не видите, что ли?

Но и за этой дверью с первого взгляда не обнаружилось ничего странного. Кедрин зашагал по узкому коридору. Потом Герн ухватил его за рукав и толкнул дверь.

— Вот, — сказал он.

Здесь была каюта, только потеснее, и не такая веселая, и не такая уютная — просто четыре стены, койка и столик. Голый пластик и немного металла.

— Живите, — милостиво сказал Герн. — Живите здесь.

— А там? — спросил Кедрин.

— Туда вы вернетесь через недельку. Во-первых, — сказал Герн и выставил один палец, — здесь вы пройдете соответствующее медицинское исследование, раз уж вы попали к нам контрабандой. Во-вторых, — он выставил два пальца, — во-вторых, вы освоите скваммер. В-третьих, освоите пространство. В-четвертых, приемы работы. И, в-пятых, — он выставил кулак, — все это будут вам не прогулочки на глайнере и не ваше коптение там, на Земле, или пусть я буду не Герн, а кто-нибудь.

Вот поэтому вы с недельку поживете здесь. Побудете без спутника.

— А это не спутник?

— А, — сказал Герн, — это старый корабль. Он уже не может летать, но воздух он держит, и вообще все на нем в лучшем порядке. Мы пришвартовали его к спутнику, нельзя же, чтобы пропадал герметический объем.

— Все равно, — сказал Кедрин, — я буду ходить на спутник в свободное время.

— Он думает, у него будет свободное время, — сказал Герн. — Вы слышали? — он поднял плечи до ушей. — Нет, а? Пойдемте к скваммерам.

— Что такое скваммер?

— Почему это, — трагически спросил Герн, — новичков всегда привозят в мое дежурство?

Скваммер оказался довольно внушительным сооружением — именно сооружением и уж никак не костюмом. Вообще-то это был скафандр, каким пользовались при монтаже кораблей и искусственных спутников непосредственно в пространстве. Он напоминал грубо высеченную человеческую фигуру, у которой не было резкой грани между головой и туловищем. Вернее, скваммер напоминал бы человеческую фигуру, если бы у него было две руки, но у него было четыре. Небольшая дверца была на той стороне, которая, как и следовало ожидать, оказалась спиной.

Скваммер стоял в позе великого магистра древнего рыцарского ордена. Герн похлопал магистра по крутому бедру, и тот ответил гулким, низким звоном.

— Управлять скваммером, — сказал Герн, — может новорожденный. Мог бы, если бы были скваммеры такого размера. Учтите: я не педагог, а астроном. Запоминайте сразу или спрашивайте, но не фантазируйте.

Он извлек из скваммера шлем, напоминавший шлем Элмо, привычный шлем электронного «мозга», и четыре широкие манжеты, от которых тянулись провода, как объяснил Герн, к сервоустройствам. Без их помощи человеку («будь он даже силен, как Дуглас», — сказал Герн) нечего и думать сделать в этих доспехах хотя бы одно движение.

— Это надевают на руки, — сказал Герн, — а это — на ноги. Если вы перепутаете, вам придется ходить на руках. А это — на голову.

— А у меня только пара рук. А здесь — две.

— А зачем у вас голова? Второй парой управляют головой. Голова у вас есть?

Потом он влез в скваммер и показал, как надо в нем устроиться, где и что находится. Затем он захлопнул за собой дверцу, и вдруг скваммер тяжело шагнул вперед. Кедрин невольно отпрянул. Грузно переваливаясь с ноги на ногу, скваммер сделал несколько шагов по камере, повернулся и возвратился на место. Остановившись, он трагически воздел все четыре руки и опустил их.

— Теперь вы, — сказал Герн, вылезая, — забудьте, что вы умеете ходить, и учитесь заново. Как говорит наш Гур, делайте шаг вперед!

— Все-таки зачем столько рук?

— Вам еще придется пожалеть, что их не вдвое больше.

— Еще вдвое больше — это было бы чересчур, — пробормотал Кедрин.

Он влез в скваммер и в два счета убедился в том, что ходить он действительно не умеет. На коленях, наверное, будут основательные синяки. Потом он целый час кружил по камере и сквозь прозрачный изнутри фонарь без особого дружелюбия разглядывал Герна, который в это время пил кофе с лимоном. Потом Герн сделал ему знак остановиться и спросил: «Ну, а связь вы уже умеете включать? А как вторые руки?»

Со вторыми руками было хуже, от попытки привести их в действие начинала болеть голова. Кедрин старался приспособиться

к скваммеру, автоподстройка скваммера приравливалась к Кедрину. В конце концов руки стали шевелиться.

— Устали? — спросил Герн.

Кедрин вздохнул и сказал:

— Нет.

— Тогда идите в пространство, — сказал Герн.

Пришлось лезть в другой скваммер, уже не тренировочный. Герн довел его до выхода, зацепил за скваммер длинный тонкий тросик и посоветовал не своротить спутник и не наматываться на корабль.

— Трос — это пока, — сказал он, — чтобы вы сразу не улетели к звездам. Есть такие — сразу хотят лететь к звездам.

Потом он хлопнул Кедрина по железной спине и сказал: «По могучей спинушке». Но Кедрин его уже не услышал, потому что у Герна не было связи.

Кедрин подождал вакуума. Потом он, как учил его Герн, встал на люк, и люк тотчас же провалился под ним. У Кедрина закружилась голова, и центробежная сила вышвырнула его в пустоту.

Он летел и ждал, когда его остановит трос, а трос все не останавливал, и Кедрин сообразил, что, верно, карабин тросика отцепился и скваммер все-таки летит к звездам. Надо было остановиться, и это можно было сделать только с помощью ранца-ракеты.

Монтажники, по уверениям Герна, владели этими ранцами в такой степени, что им ничего не стоило передвигаться с точностью до полуметра и еще точнее, если даже пролететь надо было сотни метров. Они будто бы делали это с первого импульса, не расходуя ни грамма массы на коррекцию пути. Они владели ранцем с такой же непринужденностью, с какой рыбы владеют плавниками. Но Кедрину сейчас надо было просто остановиться, и он вдруг потерял уверенность в том, что сумеет это сделать.

Стараясь включать гиросулы горизонтали и вертикали лишь на едва уловимые промежутки времени, Кедрин начал поворачиваться в пространстве, нацеливаясь на корабль. Корабль все убежал куда-то вверх. Теперь Кедрин летел спиной вперед. Пока он справился с гиросулами, корабль оказался уже так далеко, что Кедрину стало холодно и страшно захотелось обратно.

Он нащупал стартер и хотел нажать его, но пришла мысль, заставившая его поспешно убрать ногу в самый угол просторного башмака и тяжело перевести дыхание. Если сейчас из-за неумения импульс получится слишком сильным, то удар о корабль будет означать только конец и ничего больше. Он злобно посмотрел на корабль и на idiotские тороиды спутника. Все-таки надо целиться не в корабль, а чуть выше.

Кедрин снова подвинул коробочку прицела до фиксатора и при помощи гиросулей, наконец, привел себя в нужное положение. Потом начал нажимать правой ногой на стартер, и это нехитрое движение вдруг показалось ему необычайно опасным.

Он нажимал очень осторожно, и ранец-ракета, как ему показалось, не включался страшно долго. Это было не шуточное дело — выстрелить самим собой. Дыхание Кедрина гулко отдавалось в скваммере, других звуков не было, и вообще ничего

не было — звезды были далеко, и корабль — тоже. «Странно, — подумал Кедрин, — я думал, что Приземелье населено куда гуще».

Ракета не включалась, и Кедрин, наконец, нажал изо всех сил. Корабль из глубины пространства стремительно понесся на него, и Кедрин еще не успел испугаться, как корабль пронесся под ним и стал удаляться еще быстрее, чем в первый раз, только в другую сторону. Кедрин судорожно схватился за гирурлы, пальцы его дрожали.

Еще несколько раз он качнулся, как маятник, оказываясь то по одну, то по другую сторону корабля и всего спутника, видимого в общем с ребра. Наконец Кедрин затормозился, и корабль перестал удаляться. Он неподвижно висел в нескольких километрах. Это было так хорошо, что Кедрину не хотелось трогаться с места, хотя еще больше хотелось покинуть пространство раз и навсегда. Он отдыхал, нервная дрожь постепенно проходила. Он включил связь — наугад, на чью-то частоту. Кто-то негромко сказал: «Убери ригель». Кедрин удивился, потом вспомнил, что это не ему. «Теперь хорошо, — сказал голос, — вари». Кедрин сменил канал. «Отойди на метр левее, — сказал бас, — переведи на вторую дорожку». Странно было, что так спокойно можно говорить в пространстве. Как будто людям не было страшно. Кедрин вспомнил о страхе, и страх охватил его.

Кедрин понял, что висит сейчас в пустоте, практически ничем не защищенный, лишенный спасительной оболочки спутника, и в любую секунду, из любой точки мироздания может примчаться тот метеор, который без особых усилий пронизет оболочку скваммера, и тело Кедрина, и снова скваммер и полетит дальше, лишь немного потеряв скорость. Ощущение надвигающейся гибели стало вдруг настолько реальным, что Кедрин втянул голову в плечи и сжался внутри скваммера насколько мог, а скваммер послушно повторил его движения и тоже поджал ноги и прижал локти к бокам.

Так он провисел сколько-то времени, закрыв глаза, но метеора все не было, он мог и совсем не прилететь или промчаться мимо на расстоянии сантиметра, и Кедрин его даже и не заметил бы. Он висел, и не было сил даже удивиться тому, что же заставляет его быть здесь и ради чего люди вообще выходят в пространство, когда есть чудесная, безопасная Земля.

— Ничего, — сказал он. — Я сейчас соберусь. Отдохну немного. Ничего...

Он пошевелился в скваммере, пытаясь устроиться поудобнее, хотя при невесомости на него ничто не давило и ничто его не стесняло. Но все же он устроился поудобнее, чтобы доказать себе, что он еще хозяин своего тела — пусть не скваммера, пусть не пространства.

Он взглянул в пространство. Это было очень страшно, гораздо лучше было смотреть внутрь скваммера, на рычажки, провода, на собственные колени... Но все же он взглянул в пространство, а оно словно только и ждало этого.

Звезды начали наступать на него медленно, но неумолимо. Угрожающе уставив на него свои прямые и твердые лучи, они наступали со всех сторон. Вселенная неумолимо сжималась,

и Кедрин чуть не закричал при мысли, что она сейчас сожмется окончательно и раздавит его в своих твердых ладонях, против которых не устоит, конечно, никакая броня.

Мироздание испугалось его немого крика — звезды бесшумно отпрянули назад. Вселенная распахнулась, и звезды убежали так далеко, что их совсем не стало видно. Потом снова вынырнули из мрака, Вселенная стала сжиматься, мир стал тесен и тверд, и Кедрин удивился, почему он раньше не знал, что пространство твердо. Никто не придет ему на помощь, и та женщина не придет ему на помощь. Ну что ж, пусть его раздавит Вселенная. Когда-нибудь они найдут его. Пусть... Он закрыл глаза.

Он открыл их, ощутив слабый толчок. За ним последовал частый настойчивый стук. Стучали в прозрачный фонарь. Он нехотя открыл глаза. Герн стоял перед ним и нелепо жестикулировал. «Связь», — прочел Кедрин по его губам и включил связь.

— Вы думаете выйти из скваммера? — спросил Герн. — Или вы уже так привыкли к нему, что будете в нем ночевать? Нет? Так откройте люк. Отодвиньте два предохранителя сзади. Так. И открывайте.

Это была та же камера, которую он покинул в скваммере неопределенное время тому назад. Как он попал сюда, было непонятно. Вообще ничего больше не было понятного. Кедрин вылез из скваммера, запутался в проводах, сорвал манжеты и шлем и кинул их в люк. Ему захотелось лечь и лежать, больше ничего.

— Ну, — сказал Герн, — в первый раз бывает еще и не так.

— Бывает, — сердито сказал Кедрин, не поднимая глаз. — Будет, если тебя уносит за десяток километров...

— Интересно, — сказал Герн, — о каком это десятке километров вы говорите, если длина троса — пятьсот метров и вы его даже не использовали до конца?

— Он отцепился, ваш трос.

— Интересно, за что мы тогда втянули вас в корабль... Учитесь определять расстояния в пространстве. Это нелегко — перспективы нет. Хотя, — он взглянул на Кедрина из-под нависающего лба, — хотя вы, может быть, вообще не захотите больше выходить в пространство?

(Продолжение следует)

Порой исследователю приходится становиться даже детективом, но гражданином и человеком он должен быть всегда.

Бокль

КАНГАМАТО

Рисунок П. Павлинова

Земля приблизилась. Жестяной блеск тронул рощи масличных пальм. Полосой грязной охры мелькнул «голубой» Нил. Можно было различить уже островерхие хижины и застывшие на шоссе лакированные жучки автомобилей. Встреча с землей дала знать о себе тремя толчками. Мимо проносились иссеченный пустыней гудрон, колючая проволока, шахматные фургончики вспомогательных служб. Все было буднично, обыкновенно. Пассажиры отстегивали поясные ремни, рассовывали по карманам журналы, позевывая, ждали.

А рядом была Африка...

В полутемном здании аэровокзала ко мне подошел высокий худой джентльмен. Несмотря на зной, его светлый пиджак был застегнут на все пуговицы, галстук не ослаблен ни на миллиметр, отливающий ледяной голубишной воротничок безупречен.

— Господин Молодковский? Я Пирсон, мистер Пирсон, главный геолог провинции.

— Здравствуйте, мистер Пирсон! Я не ожидал увидеть вас здесь. Это очень любезно с вашей стороны...

— Ну что вы, что вы!.. Пустяки. Просто я могу быть вам здесь полезен при выполнении всяких формальностей. И, кроме того, пока мы доберемся до Джелу, я успею ознакомить вас с обстановкой.

— Куда прикажете ваш багаж, сэр? — обратился ко мне худенький бой с лицом резной сандаловой статуэтки.

— «Гранд-отель», — ответил Пирсон и, вновь обернувшись ко мне, добавил: — Это один из лучших отелей. Там ждет вас довольно приличный номер с окнами в сад.

— Вы принимаете меня по-королевски.

— Это преувеличение. Я прежде всего забочусь о себе. В Аледжире сейчас нет ни одного европейца.

— Аледжир! Для меня это звучит, как музыка.

— Боюсь, что вы скоро разочаруетесь... Такси!

Старенький дребезжащий «кадиллак» с открытым верхом рванул с места и понесся по серому растрескавшемуся шоссе. О днище стреляя гравий под колесами, скрипел песок. Замечив, что я все время верчу головой, разглядывая быстро мелькающие окрестности, Пирсон тронул шофера:

— Медленней!

— Ничего интересного вы здесь не увидите. Кругом саванна. Слоновая трава, ксерофиты, изредка попадаетея баобаб.

— Баобаб?

Пирсон улыбнулся.

— По этой дороге всего пять баобабов, и то очень маленьких.

— А это что?

— Пальма дум. Отличный войлок.

— А тропический лес?

— Он вам еще успеет надоест. Разведка в сыром тропическом лесу — это ад.

— Вы давно живете здесь, мистер Пирсон?

— Семнадцать лет...

— Как! Еще... еще до того, как страна стала независимой?

— Задолго до того. Новое правительство попросило, чтобы я остался. Я одинок. Привык к этой стране. Вот я и остался... Да и не только я.

Все это совпадало с тем, что мне говорили раньше: почти вся геологическая служба страны находится в руках англичан. Меня предупреждали, что обстановка довольно сложная и многое будет зависеть от отношений, которые у меня здесь сложатся.

— Как вы считаете, мы найдем нефть?

— Я не специалист по нефти. Но район знаю неплохо. Нефтегазопроявлений никто здесь пока не обнаружил... Впрочем, детальной разведки на нефть и не производилось. Поэтому последнее слово за вами.

— Я уже знаком с литературой... Знаю, что изучение здешних недр в основном связано с именами Де Бразза, Леклерка, Бойля, Хемлейна, наконец, я знаком и с вашими работами... Знаю, что нефть здесь никто не находил. Но меня интересует ваше личное мнение. Что вам говорит... интуиция?

— Недавно ваши соотечественники нашли нефть на Амазонке, в районе, который американцы считали безнадежным. Поэтому моя интуиция предпочитает молчать.

— Откуда бы вы начали разведку?

— Вы знаете район?

— По документации.

— Тогда вы не знаете ничего. Ничего, кроме того, что это широкое котловина, обрамленная с трех сторон плато.

Пирсон сложил ладони лодочкой, пошевелил большими пальцами и соединил их.

— Это плато? — спросил я, указывая на сложенные пальцы. Он искренне и жизнерадостно засмеялся.

— Совершенно верно! Плато Водораздел. А под ним, — он вывернул ладони тыльной стороной, — древние метаморфические и вулканические породы, нубийские песчаники, локальные терригенные отложения.

— Платформенная область не исключает антиклиналей.

— О да! Район Аледжиры — сплошные синклизы... Кстати, если вы начнете оттуда, то сэкономите много энергии. Пересыхающие реки и воды — это лучше, что вам встретится.

— А Оберра?

— Сплошные болота. Жаркие тропические болота.

— В Бразилии нефть нашли именно в болотах.

— Это совсем другой случай. На мой взгляд, Оберра совершенно бесперспективна. Впрочем, я не смею вмешиваться в дела вашей фирмы. Где вы изучили английский язык?

— На курсах.

— Простите?

— После окончания университета я посещал специальные трехгодичные курсы.

— Вы готовились к работе за границей?

— И да и нет. Я с детства мечтал о жарких странах, но не думал, что эта мечта осуществится.

Машина медленно ехала по узким и пыльным улочкам. Высокие глухие заборы из необожженной глины, посеребрившие жесткие веера пальм, резкие тени и небо, синее и лаковое, как на итальянских открытках.

Откуда-то вдруг появилось несколько живописных оборванцев. Сутулый старик в рваном засаленном халате вытянул худую руку и что-то крикнул.

— Быстрее! — скомандовал Пирсон.

— Кто это? — спросил я.

— А-а! — Пирсон лениво махнул рукой. — Попрошайки. «Папамама касура», «Мангария мафиш», «Лязем бакшиш». Не обращайтесь внимания... Вот уже и новый город. Скоро мы будем дома. Я зайду за вами часов в восемь. Если вы не возражаете, мы можем поужинать вместе.

— Буду очень рад.

Наш «кадиллак» остановился в куцей тени толстоствольных и коротколистных пальм. В зеркале вертящейся двери блестел черный лак машины. Загорелое лицо Пирсона казалось там еще более темным. Я понял, почему оно мне сразу показалось знакомым. Пирсон был удивительно похож на Стэнли. Не хватало только усов.

Я приподнялся было с сиденья, но мягким прикосновением руки Пирсон удержал меня на месте. Низколобый курчавый шофер в белой рубашке открыл дверцу и, сделав шаг назад, подождал, пока мы вылезем.

— Благодарю, господин, — сказал он у меня за спиной.

Толкнув дверь, мы прошли в прохладный и темный холл. На потолке вертелся огромный пропеллер. Пальмовые жалюзи на незастекленных окнах дышали легко и ровно, как паруса фрегата. Над конторкой портье горел голубоватый фонарь. Пахло сыростью только что вымытых мраморных полов и свежей кожурой банана. Жужжал вентилятор.

— Оранж? Манго? Шербет? — К нам подскочил молодень-

кий бой. На голове у него был огромный поднос, покрытый торчащей, как айсберг, накрахмаленной салфеткой.

— Рекомендую манго, — сказал Пирсон.

Удерживая языком скользкий ледяной кубик, я медленно тянул удивительный сок. На меня веяли ароматом тропические леса и реки с берегами, цветущими, как сказочные сады. Зубы ныли от холода, небо покалывали нежные пузырьки. Медленно от горла к ногам опускалось тающее прохладное облако, высушил разгоряченный лоб, отступала томящая усталость.

У себя в номере я увидел забытую кем-то книжку. Она раскрылась как раз на описании болот Оберры. Такое совпадение показалось мне в какой-то мере знаменательным. Я принял душ и, развалившись на тахте, принялся за чтение. На книгу падала полосатая тень окна. Пахло акацией.

* * *

В период летних дождей река вышла из берегов и превратилась в бескрайное озеро. Сейчас вода медленно возвращалась в свое русло. Быстрые струйки сплетались в тугие косички, закручивались штопором в темных водокрутах. Навстречу нам плыли бесчисленные острова из водорослей и папируса.

Чернокожий матрос в грязном голубом берете с огромным помпоном то и дело мерил глубину. Быстрое течение вырывало багор из рук и не давало ему погрузиться даже наполовину. Но с сонным упрямством, полузакрыв маслянистые с фиолетовыми белками глаза, матрос продолжал заниматься своим бесполезным делом.

Берега, насколько охватывал глаз, были болотистыми. Издали пятиметровая слоновая трава походила на милую сердцу окскую осоку. И требовалось известное усилие, чтобы представить себе, как проплывают в светло-зеленой мгле мимо погруженных в воду сочных листьев бронированные крокодилы, фантазмагорические чешуйчатники, удивительные живые локаторы — мормирусы.

На палубу вышел Пирсон. Раскрыл шезлонг. Подвинул его в густую тень, отбрасываемую рубкой. Достал кожаный портсигар с неизменным портагос. Аккуратно обрезал сигару. Медленно выпустил струйку крутого осязаемого дыма.

— Если бы вы знали, сколько гибнет там рыбы! — Пирсон махнул рукой в направлении берега. — Вы видите черно-белые точечки? Вон там, левее. Видите? Это исполинские аисты абу-маркубы с клювами, похожими на молот. Они охотятся за рыбой. Когда уходит вода, рыба запутывается в травах, остается в бесчисленных ямах. Туземцы таскают ее огромными, как цистерны, корзинами... Но разве всю рыбу перетаскаешь? Потом приходит очередь солнца. Вода в ямах нагревается и протухает, просачивается в почву, испаряется. Все реже вздрагивают засыпающие рыбы. Жирно поблескивают в мутной жиже их обнажившиеся спины, подрагивают склеенные тинной спинные плавники. Абу-маркубы не спешат. Медленно быют они рыб страшными клювами. Раз, другой, пока рыбы не перестают трепыхаться. Я видел, как корчились в грязи и одурело ловили воздух большущие электрические сомы. Это незабываемое

зрелище... Вот так и на людей обрушивается несчастье, внезапно и неотвратно. Бьемся, трепыхаемся... М-да... Впрочем, все это пустяки. Болота Оберры. Вот где настоящий ад! Помните Рембо: «Там, где змеи свисают с ветвей преисподней и грызут их клопы в перегное земли!» Удивительно точно сказано... Но если бы только змеи!

— Что вы имеете в виду?

— Так... — медленно и задумчиво протянул он. Потом, точно очнувшись, улыбнулся. — Но все это, наверное, негритяньские сказки.

— О чем вы? Какие сказки?

— Простите ради бога. — Он вновь улыбнулся светло, искренне, вздохнул, точно сбросил какую-то тяжесть. — Я просто увлекся, задумался и говорю вслух. А сказок о фантастических чудовищах еще наслушаетесь. Туземцы суеверны и склонны к мистике. Это неотъемлемо африканское. Не очень-то верьте всему, что вам здесь порасскажут.

Пирсон засмеялся. Но мне было как-то не по себе. Он явно чего-то не договаривал. Слишком резок и искусствен был переход. Слово Пирсон обманывал самого себя, выставя скептицизм и самоутешение против каких-то неизвестных мне грозных фактов.

Загудел встречный пароходик и проплыл мимо, шипя и хлюпя. Отдаленным эхом отозвались травы. Трубили невидимые слоны, ревели гиппопотамы, плакали чибисы. Тропический закат разметался вполнеба. В голубовато-зеленом воздухе нервным подрагивающим полетом кружились летучие мыши.

— Да... красиво... — протянул Пирсон. — «Страна фантастических происшествий и удивительных существ, расположенная вдоль берегов большой сказочной реки...» Это Бенат Берг. Вы читали Берга?

— Нет.

— Блестящий исследователь и чуткий художник. Африка поразила его и властно привязала к себе. Здесь, словно мыши в осоке, бродят в зарослях тростников тысячные стада слонов.

Пирсон бросил сигару за борт. Окурок зашипел и, затянутый под днище, исчез в красной как кровь воде.

— Интересно, — пробормотал Пирсон, уходя в свою каюту, — что имел в виду Берг, говоря об «удивительных существах»?..

* * *

...Аледжира — большая нилотская деревня. Подобно гнездам опять, спрятались в тени широких банановых листьев маленькие островерхие домики. Единственная улица делит деревню на неравные части. Много пустырей, заросших колючками и пыльными папоротниками. Еще больше плотных муравьиных куч, достигающих порой высоты двухэтажного дома.

Меня поселили в светлом финском домике, волею судьбы попавшем в этот сказочный край. В комнатах сохранился едва уловимый запах сосны. Он напомнил мне Ленинград, заснеженную станцию Васкелово, где мы с братом однажды встречали Новый год. Кажется, стоит выйти на порог, как вьюга хлестнет по щекам зарядом соли и в ноздри ударит густой смолистый

аромат колючей хвойной лапы. Но выйдя на крыльцо, можно увидеть лишь муравейник, у которого по вечерам собираются местные старики. Из окна маленькой кухоньки открывается вид на сушильню хлопка, возле которой нашел последний приют старенький колесный трактор. Худые нилотские мальчишки играют здесь в неведомые мне игры. Когда полуденное солнце накалит буквально добела прохудившийся радиатор, они жарят на нем зерна арахиса. Утром меня будят глухие удары и противный, тянущий за душу скрип. Это полуголые темные женщины приступили к ежедневной процедуре размалывания проса и зерен. Они мелют на валунах, как тысячи лет назад это делали, вероятно, их предки. Зато рядом в дырявой тени пизанга благоденствует парень в новых холщовых штанах и красной феске. Он жует бетель, сплевывая время от времени суриковую слюну, и почитывает газету. Это Махди. Он работает мастером на маленькой маслобойне.

— Ну и что нового в газетах, Махди?

— Это старая газета, сэ. Свежая почта будет только послезавтра. Я уже прочел. Хотите почитать, сэ?

— Нет. Спасибо. Я не знаю языка.

— У меня есть газеты и на английском языке.

— Благодарю, Махди. У меня есть транзистор. До свидания, Махди.

— До свидания, сэ.

Я вышел на улицу и спустился вниз узкими, утопанными до металлического отблеска тропинками. Жители здесь никогда не ходят рядом, а только гуськом, поэтому тропинки напоминают сточные желоба. Маленькая керосиновая лавочка, фруктовая лавка, сарай, в котором сушатся табачные листья, сарай, в котором учатся дети, кузница и снова фруктовая лавка.

Аледжира кончается на желтом берегу широкого вади¹, на дне которого еще течет едва заметный мутный, подернутый грязной пленкой ручеек. На другом берегу раскинулась обширная горная долина. В знойном мареве едва удаётся различить серо-сизые вершины далеких хребтов.

Меня догнал стройный красивый мальчик с добрым и милым личиком. Он что-то кричал мне, показывая назад. Я понял только два слова: господин и Пирсон. Но и этого, кажется, вполне достаточно. Я угостил посланца мятными леденцами и возвратился.

Мы не виделись с Пирсоном две недели. Пока я изучал всевозможные структурные карты и профильные разрезы, он был занят какими-то своими делами в Джелу. Пирсон, ожидая меня, стоял возле своего запыленного «виллиса». Пробковый шлем и шорты придавали ему еще большее сходство со Стэнли. Мне было приятно видеть его, да и он, как мне показалось, обрадовался нашей встрече. Мы крепко пожали друг другу руки. Я пригласил его в дом.

— Ну, вы, я вижу, уже совсем здесь обосновались, — улыбнулся Пирсон, показывая рукой на вбитые в стену многочисленные гвозди, на которых были развешаны бинокль, фотоаппа-

---

¹ Вади — сухое русло.

раты, оружие, планшет и прочее снаряжение бродячего человека.

Я пододвинул ему табурет.

— Белый человек, — сказал он, усаживаясь, — всюду должен устраиваться прочно, как будто бы он пришел навсегда. Он должен казаться неизбежным, как судьба.

— Боюсь, что времена Киплинга безвозвратно миновали.

— Да, конечно. Это я так, шучу. Но от одной ошибки мне бы хотелось вас серьезно предостеречь. Вам, русским, свойственно эдакое панибратское отношение к туземцам. Не качайте головой, дайте мне высказаться. Поверьте мне, господин Молодковский... Кстати, как у вас принято обращаться друг к другу?

— Меня зовут Андрей. Андрей Валентинович.

— Так вот, Эндрю, поверьте, что я не расист. Мне безразлично, какая у человека кожа. Но уровень культуры — с этим нельзя не считаться. Африканцы, все африканцы привыкли видеть в белом человеке господина. То, что у них сейчас свое государство, ничего не меняет. Я здесь живу семнадцать лет и кое-чему научился. Пока они видят в вас господина, они вас слушаются и боятся. Не уважают, нет, африканцам это чувство неведомо, а именно боятся. Ради бога, дайте мне высказаться! Я понимаю, что в вас все протестует против моих слов! Но я убежден, что в Африке нельзя подходить с привычной нам, европейцам, меркой. С одной стороны, в сердцах африканцев еще силен страх перед европейцем; с другой стороны, их все больше захватывает идея африканского единства и всякого такого... Это и порождает в психологии африканца сосуществование страха перед белым с презрением к белому. Стоит только чуть-чуть ослабить чувство страха, как оно уступает место презрению. Не будьте фамильярны с африканцами, иначе наживете беду! Они станут просто смеяться над вами. Я вспоминаю свою поездку на побережье в прошлом году. Там ваши специалисты налаживали бурильные агрегаты. Когда они появлялись в городе, их сразу узнавали. И что вы думаете? Арабы кричали им вслед: «Колья корашью!» Ваши соотечественники приветливо улыбались и махали в ответ руками. Они не понимали, что над ними смеются.

— Мне кажется, вы очень сильно ошибаетесь. Там, где вам видится насмешка, я вижу действительное проявление дружбы.

— Санкта симплицита! Это насмешка, откровенная насмешка. Туземцам непонятно, как белый джентльмен может чистить сам себе ботинки или обходиться без надлежащего комфорта. Я уже не говорю о том, что такой белый лишает их привычного заработка — бакшиша. Вы даже не представляете, что значит здесь это слово: «бакшиш». Нет, нужно знать местные условия! Если туземец попросит вас дать ему напиток, не вздумайте протягивать стакан с водой. Он первый же начнет над вами смеяться. Я не говорю, что его нужно прогнать. Нет! Дайте ему монету, хоть целый соверен. Пожалуйста! Но ни на минуту не становитесь на равную ногу с африканцем. Юридически он свободен и независим, но в душе он раб.

— Этим вы только лишний раз показываете свою неправоту, Пирсон. Я допускаю, что вы не ошибаетесь, говоря о каких-то

пережитках в сознании отдельных граждан молодых африканских государств. Это гнуснейшее наследие тяжелого прошлого, отзвуки веков рабства и угнетения.

Уголки губ Пирсона поползли вниз. Он заерзал на табурете. Я продолжал:

— Долгие годы эксплуатации со стороны империалистов, их глумления над национальным достоинством угнетенных народов являются причиной и того недоверия у части населения к людям белой расы, которое вы испытываете, по-видимому, на себе. Мы же приходим с открытым сердцем, как братья, бескорыстно оказывая помощь стране, освободившейся от колониального ига. Вы не увидели главного. Африка уже не та, какой вы ее привыкли воспринимать, и африканцы не те.

— Не надо политики, Эндрью. Я хотел вам дать совет для вашей же пользы. Поймите: если вы не найдете путей к их душам, вы не сможете с ними работать, не оправдаете надежд, которые администрация возлагает на помощь вашей страны.

— Благодарю вас за искренние намерения. Но давайте обсудим некоторые проблемы гравиметрии и сейсморазведки. Здесь-то мы уж наверняка будем говорить на одном языке.

— Ну что ж, как вам будет угодно. У нас, англичан, даже самые крайние убеждения не мешают дружбе. Кстати, я привез вам кое-какие материалы, которые мне удалось разыскать в Джелу... Посмотрите на досуге, может быть, что-нибудь пригодится.

Пирсон вышел из комнаты и через минуту вернулся с толстым капроновым бюваром.

Кто-то осторожно постучал в дверь.

— Come in!

— Добрый день, джентльмены. — Махди притронулся двумя пальцами к феске. — Я принес вам плохие вести, — сказал он, подходя ко мне и обнажая в улыбке ржавые от бетеля зубы. — Рабочие, которых вы привезли из Джелу, сбежали.

— То есть как это... сбежали?

Махди пожал плечами и вновь улыбнулся. Пирсон с интересом рассматривал его, потягивая гранатовый сок.

— Как это сбежали, Махди? Да и куда они могли сбежать? — снова спросил я.

— Наверное, в Джелу, сэр. Поймали на дороге порожний самосвал и сбежали.

— Но почему? Почему?!

— Я слышал, что они боятся... Не хотят туда идти, где Красный.

— Красный? Red? Они боятся работать со мной, потому что я red?

— Вы Красный? — Махди изумленно вылупил глаза.

— Ну да, красный, из России.

Махди засмеялся.

— О нет, сэр! В этом они не разбираются. Для них вы белый господин — и больше ничего. Они боятся Красного, который живет в болотах Оберры. У нас не принято называть его по

имени. Я понимаю, что это суеверие, но говорят, что имя его приносит несчастье.

Я отказывался что-либо понять. Какой Красный? Какое несчастье? И при чем тут рабочие, которые неизвестно почему сбежали на попутном самосвале в Джелу?

— Вы что-нибудь понимаете во всем этом, Пирсон?

— Боюсь, что да... Откуда вам известно, — обратился он к Махди, — что рабочие сбежали из-за страха перед Красным?

— Так... Люди говорят, сэр.

— Ах, люди! Ну, тогда все понятно! Вы можете идти, мистер Махди. Русский джентльмен вам очень благодарен за сведения. Узнаете что-нибудь новое, заходите... Да, стойте!

Махди, который был уже у самой двери, полуобернулся.

— Кто сказал рабочим, что русский джентльмен собирается отправить их на болота Оберры?

— Не знаю, сэр. Но люди говорят, что рабочие не хотели убивать Красного.

— Ну и отлично, если не хотели. Но почему же они сбежали?

— Они были уверены, что белый господин хочет взорвать свои патроны на Оберре и убить Красного.

— Вы собирались начать сейсморазведку с Оберры? — обернулся ко мне Пирсон.

— Нет... То есть я думал... Но объясните же мне, наконец, что происходит.

— Так... хорошо. Не смею вас далее удерживать, мистер Махди. Рад был с вами познакомиться.

Махди ушел.

— Вы говорили рабочим, что собираетесь работать на Оберре? — спросил меня Пирсон сразу же, как захлопнулась дверь.

— Насколько помнится, ничего определенного я не говорил. Я рассказал им, что мы вместе будем искать нефть, которая так нужна их молодой стране, что это очень важно и почетно.

Пирсон молчал. Лицо его было бесстрастно. Ирония, с которой он меня слушал, проявлялась лишь в легком трепете ноздрей.

— Ну, а про Оберру вы им говорили?

— Я только упомянул, что мы, возможно, будем работать и на Оберре.

— Теперь мне все ясно! Я искренне соболезную вам, Эндрию, хотя вместо этого следовало бы напомнить вам мой совет, которым вы в свое время так легкомысленно пренебрегли. Последствия, как говорится, налицо.

— Что вы имеете в виду?

— Совет — не фамильярничать с нилотами. Это же дети природы, цивилизация почти не затронула их. По сравнению с ними даже африканцы центральных провинций выглядят подлинными европейцами. Но вы... Впрочем, упреки теперь излишни. Вы закатили перед этими невежественными людьми, которые, кстати сказать, знают по-английски не более сотни слов, пламенную речь. О чем? О нефти, которую они сроду не видели. Зачем? На этот вопрос затруднительно будет ответить даже вам самому. В итоге вы проговорились, что собираетесь работать на Оберре, и, наверное, попытались популярно объяснить, что же именно вы там намереваетесь делать. Из этого объяснения они

поняли лишь одно: белый господин хочет взрывать на Оберре тетриловые патроны. Зачем взрывать? Да, очевидно, затем, чтобы убить Красного. Через час грохочущий самосвал увозил ваших рабочих в Джелу... Надеюсь, закономерность событий вам ясна? Что же вы теперь собираетесь делать?

Я был в полной растерянности и все еще ничего не мог понять.

— Я не хочу поставить вам в вину решение начать разведку с Оберры, а не с Аледжиры, — продолжал Пирсон. — Я, правда, с самого начала советовал как раз обратное, но вы, а не я, отвечаете за порученное вам дело, и не мне принадлежит право принимать решения. Тем более что, в сущности, и Оберра и Аледжира одинаково бесперспективны в отношении нефти и разница между ними лишь в трудности производства работ. Я вижу, что вы все еще не поняли ситуации, в которой очутились?

— Признаться, да. Я не нахожу объяснений непонятному бегству рабочих. Да еще тут этот... как его?.. Красный! Кто такой этот Красный?

— Ах, вы хотите узнать о Красном? А зачем, позвольте вас спросить? Зачем вам, убежденному материалисту, знать о темных суевериях древнего народа? Вы же не собираетесь извлекать из этого пользу! Ведь ваши убеждения не позволяют вам подобным образом использовать обстановку. Я расскажу вам о Красном, а вы завтра же выступите перед нилотами с антирелигиозной лекцией. Учтите, мой бедный молодой друг: бегство рабочих — это еще не самое страшное. Если вы станете разглагольствовать среди нилотов о Красном, то рискуете в одно прекрасное утро вообще не проснуться. Заключение местного врача — между прочим, милейшего человека — будет крайне лаконичным, «Exitus letalis», — скажет он, пощупав останувшийся пульс. Но вас это не пугает, не правда ли? И вы по-прежнему хотите, чтобы я рассказал вам о Красном? Ну, вот видите, я в этом не сомневался! Белый человек всегда остается белым человеком, кто бы ни были его предки: Писарро, Кортес, полковник Лоуренс или генерал Скобелев...

Но я не расскажу вам о Красном. По крайней мере теперь. Нужно срочно спасать положение. Я поеду в Джелу и попытаюсь уговорить рабочих. Надеюсь, что мне это удастся. Дело прежде всего. А побеседовать мы еще успеем.

И, не давая мне опомниться, Пирсон поднялся из-за стола, пригладил волосы и, сняв с гвоздя шлем, вышел из комнаты. Я никогда не думал, что он может быть таким экспансивным и многословным. По-видимому, пресловутая английская холодность не что иное, как обычная сдержанность. Да и то до поры до времени.

А на другой день я получил телеграмму: «Все улажено забрал новых рабочих тех же условиях буду сред у Пирсон».

* * *

— Ну что же, если вас это так заинтересовало, я расскажу вам о Красном, — сказал Пирсон, когда мы встретились после его возвращения из Джелу. — Конечно, более подробные сведе-

ния вы могли бы почерпнуть из работ Ивэна Сэндерсона, Фрэнка Меллэнда, маркиза де Шатело. Кое-что вам могли бы поведать и такие господа, как Бертен из Парижского музея, или педантичный систематик Симпсон. Хотя вы, наверное, и не слышали об этих людях?

— Да, должен признаться... Правда, мне попалась как-то на глаза одна книжка Сэндерсона... Ну да! Конечно! Я нашел ее в своем номере в день приезда... Она как нарочно раскрылась на описании болот Оберры. Интересное совпадение, не правда ли?

— Совпадение? Ну, нет! Будь я добрым протестантом, я бы считал это знамением. Но я атеист... Так, значит, вы прочли у Сэндерсона то место, где говорится о кангамато?

— Кангамато?

— Таинственный птеродактиль, живущий в болотах Джуиду и Оберры.

— Ах, это!.. Я считал это фантазией, изложением местных суеверий.

— Фантазией? Красный, из-за которого вы чуть было не остались без рабочих, тоже фантазия? Почему же вы так жадно ею интересуетесь? Вам скучно?

— Вы меня неправильно поняли, мистер Пирсон. Я и без того слишком многим вам обязан. Требовать же от вас еще и сказок...

Пирсон расхохотался.

— Вы остроумный человек, Эндрию, и сразу же поставили меня на место. Теперь я вижу, что моя обидчивость была просто смешна. Единственное, что меня в какой-то мере оправдывает, — это мое отношение к истории Красного. Это очень серьезная история, сэр, чтобы не сказать больше.

— Из вас бы вышел отличный автор детективов.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы превосходно умеете разжигать любопытство!

— Не в этом дело, Эндрию. Слишком непростая это история. У вас найдется чем промочить горло?

— Виски-сода.

— Я не пью виски. Какой-нибудь сок или, на худой конец, просто холодная вода.

Конечно, это смешно, но мне и в голову не приходило, что могут быть непьющие англичане или американцы. Вероятно, на моем лице в этот момент было довольно глупое выражение, потому что Пирсон посмотрел на меня с некоторым удивлением. Я спустился в пахнущий муравьями сырой погреб и достал из наполненного водой кувшина бутылку виноградного сока.

— Не надо наливать воду в кувшин,—сказал Пирсон, потягивая сок,—она быстро согревается. Лучше обмотать его мокрым полотенцем. Да, с чего же мне начать рассказ?.. Признаться, я уже забыл, где и когда впервые услышал о кангамато. По-моему, это было на второй год моей работы здесь... Или на третий... Как-то я познакомился с одним нашим чиновником. Это был пожилой, довольно ограниченный человек, исколесивший всю Африку. Не помню, с чего начался этот разговор, но чиновник сказал мне в тот раз: «Здесь по соседству живет

птеродактиль». И сказано это было так спокойно и невыразительно, точно речь шла об английском пони. Меня же это взволновало, как вы понимаете, и я принялся расспрашивать своего соотечественника.

«Птеродактиль живет на юго-востоке Оберры в жарких болотах», — ответил чиновник.

«Но вы-то его когда-нибудь видели?» — спросил я.

«Нет, это не входит в мои обязанности. Но негры совершенно уверены в его существовании».

«Как же они его называют?»

«Кангамато, — ответил чиновник. — Он достигает семи-восьми футов в размахе крыльев».

Вы чувствуете, Эндрию, семь-восемь футов! Я был просто потрясен. Я начал расспрашивать местных охотников, стариков. Описания были довольно точными: кожистые крылья, длинный острый клюв с зубами, гладкая кожа. Все говорило о том, что это живой птеродактиль. Тогда я решил отправиться к болотам Оберры. Я готов был пойти на любые лишения, лишь бы воочию увидеть доисторического птеродактиля.

Да, милый Эндрию, я готов был на все, но что значит это «все», я понял только, когда попал в заболоченные джунгли Оберры. Какой-то мудрый человек сказал, что для безумца, вступающего в джунгли, бывает только два приятных дня. Первый день, когда, ослепленный их чарующим великолепием и могуществом, он думает, что попал в рай, и последний день, когда, близкий к сумасшествию, он бежит из этого зеленого ада.

«Какого цвета летающая ящерица?» — спросил я старого хромого негра-балухья с соленого озера Эдуарда. «Красная как кровь», — ответил он и подмигнул мне красным, изъязвленным глазом. Я не поверил. Мне до сих пор непонятно почему, но я представлял себе птеродактиля черным или, на худой конец, серым.

А каким рисовался птеродактиль вам, Эндрию? Тоже черным? Ах, коричневым! За этим кроется какой-то дефект нашего мышления. Никто и не воображал, что птеродактиль может быть алым, как клюв фламинго! Но все негры твердили, что огромный летающий ящер красен, как кровь. Они так и называли его — Красный. Никто из них не хотел употребить слово «кангамато». Тогда я прибег к испытанному средству — стал щедро раздавать подарки.

«Опасно даже произносить имя животного», — отвечал мне молодой охотник, не сводя жадных глаз с ножа золингеновской стали. Отличный был нож. Три пляшущих человечка¹.

«Nigger dance», — сказал, безбожно коверкая язык, старый балухья и протянул руку к ножу. — Его зовут кангамато. Он очень злой. Он откусывает людям руки, уши, носы. Отец моего деда умер после возвращения из болот Оберры».

---

¹ Знак фирмы. Количество выгравированных на лезвии «пляшущих человечков» символизирует качество стали.

«А ты сам видел хоть одного из них?» — спросил я.

«Нет! — ответил балухья. — Поэтому я жив».

«Неужели он так страшен?»

«Белый, я готов скорее встретиться один на один с разъяренным слоном или голодным львом, чем с кангамато. Подари мне топор, белый, — балухья указал на висевший у меня на поясе топор, — я отведу тебя к Мбого. Мбого видел кангамато собственными глазами».

Мбого жил в деревушке Тодьеньянг. Впервые мне стало стыдно, что я англичанин, Эндрью. Поверите ли, каждый второй житель деревушки был болен. И как болен, Эндрью! Кроме болезней, связанных с недоеданием и авитаминозом — бери-бери, пеллагра, квашноркор, — в здешнем «букете» были малярия, проказа, трипанозолоз. Я отдал им весь свой хинин. Чем я еще мог помочь?

Мбого однажды укусила муха цеце, а крокодил отхватил ему руку по самое плечо. Голова старика тряслась. Он засыпал на ходу и неожиданно просыпался. Мухи копошились на его черном лбу, но он не отгонял их. Его единственная рука едва держала печеный банан. Мбого не принял моих подарков. Они ему были не нужны. Он был философ, этот Мбого, презревший суету жизни и погруженный в созерцание. В нем было что-то от заваски Аверроэса или Спинозы.

«Тело без перьев и без чешуи, очень большой клюв, зубы крокодила, — Мбого покосился на свою уродливую культяпку, — крылья такие же, как у летучих мышей, но большие-пребольшие, кожа красная и блестящая, кричит сдавленным голосом. Я должен был умереть в тот день, так как нельзя безнаказанно видеть большую летающую ящерицу...»

«А находили ли вы когда-нибудь мертвого кангамато?» — спросил я Мбого.

«Нет, белый, он никогда не покидает болот и там исчезает бесследно, когда умирает».

У меня была с собой иллюстрированная книга, и я показал неграм рисунок птеродактиля.

Они были потрясены.

«О! О!.. Кангамато! Но наш гораздо крупнее!»

Изображение было с какой-нибудь дюйм.

Я не буду рассказывать вам, Эндрью, о моем спуске в «девятой круг ада». Болота Оберры — это царство ужаса, над которым безраздельно господствует красный как кровь крылатый крокодил — вестник смерти. Я обследовал все протоки, все черные, гнилые ямы, заводи и ручьи, протекающие по болоту. Но птеродактиль не появлялся. И все же вслед за Шатело я повторяю, что уверен в существовании кангамато. Вы спросите: почему? Судите сами. Я опросил добрую сотню людей разных племен: камба и кикую, балухья и ньика; я беседовал с арабами и нилотами, индийцами и белыми, дикими банту и кушитами. И все, кто осмеливался говорить о кангамато, описывали его совершенно одинаково. Если бы речь шла о вымышленном животном, описания были бы разные. Никогда негр не расскажет вам о слоне в три человеческих роста или о носороге, у которого больше чем два рога. Все говорили, что кангамато

не чудовище, а обычное существо, но только более опасное, чем леопард или черная мамба — самая страшная змея в мире.

Старая Нхаве, жена местного вождя, сказала мне, когда я забрел в одну убогую деревушку, что мои поиски обречены на неудачу: ее муж, великий охотник, давно уже убил последнего кангамато.

Кангамато существует, Эндрью, я в этом уверен. Поэтому и разбежались ваши рабочие, поэтому и я с первого же дня отговаривал вас от разведки на Оберре. Я не рассказал вам обо всем сразу, потому что не мог рассчитывать на ваше доверие. Но после того, как в паническом страхе разбежались рабочие, вы бы и без меня узнали о кангамато. И я решил рассказать вам все, что знаю об этом существе, окутанном тайной и ужасом. Повторяю, я не видел красного птеродактиля, но уверен, что он существует. Если вы даже узнаете, что на Оберре есть признаки нефтеносности, не ходите туда! Там кангамато. Это все, что я хотел вам сказать, Эндрью. Вы же вольны поступать, как вам будет угодно.

Пирсон вытер мокрый лоб платком. Он встал и отошел к окну. Мне показалось, что его руки слегка дрожат.

— Но вы же, вы, мистер Пирсон, не побоялись пойти на Оберру! И не за нефтью — за кангамато! Почему же я...

— Вы хотите идти на Оберру? — резко перебил он меня и круто повернулся ко мне.

— Да!

— Так я и знал! Я не должен был откровенничать с вами. Мой рассказ вы употребили во зло. Не забывайте: вы приехали сюда искать нефть, а не гоняться за призраками. Я говорю вам это как официальное лицо, как главный геолог провинции.

— Я буду искать нефть, только нефть, одну только нефть.

— Вы сами себя обманываете. Ветер приключений кружит вашу разгоряченную голову. Нет, я думал, что русские другие... Простите меня за откровенность, но вы ведете себя, как бойскаут, начитавшийся капитана Майн Рида. Это полнейшая безответственность. Я не могу запретить вам разведку на Оберре, вы мне не подчинены, но я употреблю все свое влияние, чтобы на ваше место запросили другого геолога.

— Вы этого не сделаете, Пирсон! Я ищу нефть, я знаю, где ее нужно искать.

— Конечно, в болотах Оберры?

— Именно там. И хотите знать почему?

— Говорите.

— Потерпите одну минутку!

Я взял бювар с документацией, которую привез мне на днях Пирсон, и достал оттуда тонкую, тщательно сложенную кальку.

— Вот! — сказал я и протянул кальку Пирсону.

— Что это?

— Сейсмограмма.

Пирсон осторожно развернул кальку, положил на стол и разгладил ее ладонью.

— Вы видите этот двойной пик, этот длинный спаренный зуб? — спросил я его.

— Откуда у вас эта сейсмограмма? — Пирсон задал свой вопрос шепотом.

— Я нашел ее в пачке старых документов, которые вы же мне принесли.

— Да, но как узнать, где находится этот разрез?

— А вы посмотрите экспликацию! Там дана привязка к озеру Эдуарда.

— Действительно! Странно...

— Что странно?

— Я не понимаю, Эндрью, как мог не заметить этой сейсмограммы... Очевидно, она была получена беднягой Эрлсом. Он один занимался сейсморазведкой на Оберре... Он бесследно исчез. Нашли только его трубку и полевую сумку... Наверное, это его сейсмограмма. Да... интересная ситуация... Но одной сейсмограммы еще не достаточно. Не так ли?

— Я скоррелировал ее с данными гравиметрии. Я почти убежден, что Оберра перспективна.

— Все же вы хорошо подумайте, Эндрью...

* * *

Мы разбили наш лагерь вблизи стремительной речушки с черной водой. Она напомнила мне мокрый асфальт московских улиц. Прихотливый ленточный извив реки терялся в тростниковых зарослях, в которые вклинивались узкие полосы мангров. Под сетью уродливых воздушных корней и серых присосков лиан пузырилась бело-коричневая пена. Заполненные горячей протухшей водой канавы затагнула золотисто-бурая пленка тины. Местами виднелись такыры — участки подсохшей, организированной широкими черными трещинами грязи. Нигде ни травинки. Всюду скользкие холодные грибы, изъязвленные спорами папоротника, лианы и мхи. Золотые, оранжевые, голубоватые, пепельные мхи. Воздух абсолютно неподвижен. Оранжевый запах, смешанный с запахом клопов. Душная, жаркая сырость. Одежда прилипает к телу, как компресс, и никогда не просыхает. Сигарета гаснет после второй затяжки, то ли оттого, что воздух влажен, то ли оттого, что он напитан углекислотой гниения и распада. Редкие, как у нас глубокой осенью, лакированные жесткие листья покрыты испариной. Капли сталкиваются, словно ртутные шарики, и, сливаясь, струйками сбегают с листа на лист. Ни на минуту не прекращается этот дождь при безоблачном небе. В заполненных влагой дуплах орхидеи — лиловые и нежно-сиреневые, красно-желтые, черные и розовые, белые, с коричневыми крапинками. Удивительная кора мангровых деревьев! Черная, покрытая липкой слизью, источенная улитками и жуками.

Лишь у реки можно дышать свободно. Прохладная, несущая горьковатую свежесть холодных цветов, вырывается она из гнилого сумрака мангров, чтобы исчезнуть в зеленых джунглях болотных трав.

Продираясь сквозь заросли жесткой и режущей травы,

спотыкаясь о кочки, проваливаясь в гнилые ямы, мы с Махди выбрались, наконец, к реке.

Если бы не Махди, я бы не мог пройти эти двести шагов от палаток до реки. Махди сам попросился ко мне в отряд, а Пирсон лишь похлопотал за него на маслобойне. Все произошло помимо моей воли. Но я был очень рад, что все сложилось именно так. Махди нес ружья — свое и мое. А я только балансировал руками в воздухе, стараясь сохранить равновесие, или цепляясь за траву, отчего на моих пальцах появились тонкие саднящие порезы. Они долго потом не заживали. И все это пустяки. Я боялся лишь одного — наступить на змею.

Добравшись до берега, мы умылись, сняли влажные рубашки и развесили их на шатких тростниковых стеблях. Нежный ветерок ласково обдувал разгоряченную спину. Влажная кожа быстро высыхала. За спиной у меня раздался шелест. Я резко обернулся. Из тростников, медленно и важно переступая длинными тонкими ножками, вышла большая, жирная дрофа. Она была совсем рядом. Я видел, как лоснятся нежные шелковые перышки на ее шее.

Не замечая нас, дрофа направилась к воде. Когда она погрузилась уже по грудь и клюв ее захлопал в подводном иле, я, не отводя глаз, нашарил ружье, осторожно подтянул его и спустил с предохранителя. На воду обрушился стремительный шквал града. Подрванная птица рванулась вверх. Рядом бахнул выстрел Махди. Оставляя на воде смыкающуюся стеклянную борозду, дрофа в бессильном порыве понеслась к другому берегу, но, не достигнув даже середины реки, забилась, захлопала крыльями и перевернулась. Течение повлекло ее к болотам. Я бросился в воду. К счастью, речушка оказалась довольно мелкой, а дно твердым. То и дело падая и путаясь в скользких нитях водорослей, я догнал дрофу.

— Таке саче! Таке саче!¹ — раздалось у меня за спиной.

Не столько смысл этих ломаных английских слов, сколько голос Махди, в котором дрожала высокая, срывающаяся струна первобытного страха, заставил меня нырнуть под воду.

Когда, ослепленный водой и прилипшими к глазам волосами, я выскочил на поверхность, надо мной мелькнула чья-то громадная тень.

Мир дрожал и переливался в мокрых ресницах. Какая-то огромная птица летела над самой водой на закат. Она была величиной с орла и показалась мне черной. Я бросился к берегу. Когда я встал во весь рост, то ничего уже не увидел. Необозримые метелки тростника медленно колыхались на фоне заката. Они тоже показались мне черными, как тени на озаренной камином стене. На самом горизонте воздух подрагивал и мутнел. С болот Оберры поднимался туман, в котором растаял химерический призрак.

Наши ружья валялись на берегу, рубашки успели высохнуть. Махди нигде не было видно. Я позвал его. Но мой зов разбился о глухую преграду шуршащего и шепчущего тростни-

¹ Осторожно! Осторожно!

ка. Двести шагов отделяли меня от палаток. Всего двести шагов! Но я уже знал, что стоит войти в тростники, как сразу же теряешь направление. Можно часами блуждать там, шатаясь от усталости и ужаса, в каком-нибудь шаге от человеческого жилья. Я поднял патронташ, зарядил оба ружья, выстрелил. И опять меня окружила шелестящая тишина. Она напоминала шум приложенной к уху раковины.

Рядом бежала немая черная вода. Где-то урчали и пели огромные лягушки. Я вспомнил стихи:

Дай за это дорогу мне торную,
Там, где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор не открытую реку...

Я чувствовал себя полным банкротом. Романтика ослепила меня своим радужным павлиньим оперением и предала. Совершенно случайно я вспомнил о миниатюрном компасе, укрепленном на ремешке часов. Крохотная фосфоресцирующая в быстро густеющем сумраке стрелка мерцала неверным болютным огоньком. Я плюнул, выругался, надел рубашку, подобрал ружья и патронташи и вошел в тростники.

Через час я был уже в лагере. Злой, израненный, залепленный грязью, но спокойный. В лагере никого не оказалось. Рабочие исчезли, побросав снаряжение и оборудование, опрокинув рацию и растоптав выпавшие из порванного бумажного мешка галеты.

В моей палатке я нашел Махди. Он спал, завернувшись в антимоскитную сетку. Рядом с ним валялась фляга с джином. Пахучая жидкость медленно пропитывала землю. Махди был мертвецки пьян.

Я подошел к желтому баку с красной надписью «Fresh water»¹ и открыл кран. Сначала я пил воду взахлеб, потом стал лениво цедить сквозь зубы, под конец она уже просто лилась на мое лицо. Неудачи преследовали меня. Нас в лагере осталось только двое, и незачем было беречь воду. Я закрыл кран и улегся на циновку, подоткнув со всех сторон сетку. Потом мне захотелось покурить. Я закурил сигарету, время от времени выгоняя из-под сетки скапливающийся дым. Наконец я уснул.

— Я очень испугался, сэр! — объяснял мне наутро Махди. — Конечно, я не верю во все эти сказки про летающую красную ящерицу, но то был действительно опасный зверь. В тот момент, когда вы нырнули, он напал на меня. Только я хотел схватить ружья, как над моей головой засвистели крылья: «Шисс, шисс!» Надо мной, щелкая зубами, пронесся огромный вампир. Я испугался и побежал. Потом меня что-то толкнуло в спину, и я упал, закрывая руками голову. Я долго пролежал так, лицом вниз и не раскрывая глаз. Потом медленно пополз. Чудовище, видимо, улетало. Тогда я поднялся, прыгнул в траву и побежал к лагерю.

В лагере меня обступили рабочие.

¹ «Пресная вода».

«Что это за летучая мышь такого размера, как размах моих рук, и черная?» — спросил я у них.

«А где ты видал ее?» — спросили они.

«Там», — ответил я и показал рукой на реку.

Рабочих это так испугало, что они бросились бежать, круша все на своем пути, как носороги. Они бежали, не разбирая дороги, напролом, через мангровые заросли. Мне опять стало страшно. Страшнее, чем на реке, мне стало от этого бегства.

— Зачем же вы рассказали о происшествии на реке этим темным, суеверным людям? — спросил я Махди. — Вы же знали, что они убегут.

— Простите, сэр. Я очень виноват, но мне было страшно, и я не подумал о последствиях.

— Почему же вы не убежали вместе с ними, если вам было страшно?

— Мне было страшно по-другому, чем им. Я просто испугался, а они испугались вестника смерти. Притом как же бы я бросил вас одного? Нет, я не мог убежать вместе с ними.

— Ну, хорошо, Махди, забудем об этом случае. Подумаем лучше, как нам быть.

— Возвращаться надо, сэр! Все равно вы ничего не сможете сделать здесь без рабочих.

— Хорошо, Махди, я подумаю. Вы идите готовить завтрак, а я подумаю.

Но долго размышлять, собственно, было не о чем.

Очевидно, все придется начинать сначала.

Я разложил на циновках собранный за эти четыре месяца материал. Его никак нельзя было назвать бедным. Здесь были сейсмограммы, полученные с помощью КМПВ¹, обработанные результаты гравиразведки, профильные разрезы, структурные карты. Казалось бы, я мог быть спокоен, собрав столь убедительные данные о бесперспективности района на нефть. Не виноват же я в том, что на Оберре не оказалось нефти! Вот и Пирсон предсказывал, что я здесь ничего не найду. И все же я знал, что, несмотря на формальную убедительность вороха карт, миллиметровок и калек, у меня нет морального права на какой бы то ни было определенный вывод. И не потому, что я мало работал. До сих пор у меня в ушах шумят отголоски сейсмических взрывов, а язык сохранил сладковатый вкус тетрила. По сколько раз в день я делал косой срез на огнепроводном шнуре и, прижав спичечную головку к пороховой начинке, чиркал о нее серой! Потом отбегал подальше и, открыв рот, ожидал взрыва. Как кадры бесконечной киноленты, мелькают у меня перед глазами самописцы сейсмографов, капсулы-детонаторы, пачки взрывчатки и бухты лакированного шнура.

Ни одна из полученных мною сейсмограмм даже отдаленно не напоминала ту, единственную, которую я обнаружил в бьюаре Пирсона. Естественно, что каждый раз я испытывал неизбежное разочарование, ведь я искал не вообще, а нечто опреде-

¹ КМПВ — корреляционный метод преломленных волн.

ленное, кем-то когда-то найденное. Искал — и не находил. Что ж, постоянное разочарование и каждодневное открытие, что ты ищешь не там, где надо, могли породить в итоге чувство недовольства собой. Ведь и крепчайшие базальты и гнейсы рушатся под незаметными, но постоянными ударами капель воды.

И все же...

Нет, я не мог найти ответа на мучившие меня сомнения! Что-то знакомое вдруг выплывало из плотного клубящегося тумана; сверкало перед глазами, как пыль в косом световом луче, но стоило протянуть руки, и оно ускользало. Что же это было? Все усилия припомнить, понять, осмыслить приводили к прямо противоположному результату. Напряжение мозга рождало забвение. Так иногда вдруг забываешь хорошо знакомое слово. И бесполезно его вспоминать. Оно придет когда-нибудь само, нужно только перестать о нем думать, отвлечься, переключиться.

В который раз сравниваю я свои сейсмограммы с той единственной и неповторимой и нигде не нахожу столь характерного и выразительного двойного зубца.

— Beg your pardon, sir¹, — отвлекает меня Махди, — завтрак готов.

Мы садимся завтракать. В ноздри бьет ароматный пар. Под ложечкой рождается сладкая спазма. Голод берет свое, и я на время забываю о сомнениях и сейсмограммах. Махди испек в листьях папоротника отличного чешуйчатника. Бело-розовое мясо легко отделяется от колючего хребта. Особенно вкусны жаберные крышки. Я высасываю их жирные горячие мешочки, как клешню краба. Батат также превосходен. Жаль, что нет сметаны! Со сметаной было бы вкуснее. На десерт — маисовый початок, консервированная колбаса с подливкой из жженого сахара и чай с ромом. Отличный завтрак!

— Спасибо, Махди! Все необыкновенно вкусно. Теперь можно покурить и обсудить наше скверное положение.

Но мне оно уже не кажется столь скверным. Не знаю почему, но я уверен, что выход найдется и все будет хорошо.

— Послушайте, Махди. Так что же это был все-таки за зверь, который напал на нас вчера на реке?

— Я так думаю, что это летучая лисица.

— Лисица? Что-то не похоже... Агрессивен, щелкает зубами. Нет, летучие мыши так себя не ведут. А может, это и есть кангамато? Ведь чудовище показалось нам черным только потому, что оно летело на закат, а на самом деле оно могло быть красным.

— Я не верю в кангамато. Это все сказки.

— Так почему же вы так испугались вчера?

— Не знаю... Только в красную ящерицу я не верю.

— А мистер Пирсон верит. Он не считает это сказками и суевериями. Кстати, вы давно знакомы с мистером Пирсоном?

— Первый раз я увидел его в вашем доме, когда пришел сообщить, что рабочие сбежали в Джелу.

---

¹ — Простите, сэр.

— Ах, да, помню, помню... Значит, до этого вы не знали Пирсона?

— Лучше будет оставить в лагере все, как есть. На дороге возьмем только самое необходимое. Остальное продовольствие нужно упрятать, чтобы не утащили муравьи, — неожиданно сказал Махди, собирая остатки завтрака в полиэтиленовый мешок.

— Значит, вы предполагаете, что наш уход дело решенное?

— Разумеется, сэр.

— Да, очевидно... Ну, хорошо! Готовьтесь к походу. Выступим к вечеру, как только спадет жара.

— Да уберезет нас аллах от болезней и ифритов! — серьезно ответил Махди.

— А в аллаха вы верите, Махди?

— Аллах акбар. Мой отец был мухтаром¹, а я два года учился в Аль-Азхаре.

— Аль-Азхар? Это город?

— Нет, господин, это знаменитый мусульманский университет в Каире. Я не закончил его только потому, что мураби — арендаторы моего отца — сожгли наш дом и весь урожай. Они разорили нас.

— А какую часть урожая отдавал ваш отец своим мураби?

— Четвертую! Как везде! Это же наша земля!

Глаза Махди засверкали, ноздри расширились, брови сошлись у переносицы. Внезапно он встал и молча вышел из палатки.

— Подождите меня, Махди! Я помогу вам спрятать продовольствие.

Нам не удалось покинуть лагерь в этот день. Работы оказалось гораздо больше, чем я представлял себе сначала. Мы провозились до вечера. Особенно много хлопот было с провиантом. Мы складывали его в большие жестяные банки и заливали крышки сургучом так, что не оставалось ни малейшей щели. Потом мы завертывали банки в полиэтиленовую пленку, которую на всякий случай посыпали нафталином.

Но Махди так боялся муравьев, что предложил сверх этого зарыть наши сокровища в землю. Я велел ему отойти подальше и вырыть небольшую ямку глубиной в три-четыре фута. Связав вместе четыре двухсотграммовые тротильные шашки и вставив в одну из них детонатор с отрезком шнура, я аккуратно опустил заряд в ямку, засыпал землей и утрамбовал. Потом я поджег выведенный на поверхность шнур.

Ухнул взрыв. В тростниках зашуршали комья выброшенного грунта. В сгущающемся сумраке дно воронки казалось черным, как ночная тень. Мы решили отложить погребение нашего провианта до утра.

Жемчужно-солнечное утро было наполнено треском насекомых и птичьим щебетом. В тростниках еще прятался туман.

Дно воронки, к моему величайшему удивлению, оказалось заполненным водой. Она уже успела отстояться и превратиться

---

¹ Мухтар — староста религиозной общины (арабск.).

в сумрачное колодезное зеркало. Сначала я предположил, что ночью прошел дождь, но все вокруг было сухо. Откуда же тогда вода?

— Как вы думаете, Махди, откуда здесь оказалась вода?

— Наверно, из земли, сэр. Больше неоткуда. Вода — это плохо! Придется нам придумать что-нибудь другое...

— Сделайте еще одну ямку, Махди! Только вот там, в четверти мили отсюда.

— Лучше не зарывать в землю, уж если вода.

— Мы ничего не будем зарывать. А ямку вы все-таки сделайте.

Махди взял маленькую саперную лопатку и стал подниматься вверх, на первую террасу — самое сухое в этом районе место. На террасе росли акации, колючки, исполинский укроп. Несколько дней назад я подстрелил там небольшую охапи. Ее нежное мясо чуть-чуть пахло мускусом и дымом костра.

Когда в воздух взлетел рыжий и дымный столб грунта, я побежал к воронке. В ней все еще клубилась муть. Кисло и остро, до царапанья в горле, пахло взрывом. Постепенно пыль осела, и я мог осмотреть воронку. Дно показалось мне явно сыроватым. Я взял кусочек глины, и она была влажной и пластичной, тогда как у поверхности глина крошилась, как сухая замазка.

И как только я не заметил этого раньше! Я достал полевой журнал. За все время мы произвели 232 сейсмических исследования. Это значит 232 взрыва, 232 воронки. Я решил осмотреть хотя бы некоторые из них.

— Мы задержимся здесь еще на один день, Махди.

Махди молча кивнул и отвернулся.

К вечеру мне все стало ясно. Уровень грунтовых вод на Оберре был очень высок. В то же время на той единственной сейсмограмме грунтовые воды залегали необычайно низко. Из такого сопоставления можно было сделать два вывода:

1) Сейсмограмма получена при исследовании какого-то неизвестного мне района Оберры с аномальной гидрогеологией.

2) Сейсмограмма получена не на Оберре, а в каком-то другом месте с очень низким уровнем грунтовых вод.

Первый вывод предполагал странный каприз природы, второй — ошибку или даже злой умысел человека. Я не знал, на чем остановиться.

Мне припомнились высохшие русла рек на Аледжире, все эти бесчисленные вади, уэды, эрги. Там грунтовые воды залегали действительно глубоко, и если бы на сейсмограмме не было экспликации, я бы без колебаний сказал, что она сделана на Аледжире, а не на Оберре. Но в экспликации стояло: Оберра... Неужели ошибка?.. Пирсон тоже советовал начать с Аледжиры. Правда, он считал, что Аледжира так же бесперспективна, как и Оберра, но все же советовал начать с нее... А если допустить, что экспликации все же нет?.. Догадка ударила меня, как молния. Я даже вздрогнул. Вот оно! Мне нужна только гидрогеологическая карта, и я смогу найти по ней то место, где

получена сейсмограмма. Даже если бы это была слепая сейсмограмма, без экспликации и привязки к местности!

В моих руках все это время было мощное оружие. Но только теперь я смогу воспользоваться им.

Мне вспомнился доклад, который мой шеф, всемирно известный геолог-нефтяник, сделал на одном из наших аспирантских семинаров (я тогда был еще аспирантом). Доклад был посвящен вопросу генетической связи нефтегазоносных бассейнов с вмещающими их бассейнами артезианских вод. Какое емкое и точное слово — «вмещающие»! Впервые в мировой науке было высказано предположение о генетической и физико-химической связи океанов подземных вод с затерянными в этих океанах нефтегазоносными бассейнами. Сколько раз до этого геологи произносили слова «водонефтяной контакт», даже не догадываясь о том глубочайшем философском смысле, который в них заложен. Да, шеф тогда говорил именно как философ, и вместе с тем как исследователь, умело использующий диалектический метод для раскрытия наиболее общих законов природы. И речь шла тогда не об отдельных бассейнах, районах и регионах, а о наиболее общих объективных законах.

Как странно! Я не открыл для себя ничего нового. Это неощутимо жило в моей памяти. Я помнил основные положения учения о нефтегазоносных бассейнах, даже мог перечислить, в каких журналах были опубликованы наиболее важные работы. Но все это лежало где-то на затененной стороне сознания. Что-то похожее было у меня при изучении иностранного языка. Сначала, читая «Дейли уоркер», я незаметно для себя переводил текст на русский и только впоследствии вдруг с удивлением обнаружил, что усваиваю непосредственно по-английски, не прибегая к помощи родного языка. Так и теперь спрятанное до поры в молекулярных тайниках мозга вдруг заиграло волшебным светом. Отвлеченные и сухие фразы научных сообщений вдруг стали моим оружием, моим опытом. Точно в какой-то неуловимый миг я увидел всю историю Земли.

Я увидел сверкающий первозданный океан. День за днем, тысячелетие за тысячелетием постепенно и неотвратимо опускались на дно те, кто еще недавно дышал, трепетал и охотился в прозрачной и теплой синеве. Слой за слоем и пласт за пластом громоздил океан... Мириады бактерий, амёб, водорослей... Все глубже, все дальше.. На миллионы лет толща. Отхлынут и высохнут океаны, зашуршат барханы пустынь, и воздвигнутся горы. Ил превратится в плотную глинистую породу. Давление и температура недр до неузнаваемости изменят бранные останки бесчисленных и безыменных существ. Они превратятся в битумы, нефтеносные кислоты, смолы, углеводороды. Чудовищное давление заставит органическое вещество покинуть уютные поровые ячейки, устремиться вместе с захороненной океанской водой в более высокие горизонты. Так завершается очередной виток спирали. Рожденное и убитое океаном вновь возвращается в океан, в тихий и темный океан подземных вод, где нет ни бурь, ни ураганов. Углеводороды выпадают из водных растворов, собираются в мельчайшие капельки, всплывают и сливаются в крупные капли. Сколько еще

тысячелетий этим каплям предстоит блуждать в темноте подземного царства Плутона, пока не обретут они покой в какой-нибудь геологической ловушке, соединившись, наконец, в большую массу нефти! Но и здесь нефть по-прежнему окружена водой. Мы, геологи, судили об этом по форме подвижной и зыбкой границы двух жидких миров — водонефтяному контакту. Во многих нефтяных пластах его поверхность не горизонтальна, что может быть связано с неоднородностью нефтеносных пород, условиями формирования залежей, движением подземных вод, высотой водоносного горизонта.

Но не мирным сосуществованием кончается генетическая связь воды и нефти, прочная и мудрая, как жизнь и смерть. Вода постепенно начинает разрушать ею же созданное нефтяное скопление. Нефть растворяется в воде, уносится в ее быстрых струях, вовлекается в бесконечный круговорот.

Я был на правильном пути. В уравнении со многими неизвестными мне удалось найти хоть какую-то конкретную связь.

...Нет, эта связь не случайна!.. Она не может оказаться бесплодной. Обманывают только люди. Природа всегда правдива.

Дрожащими от возбуждения руками я раскрыл гидрогеологическую карту района Оберры.

Какой же я осел! Изолинии встречались на карте так же редко и случайно, как оазисы в пустыне. Район был едва изучен. Все разлетелось и разбилось, как пирамида из фарфоровых чашечек.

Обидно! Вместо закономерного перехода от общего к частному я должен был сделать некий логический прыжок. Прыжок в темноту через десять провалившихся ступенек.

— Выступаем сегодня вечером, Махди!

Оставалось только надеяться, что гидрогеология Аледжиры изучена лучше.

* * *

Джелу душно и сладко пахла пальмовой древесиной. Доски жарились на солнце в собственном соку. Медленными коричневыми пузырями вытапливалась липкая смола. Шуршали жесткие надкрылья короедов. В тени фикусов неподвижно распростерлась бархатная бабочка, сжав в тугую спираль мохнатый хоботок.

Хорошо было в сочной, глубокой тени!

Здесь, на дровяном складе, позади фактории обедали рабочие. Сквозь корд и стружку вяло поблескивали ржавые рельсы вагонеточного пути. На перевернутой вагонетке была растелена засаленная газета. Рабочие ели маниоку, баклажаны и марокканские сардины. Пили пальмовую водку, закусывая ее соленой тыквой. Сидели прямо на земле, кто на корточках, а кто по-турецки.

— Мир вам! Приятного аппетита, — поздоровался я.

— Саям. Садитесь с нами, — пригласил меня темный, как сандаловое дерево, сухой старик с седыми в мелких колечках волосами.

Я достал сигареты и поочередно предложил каждому закутить. Старик взял чистый картонный стаканчик и налил мне вод-

ки. Она была сладкая и терпкая, как самогон. Соленая тыква напоминала вялый, расплзающийся огурец.

— Инглези? — спросил старик.

Я покачал головой.

— Аллемани?

— Нет. Русский.

Старик согласно кивнул. Ели молча.

— Куда это ваше начальство подевалось? — спросил я, допивая едкий гранатовый сок.

— Я десятник! — гордо сказал старик, погладив костлявую грудь.

— Мне, собственно, нужен горный инспектор... А мистера Пирсона вы знаете?

— О, Пирсон! — отозвались рабочие и замолкли.

— Он уехал, — сказал старик, — уехал на север. Горный инспектор тоже уехал. А что, господин хочет нанять рабочих?

— У меня уже были рабочие, но они сбежали.

— Сбежали?!

Все, кто лежал в тени, поднялись и подошли ближе.

— Ну да, сбежали, — ответил я. — Испугались большой летающей красной ящерицы и сбежали.

— Вы видели большую летающую красную ящерицу? — тихо спросил старик.

— Нет... не думаю.

— А сколько вы платили рабочим?

— Полтора фунта.

— В неделю?

— В день.

Старик что-то сказал по-нилотски. Стоявшие вокруг меня загалдели. Говорил со мной только старик. Видимо, он один знал здесь английский.

— Никто не сбежит от своего счастья, — сказал он. — Мы даже не слышали, чтобы в Джеле платили такие деньги.

— Нет, не в Джеле. Мы работали на Оберре.

Стоявшие вокруг нас вновь стали оживленно переговариваться. Крикнув что-то, старик унял шум.

— А откуда были рабочие? — спросил он, тщательно поплевав на сигарету и затоптав ее в землю. На выбеленной стене фактории огромными красными буквами было написано: «Не курить!» Я только теперь заметил надпись и тоже поспешил погасить свою сигарету.

— Рабочих, по-моему, набрали здесь, в Джеле.

Старик недоверчиво засмеялся и покачал головой. Это стало интересно.

— Я даже знаю их имена, — сказал я, достав записную книжку. — Хафзи, Умго, Мболо, Нгамо...

— Нгамо — кривой? Одноглазый? — перебил меня старик.

— Нет! Высокий и красивый нубиец.

— Мы не знаем здесь таких людей. — Голос старика приобрел торжественные ноты. — У нас в Джеле нет мужчин, которые бежали бы от такого заработка. Ведь вы говорите, что они даже не видели... Красного, — тихо добавил он и что-то сказал товарищам.

Те опять зашумели и замотали головами.

«Так, мистер Пирсон, оказывается, вот они какие — «африканские особенности!»» — подумал я.

Экзотика спадала, как шелуха с луковицы. С горькой, но здоровой, ядерной луковицы.

— А Танге, Билла Ленгстона, Фавзи Ашляка, Роже Дюверье и Ндуму вы знаете? — назвал я имена рабочих, которые сбежали в первый раз — еще тогда, в Аледжире.

— Роже Дюверье знаю, — важно кивнул головой старик, — но он не из Джелу. Этот большой негр с Севера. Роже не побойлся Красного. Но он мог сбежать, если ему вместо полутора фунтов предложили два. Никакого рабочего достоинства. А остальных людей я не знаю, они не из Джелу.

Я молча поблагодарил старика и поднялся. Многие для меня стало ясно.

— А Махди? Вы, конечно, знаете Махди? Махди побоялся бы Красного? — спросил я.

Рабочие насторожились. Старик что-то сказал им, и они зашумели. Глаза засверкали, ноздри раздулись и затрепетали. Старик кивал головой и прищипывал языком.

— Нет, — сказал он, поворачиваясь ко мне, — Махди не побоялся бы даже ифрита. Он сам ифрит, этот Махди. Его боится вся Аледжира... Но зато он боится... своей тени, которая приходит к нему во время сна.

Старик опять что-то пробормотал по-нилотски. Рабочие громко рассмеялись. Нахмуренные лица разгладились.

— Спасибо вам! — Я поклонился.

— И вам спасибо, — с достоинством ответил старик.

Рабочие почтительно приблизили ладони ко лбам.

— Я могу вам помочь набрать новых рабочих! Тоже за полтора фунта в день! — крикнул старик мне вдогонку.

Я обернулся.

— Спасибо. Я обязательно прибегну к вашей помощи. Через некоторое время. А сегодня я еду в столицу.

— А что у вас за работа на Оберре? Собираете коллекции?

— Нет. Ищу petroleum.

— Petroleum?

— Ну да. Oil.

— Oil?

— Вы не знаете, что такое oil?

Старик помотал головой.

— Petroleum oil... Не знаю, как вам объяснить... Черная горячая жидкость. Из нее делают бензин.

— О! Нафта?

— Да, нафта.

— Зачем всем так нужна нафта? Русси тоже нужна нафта?

— Я ищу ее для вас.

— Для нас?

— Да. По просьбе правительства вашей республики.

— О! Это совсем другое дело. Так вы приходите. Обращайтесь прямо ко мне. Я достану вам хороших рабочих, которые не покинут вас даже за четыре фунта в день! — Старик засмеялся.

— Спасибо! Мир вам!

— И вам мир! Приходите.

Я раздумал ехать в столицу. Действительно, на что мне было жаловаться? Меня обманули? Увлекли на неверный путь? Опутали липкими нитями заговора? Но в том-то и беда, что формально решения принимал я один. А по существу?..

Я был орудием чужой воли, слепым орудием!. Мне только казалось, что решаю я. На самом деле все мое поведение было кем-то тщательно запрограммировано. Но программист остался в тени, а робот действовал. И этот робот — я. Каждый мой шаг — это документ в полевом журнале, документ, скрепленный подписью робота.

Я попытался припомнить события последних месяцев. Звено за звеном восстановить в памяти цепь причин и следствий, опутавших мою волю, мое право выбора.

Сначала была встреча в аэропорту... Мужественный, сдержанный англичанин с лицом Стэнли... Мальчишка жадно расспрашивает, удивляется баобадам, тает от музыки экзотических слов «пальма дум», «бери-бери»... Так Пирсон получает ключ к электронной схеме робота, нехитрой схеме восторженных эмоций разомлевшего под африканским солнцем щенка. Два-три контрольных опыта — и англичанин убеждается, что ключ действует безотказно. Потом парализуется защитное реле. Мощный импульс экзотики и самопрограммирующееся устройство выведено из строя. Теперь робот будет действовать по чужой программе. Нужно только ее задать...

Тень пальмовых циновок, чаша забвения с манговым соком. И «случайно» забытая книжка, которая «случайно» раскрывается как раз на описании болот Оберры. Теперь получающему чужую информацию электронному мозгу будет казаться, что он сам ее выдает.

Контролирующие устройства тоже можно обмануть. Нарочито не обосновывая свой совет, Пирсон рекомендует искать нефть в Аледжире, а не на Оберре. Контроль замечает лишь эту нарочитую необоснованность, а сигнал предпрограммирования и фотоэлемент узнавания замыкаются на уже имеющейся информации о болотах Оберры. «Нет, — думает жалкий автомат, — уж лучше Оберра. Там приключения, опасности... Правда, нефть там можно не найти, но ведь и в Аледжире ее тоже нет. Раз так, лучше Оберра...» Затем следует страшный электрошок в виде поездки по реке и бесед о корчащихся в лужах сомах.

Плавают предохранители, выходит из строя автоблокировка. Думающая машина превращается в машину недумающую, в обычный автомат. Он жаждет одного — информации. А уж ее-то хватает с избытком. Сначала робкие намеки, потом все смелее и смелее... На сцену выходит кангамато. Выдуманный или реальный, не все ли равно, он тоже сыграл свою роль. Ах, как не потрясти тут антенной на головной коробке! Красный птеродактиль! Какой парадокс! Красный, именно красный, а не бурый, не пегий, не рыжий. Воображение поражено. «Нет, я так его и не встретил, но уверен, что он существует». — «Конечно же существует, — радуется робот. — И какой вы честный, мис-

тер Пирсон: могли бы сказать, что видели своими глазами, но правда есть правда. Не видели, но верите. И я верю! Я верю даже больше, чем вы. Теперь я всему поверю. Вы же такой честный».

Дубль 147. Кошка играет с мышью. «Не ходите на Оберру, там Бармалей». А мышке плевать. Она ужасно храбрая. Она ужасно умная, эта электронная мышка, и обязательно пойдет на Оберру. «Ах, мистер Пирсон, я знаю, вы поступили бы точно так же! Вы не советуете, но ваши глаза говорят обратное: они поощряют смельчака на подвиг».

Всего этого вполне достаточно, но мистер Пирсон не хочет рисковать. В самом деле, кто их знает, этих русских... Так, несчастный кибер «случайно» находит в «любезно предоставленных документах» «забытую» сейсмограмму. Эврика! Водонефтяной контакт! Где? Ага, вот экспликация! Оберра! «Ну, я так и знал, я был прав!» Робот чувствует себя Дираком и Гейзенбергом.

«Ах, тут нефть, мой мальчик, — закатывает глаза мистер Пирсон, — это, конечно, другое дело... Но вы все равно не ходите на Оберру. Там серый волк, он вам бо-бо сделает».

Как бы не так! Подняв хвост трубой, робот несется в болото. Еще минута — и он сделает величайшее открытие. Посадит в клетку красного птеродактиля. Заодно, играя, он откроет крупнейшее нефтяное месторождение и осчастливит одну из экваториальных стран. «Право, пустяки, мне это совершенно ничего не стоило!.. Мой приятель Тряпичкин.. Сорок тысяч одних курьеров...»

Да, Уильям Росс Эшби, наверное, порадовался бы такому блистательному кибернечиванию человека. Но вторая линия не казалась столь ясной. Я не мог понять, зачем понадобились Пирсону эти комедии с бегством рабочих. Впрочем, первый раз он мог сделать это, чтобы еще раз блистательно «услужить» мне и завоевать доверие. А во второй... А во второй раз я сам видел какое-то диковинное чудовище. Махди мог воспользоваться этим обстоятельством и сорвать экспедицию. Но зачем? Зачем? Наверное, чтобы оттянуть время. Возможно, Пирсон опасался, что я скоро пойму бесперспективность работы на Оберре и переключусь в другой район. Боюсь, что он меня переоценивал. Я бы еще год крутился в этом жарком болоте.

Все как будто бы логично. Даже поведение Махди. О, как он охранял, и оберегал, и лелеял меня! Естественно, не дай бог, что-нибудь случится с этим младенцем, который вот-вот авторитетно распишется в бесперспективности провинции на нефть. Могут прислать другого, более умного, который найдет... Да, именно найдет! Если меня так старательно увлекали на ложный путь — значит, нефть есть где-то, и близко! Иначе бы такой человек, как Пирсон, и взглядом меня не удостоил.

Либо Оберра, либо Аледжира. «Аледжира», — говорил Пирсон и этим толкал меня на Оберру. Так, значит, нужно искать в Аледжире? По логике вещей выходило, что именно так. И все-таки одно, самое важное, было непонятно.

«Ищите женщину, — говорят французы, — ищите побудительную причину». А я не смог понять, почему Пирсон не хотел, чтобы я нашел нефть. Боялся за свое влияние? Едва ли:

значение провинции, окажись здесь нефть, сильно возросло бы. Пирсон от этого только выигрывал. Конечно, Пирсон мог оказаться лишь пешкой — точнее, слонем — в этой замысловатой партии. Возможно, кто-то, стоящий за его спиной, не хотел, чтобы здесь нашли нефть. Тогда кто он? И почему ему это не выгодно?.. За всеми действиями этих людей скрываются вполне конкретные деловые и политические интересы.

Моментом наивысшего напряжения неведомой мне игры было бегство рабочих с Оберры. Ведь вопрос упирался в одно: было ли оно преднамеренным или спонтанным, самопроизвольным? Если все подстроено, то у меня нет никакой уверенности, что даже теперь я мыслю и действую самостоятельно. В этом случае кто-то заинтересован толкнуть меня на плато Аледжиру. Зачем?.. Идет битва за время.

Если же верно другое предположение, то случайное приключение на черной реке разбило чьи-то тщательно продуманные планы. Рабочие, гонимые ужасом, сбежали; я поехал в Джелу, случайно (именно случайно!) разговорился с рабочими... и вообще в этом случае мое решение прекратить разведку Оберры получает какое-то обоснование. Итак, вновь передо мной стояла жестокая дилемма. Порочный круг замкнулся. Оберра или Аледжира? Только теперь выбирать еще труднее. Ошибиться значило не только потерпеть поражение в схватке с темным прошлым, но и потерять себя. Неверное решение — и я вновь превращаюсь в слепого робота, в орудие врага. Эта мысль была нестерпимой.

Но порой мне начинало казаться, что бегство с Оберры — случайность. Не мог же Махди рассчитывать на встречу с химическим созданием! Она, безусловно, была непредвиденной... Даже надобности в ней не было. Мой «помощник» мог в любой момент отослать рабочих и объяснить мне их бегство встречей с Красным где-нибудь в травах или джунглях.

Увлекаясь, я постепенно развертывал нить предположений, и она уводила меня довольно далеко. Тогда я пытался обосновать противоположную точку зрения. И в обоих случаях в якобы разумных и веских доводах недостатка не ощущалось. Ведь могло быть, что Махди только воспользовался подвернувшимся случаем, чтобы осуществить заранее предусмотренное бегство.

Наконец, все вообще могло оказаться чистойшей фантазмагорией, мрачными наваждениями жаркого и влажного леса, неверного мерцания свяжащихся в темноте тропических грибов. Строго говоря, у меня не было никаких прямых доказательств неблагоприятного поведения Пирсона, Махди или кого бы то ни было другого.

Они могли оказаться вполне порядочными людьми. Такую возможность тоже нельзя было отбрасывать.

Я решил привести все свои сумбурные мысли в систему. Тогда-то и были написаны эти страницы. Потом я засел за обработку результатов разведки, заново изучил имеющиеся данные о районах Оберры и Аледжиры. Впервые за много дней я чувствовал себя бодрым и спокойным. Это было спокойствие после волнений, а может быть, спокойствие в ожидании боя.

«Надо подумать! — сказал я тогда себе. — Да, надо подумать!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Месяца через полтора после того, как появились первые сообщения об открытии молодым советским ученым А. Молодковским крупного месторождения нефтяного битума, в ряде газет было напечатано сообщение, что главный геолог провинции сэр Лестер Д. Пирсон улетает в Европу. «Для длительного лечения», — как сообщила «Ар-рияд».

Маленькая заметка появилась и в нашей печати. «До последнего времени считалось, что нефти в этом районе молодой африканской республики нет. По мнению кандидата геологических наук А. В. Молодковского, битум месторождения отличается исключительно высоким качеством».

Эта заметка, собственно, и познакомила нас с Андреем Молодковским. С любезного согласия Андрея мы подвергли его записи литературной обработке, по возможности очистили от обилия специальных терминов и предложили их вниманию читателей.

Писательская биография у нас короткая, и событий в ней немного. Зато они памяты. День нашего знакомства нам сейчас уточнить довольно трудно, а вот другое событие датируется точно: в первом номере «Искателя» за 1962 год напечатан наш первый научно-фантастический рассказ — «На Зеленом перевале».

Сейчас мы с нетерпением ожидаем выхода в свет нашей повести «Душа мира». И, конечно, трудимся: вместе — над романом «Рог изобилия» и порознь — в науке. Один из нас работает в области химической технологии топлива, другой — в области физико-химии растворов.

Е. Старин
М. Мейер

Посвящается Джоэлю Игlesiасу — руководителю Союза молодых коммунистов, который бесстрашно сражался за революцию, был много раз ранен и в свои 15 лет получил самое высокое воинское звание Кубы — команданте.

ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ ДЖОЭЛЯ

Невысокий худенький мальчуган упорно шел вверх, в гору. Среди гигантских деревьев джунглей узкая тропинка была едва заметна. Иногда она совсем пропадала. Джоэль останавливался, смотрел вокруг и опять шел вперед. Прежде он не раз бывал здесь с отцом.

«Конечно, с отцом ходить легче, — думал мальчик. — Отец лучше меня знал дорогу, и у него было мачете. Он мог разрубить лианы, а мне приходится перелезать через них».

Джоэль не хотел признаваться даже самому себе, что главное было не в этом. С отцом ему бывало не страшно в джунглях, а сейчас становилось жутко. Джоэль прислушивался. Тропический лес был наполнен тысячами зловещих звуков: кто-то свистел, кто-то грозно ухал, кто-то жалобно стонал. Джоэлю хотелось заткнуть уши, чтобы ничего не слышать, а только идти вперед и вперед, к самой вершине горы — туда, где скрываются партизаны.

«А что, если я выйду к дороге, и там будут стоять солдаты Батисты? — Он на мгновение остановился. — Да, вдруг? — подумал с тревогой Джоэль. — Попроюсь ли я? Но если на дороге солдаты — значит, партизаны наверняка в горах. Может, они окружены, но все равно они там. А солдаты меня не заметят».

Рисунок П. Павлова

Джоэль зашагал вперед.

Все реже становился лес. Деревья будто расступались, и голубое небо стало проглядывать сквозь листву. Теперь тропинку уже не преграждали лианы, и сама она стала шире. Но Джоэль шел все более осторожно. Иногда он перебегал от одного дерева к другому и, прижавшись к стволу, подолгу стоял, разглядывая дорогу, которую надо было перейти. На дороге никого не было видно. «Может, и партизан в горах нет!» — грустно подумал мальчуган, и от этой мысли стало безразличным даже то, что путь свободен. Джоэль уже хотел выйти из-за дерева. Но вдруг услышал шум работающего мотора. По дороге мчалась машина, завивая позади себя клубы пыли. В кузове грузовика сидели солдаты, выставив перед собой карабины. Джоэль прижался плотнее к стволу дерева и, охваченный тяжелыми воспоминаниями, не спускал глаз с грузовика.

«Такая же машина приезжала к нам в деревню, — вспоминал Джоэль. — Солдаты быстро соскочили с нее и оцепили селение. Офицер и еще двое ходили из дома в дом и арестовывали людей. Ведь до этого в деревню приходили партизаны, и многие давали им продукты и одежду. Отец тоже давал еду партизанам. Его арестовали. Мать так плакала, когда взяли отца! Она обняла отца и не хотела расставаться с ним. «Убивайте нас вместе! Убивайте!» — кричала мать. Офицер оттолкнул ее, и солдаты увели отца. Потом всех арестованных посадили в машину и увезли в лес. Там расстреляли отца и дядю Хосе. Остальные рыли для них могилы». Джоэль с ненавистью посмотрел на удаляющуюся машину.

— Я отомщу им за отца! — шептали губы мальчика.

Когда смолк шум мотора и пыль на дороге улеглась, Джоэль оторвался от дерева и пополз. Иногда он приподнимал голову и осматривался. Никого не было видно. У края дороги Джоэль остановился и снова посмотрел по сторонам. Никого! Мальчик поднялся и быстро побежал через дорогу. Ему все казалось, что сейчас кто-нибудь крикнет «стой!», кто-нибудь выстрелит, но было тихо. Только кровь стучала в висках.

Теперь Джоэль смелее шагал по лесу. У него было такое чувство, будто он перешел границу и вступил в царство партизан. Даже не так страшны стали непонятные звуки, которые по-прежнему слышались в густой листве деревьев.

Солнце все больше клонилось к горам. Темнота понемногу скрывала лес. И все-таки Джоэлю не было страшно — здесь где-то близко партизаны. Он добрался до ущелья, пошел по тропинке, которая пролегла вдоль небольшого горного ручья. Ручей бежал, весело перекатывая маленькие круглые камешки. Мальчуган встал на колени и, черная пригоршнями воду, жадно пил.

— Руки вверх! — вдруг услышал Джоэль.

Джоэль вздрогнул и обернулся. Над ним стоял повстанец с карабином в руках.

— Дяденька! Вот здорово! — вскрикнул Джоэль. — Вас-то я и ищу.

— Меня? — удивился повстанец.

— Нет, вообще партизан. Отведите меня к командиру. Мне надо ему что-то сказать!

— Какой ты приткий! А что тебе надо сказать?

— Вы же не командир! А я хочу сказать командиру! Может, у меня важное сообщение.

— Вот как! Важное сообщение. А оружие у тебя есть? — спросил повстанец.

— Нет.

Человек с карабином на всякий случай похлопал Джоэля по карманам и приказал шагать впереди.

Идя за Джоэлем, партизан удивлялся: «Как это такой мальчуган добрался до нас один! Непроходимые джунгли, горы! Может, его кто-нибудь привел? Вроде на это не похоже». Повстанец отогнал мелькнувшее подозрение и продолжал молча шагать позади Джоэля.

В партизанском лагере была тишина. Несколько дней повстанцы вели тяжелые бои и только вчера, оторвавшись от преследовавших их солдат Батисты, расположились в этих местах, куда редко кто знал дорогу. Сейчас большинство из них спало. Одни расположились прямо на земле, обхватив руками винтовку, другие устроили себе постели в гамаках между деревьями.

Около шалаша, сделанного из больших, разлапистых веток кедра и пальмы, повстанец, приведший Джоэля, остановил его. Когда повстанец откинул кусок брезента, закрывавший вход в шалаш, Джоэль поверил, что его привели к командиру. На столе, сбитом из досок, стояла керосиновая

лампа, рядом лежали коробка сигар и карта. За столом сидел человек с бородой и в очках, в руке у него был карандаш.

— Что случилось? — спросил командир.

— Парня задержали, — сказал повстанец. — Он хочет что-то тебе сказать.

— Иди сюда! — позвал командир Джоэля и, сняв очки, внимательно посмотрел на мальчика.

— Понимаете, — начал Джоэль, не дожидаясь вопроса командира, — в нашей деревне всех арестовали за то, что они давали вам еду и воду.

Командир молчал и еще внимательнее вглядывался в лицо Джоэля.

— Моего отца и дядю Хосе расстреляли. Мать плачет. Я ей сказал, чтобы она не плакала: я отомщу за отца! Возьмите меня в отряд.

— Сколько тебе лет?

— Скоро будет четырнадцать.

— Мал ты, — сказал командир после некоторого раздумья. — У нас в отряде жизнь не легкая. За твоего отца отомстим мы.

— Все равно я от вас никуда не уйду. — упрямо сказал Джоэль и опустил голову. — Я сам хочу отомстить им за отца.

— Ну ладно! Поживем — увидим. Хосе, найди ему местечко и уложи спать. Как тебя зовут?

Мальчик назвал себя.

— Меня зовут Фидель, — сказал командир, протянув Джоэлю широкую руку.

Долго не мог заснуть Джоэль. Он лежал вместе с партизанами и чувствовал запах их просоленных гимнастеров, видел карабин, который был тут же рядом с ним. Мальчик закрывал глаза и думал о том счастливом дне, когда у него тоже будут карабин и патроны. Во сне Джоэль отчетливо видел, что у него уже есть карабин, что начался настоящий бой, партизаны идут в атаку и он вместе с ними. Во сне Джоэль целился из карабина в солдат Батисты, и радостная улыбка всю ночь не сходила с его лица.

Мальчика оставили в отряде, но карабина ему не дали: оружия не хватало.

— Ты будешь помогать раненым и повару, — сказал ему однажды Фидель.

Джоэль стоял перед командиром, опустив глаза в землю.

— Что же ты молчишь?

— Я пришел мстить за отца.

— Знаю! Когда будет бой, мы захватим у врага оружие, и ты получишь винтовку. А сейчас выполняй то, что тебе поручают.

Что мог возразить Джоэль? Он ухаживал за ранеными и помогал делать перевязки. Но чаще всего повар посылал его лазить по деревьям и собирать плоды. Это занятие совсем бы опостытело Джоэлю, если бы он не знал, что скоро будет бой. Партизаны решили во что бы то ни стало прорваться сквозь вражеское кольцо.

Однажды Джоэль заметил оживление в стане. Партизаны чистили оружие, проверяли патроны, наполняли фляги водой.

«Может, подойти к Фиделю?» — спрашивал себя мальчик.

Фидель был очень занят. Он совещался со своими помощниками. С бородатым Камило Сьенфуэгосом и Че Геварой, у которого не было бороды, зато волосы были длинные, до плеч. Джоэль стоял около дерева и ждал. Может, Фидель заметит и скажет что-нибудь. Но Фидель что-то горячо доказывал своим друзьям, иногда склоняясь над картой и проводя по ней пальцем.

— Ну, бесстрашный солдат, — сказал Джоэлю Гевара, когда совещание кончилось, — решили мы тебе дать особое поручение.

Глаза Джоэля сверкнули радостью.

— Раненого Эрнеста знаешь?

— Знаю!

— Останешься с ним. Когда прорвемся через вражеское кольцо, мы придем за вами людей. Ну, въехо¹, до скорой встречи! — Гевара похлопал Джоэля по плечу и направился к группе партизан.

Джоэль пошел к тому месту, где была вырыта небольшая яма. В ней на подстилках из листьев лежал Эрнесто. Эрнесто очень нравился мальчику: он был такой храбрый! Джоэль любил сидеть с ним всегда, но не сейчас, когда все пойдут в настоящий бой... Однако приказ есть приказ.

Джоэль спустился и сел рядом с Эрнесто.

— Ты чего такой грустный? — спросил Эрнесто, едва взглянув на мальчика.

— Ничего.

— А у нас, у партизан, есть правило, — сказал Эрнесто. — Никогда не унывать. Хорошо тебе или плохо. Выше голову держи!

— Я так и держу!

— Вот так-то! Хочешь, я тебе расскажу, как я стал партизаном?

— Рассказывай!

— Это было в Мексике, — начал Эрнесто, поглядывая на Джоэля. — Туда приехал Фидель и созвал всех кубинцев, которые жили в этой стране. Мы пришли в маленькое кафе в центре города, заказали себе по чашечке кофе и сидели, обсуждая наши дела. И все мы сошлись на том, что диктатора Батисту нужно свергнуть.

— Я ненавижу Батисту! — гневно сказал Джоэль. — Да-ли бы мне винтовку!..

— Мы тоже ненавидим его, — сказал Эрнесто. — И мы поклялись там, в Мексике, свергнуть диктатора. Но для этого нужно было учиться военному делу. Однажды мы познакомились с испанским генералом Байо. У себя на родине он воевал против Франко и не любил диктатуру богачей где

¹ Въехо — старик.

бы то ни было. Недалеко от города Мехико, в местечке Чалко, находилось маленькое ранчо «Роза». Там генерал учил нас воевать. А когда мы научились стрелять, скакать на лошади, управлять автомобилем, оказывать друг другу медицинскую помощь, мы стали готовить десант на Кубу.

Эрнесто устроил свою раненую ногу поудобнее и, убедившись, что Джоэль слушает его, продолжал:

— Потом мы собирали деньги; собирали у всех, у кого могли. Купили старенькую шхуну — «Гранму». Раньше считали, что на таком кораблике могут отправляться в плавание только пятнадцать человек, а нас было восемьдесят два. И мы вышли в море в грозовой шторм, когда кораблям вообще было запрещено отчаливать от берега.

Где-то вдалеке — может быть, в ущелье — раздался первый выстрел. Откликнулось гулкое эхо. И сразу же, буд-то боясь опоздать, затрещали автоматы.

— Ну-ка, Джоэль, помоги мне приподняться и выглянуть из этой проклятой ямы...

Джоэль помог Эрнесто.

— Сейчас нам трудноато приходится: их ведь горстка, а тех сотни. А мы с тобой здесь сидим. Но наши прорвутся. Я знаю! Они смелые ребята.

Эрнесто посмотрел вокруг и снова лег на свое место.

— Когда мы подошли на шхуне к берегам Кубы, ты знаешь, как мы пробивались в горах. Солдат было тысячи, а нас десятки. Правда, многие из наших погибли. Но все сражались до последнего патрона.

Где-то недалеко послышался осторожный свист. Эрнесто прислушался.

— Может, уже за нами пришли? — сказал он. — Ну-ка, выгляни.

Джоэль высунул голову из ямы и тут же пригнулся.

— Дядя Эрнесто, там солдаты, — прошептал мальчик.

— Не может быть! — Эрнесто торопливо привстал и выглянул из ямы. — Так... Они хотят прочесать ущелье и ударить нашим в тыл. Побейстрой вылезай незаметно из ямы и беги. Тут недалеко скала. В ней есть расщелина. Спрячься там и сиди. Может, тебя не найдут. Беги, еще есть время.

— Нет, я не оставляю тебя! — Голос Джоэля задрожал от волнения. — Пусть мы умрем вместе!

— Беги, я говорю!

— Не побегу! — твердо сказал мальчик.

— Твоя храбрость сейчас не нужна.

— Не побегу!

— Ну ты хоть стрелять умеешь?

— Умею! — не задумываясь, ответил мальчик и тут же вспомнил, что стрелял он всего один раз из охотничьего ружья. Но зато сколько раз мысленно он брал в руки винтовку и целился из нее!

— Бери мой карабин, — сказал Эрнесто. — Я стрелять все равно не смогу. Если солдаты подойдут близко, стреляй. У нас есть шесть патронов.

Джоэль осторожно выглянул из ямы.

Солдаты группой медленно поднимались в гору.

Мальчуган положил карабин на левую руку, прижался щекой к прикладу и заглянул в прорезь прицела. Сначала он не мог найти мушку, но вот глаз отыскал ее. Джоэль подвинул приклад, и мушка совпала с прорезью: «Только бы не промахнуться!» Он навел мушку в грудь сержанту, который шел чуть впереди других. От волнения лицо мальчика стало красным. Джоэль затаив дыхание нажал на спусковой крючок. Прогремел выстрел, и приклад толкнул мальчика в плечо.

Сержант упал, солдаты залегли. Джоэль видел, что они озираются, не понимая, кто стрелял. Выстрел Джоэля слился с грохотом боя, все сильнее разгоравшегося в ущелье.

Эрнесто смотрел на мальчика-стрелка и не спрашивал его ни о чем. Он видел, что пуля достигла цели. Губы Джоэля шептали: «Это тебе за отца!..»

Через некоторое время солдаты поднялись и опять пошли вперед. Теперь они шли более осторожно. И снова Джоэль поймал на мушку грудь солдата и опять затаив дыхание выстрелил. Солдат упал. На этот раз мальчуган радостно вскрикнул:

— Второй! Дядя Эрнесто, второй!

— Молодец, Джоэль! — похвалил Эрнесто. — Живыми не сдадимся. У меня кинжал есть.

Теперь солдаты, видимо, поняли, откуда стреляют. Дав несколько очередей в ту сторону, где находился Джоэль, они быстро поднялись и, уперев автоматы в живот, пошли в атаку.

Джоэль снова поймал на мушку одного из солдат и нажал на курок. Солдат упал. Шестеро оставшихся в живых залегли и принялись беспорядочно палить.

Это не пугало мальчика. Он почувствовал себя сильным. Ему казалось, что он один может победить солдат, которые залегли всего в тридцати шагах от него.

— Эй вы, сдавайтесь в плен! — вдруг громко крикнул Джоэль, когда выстрелы на минутку затихли. — Мы вас не тронем. Иначе перестреляем всех. Нас много!

Джоэль чувствовал, как бешено колотилось у него сердце. Он взглянул на Эрнесто.

— Молодец, Джоэль! — шепнул Эрнесто. — Бей их!

— У меня еще осталось три патрона, — радостно ответил Джоэль.

Солдаты были совсем близко. Джоэль слышал их голоса. Один солдат убеждал других бросить оружие и сдаться в плен.

— Эй вы, сдавайтесь! — крикнул Эрнесто, чуть приподнявшись, чтобы его голос был лучше слышен солдатам. — Выходите, не тронем. На размышление — три минуты.

Солдаты еще громче заспорили между собой, и, наконец, один из них встал с поднятыми вверх руками. Потом вышел из укрытия второй, третий...

— Там, за деревом, есть большая яма, — шептал Эрнесто. — Ты отведи их туда и скажи, чтобы сидели в этой яме и не высовывались, а то стрелять будем.

Когда Джоэль вышел навстречу солдатам, кто-то из них сказал:

— Смотри! Совсем мальчишка!

— Не разговаривать! — как можно более грозно сказал Джоэль, а сам в это время думал: «Вдруг, когда я подойду к ним, они вырвут у меня из рук винтовку? У Эрнесто никакого оружия нет! Лучше к ним близко не подходить».

Джоэль грозно взглянул на солдат.

— Где оружие?

— Мы его там оставили, — сказал солдат.

— Шагайте прямо к тому большому дереву, — командовал Джоэль. — Прыгайте в яму и не высовывайтесь. Иначе будем стрелять.

Солдаты спустились в яму. Джоэль, не теряя ни минуты, схватил оружие солдат и побежал к Эрнесто.

— Дядя Эрнесто, видишь, сколько автоматов! Этот я возьму себе. Покажи, как из него стреляют.

Эрнесто объяснял Джоэлю, как орудовать автоматом, а сам прислушивался к затихающей стрельбе.

— Наши прорвались! Точно, прорвались! Скоро придут за нами. Что такое? — спросил он вдруг, увидев красное пятно на рубахе мальчика.

— Пустяки! — сказал Джоэль. — Царапина. Лицо его горело, и глаза светились от радости.

— Как же я сразу не заметил! — повторял Эрнесто, отрывая от рубахи кусок материи. — Потерпи, Джоэль, я перевяжу твою руку. Скоро придут наши.

— Потерпи?! Но мне совсем не больно. Зато как мы их здорово!.. Правда, дядя Эрнесто?

Взволнованный и будто сразу повзрослевший Джоэль нетерпеливо всматривался в лес, откуда должны были показаться партизаны.

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ОГОНЬ- ХРАНИТЕЛЬ

Научно-фантастическая повесть

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОПЕРНИКИ

Мы склонны порой причислять полтораумных к полоумным, потому что воспринимаем только треть их ума.

Г. Торо

Вот что было написано в расшифрованной нами рукописи (начало ее, как уже говорилось, к сожалению, немало попорчено, зияют досадные пробелы, но дальше текст сохранился почти полностью)¹.

1. .....Воистину, за сорок лет служения в храме Асклепия немало довелось мне быть очевидцем поразительных проявлений человеческой глупости. Это....., том, как лег-

Рисунки Н. Гришина

коверна и переменчива людская толпа, и научило истинной мудрости. Без такого знания..... невозможно..... врачеванием не только душ, но и тела, ибо для этого мало уметь, подобно жене египтянина Фона.

Много составить полезных лекарств, но также и ядов².

¹ Возможно, некоторые слова и выражения покажутся слишком современными, — заранее приношу за это свои извинения: перевод был слишком торопливым и еще нуждается в большой доработке. (Примечание А. Скорчинского. В дальнейшем будет помечаться просто: А. С.)

² Стих из «Одиссеи», IV, 230. Перемежать текст стихотворными цитатами из различных поэтов — довольно распространенный обычай античности. Подбор этих цитат свидетельствует как о поэтических вкусах, так и о большой начитанности жреца. — А. С.

И все-таки должен признаться перед всевидящими, всезнающими богами, моя мудрость подверглась серьезному испытанию при появлении этого чужеземца. Мне пришлось приложить немало сил и усердия, чтобы положить предел его опасной и преступной власти, которая могла бы принести городу неисчислимые бедствия....

2. Но следует..... Надо прежде всего признать, что время для своего появления он выбрал весьма удачно. Накануне все жители нашего города стали свидетелями необыкновенного и чудесного знамения. В полдень, при совершенно безоблачном и чистом небе, внезапно раздался грохот, подобный грому, и над горами сверкнула какая-то ослепительная вспышка, гораздо более яркая, чем молния. Казалось, над городом промчалась колесница Фаэтона и скрылась где-то в стороне Херсонеса, — многие так и подумали, наблюдая этот небесный блеск и грохот. До самого вечера люди в тот день пребывали в тревоге и растерянности. Время было тревожное, повсюду царили опасения и страх. Доходили слухи, будто в Пантикапее коварный Фарнак восстал против своего отца, великого царя Митридата, и даже лишил его жизни. Римские войска уже появились в стране синдов¹. Вероломные скифы участвовали свои набеги на наши полисы. Какие беды могло еще нам предвещать зловещее небесное знамение? Многие пришли в храм, ожидая услышать оракула. Но и сам я был весьма озадачен таким необычным знамением и не знал, как его толковать.

А между тем, как выяснилось уже на следующее утро, это всемогущие боги предупреждали нас о надвигающейся грозной беде. Рано утром, едва забрезжил рассвет, земля внезапно начала колебаться, словно уподобившись неверной морской стихии. Рушились дома, погребая под собой спящих. С горы.....² сорвалась громадная глыба и повредила часть крепостной стены, разбив катаракту³ одних ворот. Был также поврежден водопровод от горных источников. Храм как-то чудом остался цел, хотя одна колонна, крайняя справа, и дала широкую трещину, а с крыши обрушилось несколько соленов⁴.

К счастью, земное колебание продолжалось недолго. Потом мы узнали, что в это утро гнев богов поразил не только нас, но и все города Боспорского царства. В Пантикапее был даже сильно поврежден акрополь, и под обломками, сорвавшимися вниз с горы, погибло несколько домов вместе с жителями. У нас жертв было немного, но тревога

---

¹ Так называли тогда нынешнюю Кубань и Северный Кавказ. — А. С.

² Название горы, видимо, таврское и не поддается расшифровке. — А. С.

³ Катарактой называлась специальная железная решетка, которой закрывались снаружи крепостные ворота. — А. С.

⁴ Солены — большие плоские и широкие куски черепицы. — А. С.

возникла большая. И вот в самый разгар этой сумятицы и появился странный чужеземец¹.

3. Его поймали на горе².... пельтасты³ сторожевого поста, выставленного для охраны от коварных тавров, которые за последнее время совсем обнаглели и участили свои набеги на наши виноградники и поля. Потом я сам опросил всех солдат, чтобы..... более точные сведения..... они чужеземца. Но все события..... дня так перепутались в их глухих головах, что особого толку мне не удалось добиться. По словам солдат, чужеземец, когда они бросились на него, не оказал никакого сопротивления. На вопросы отвечал на непонятном языке и все показывал в сторону.....

Как раз в этот момент и началось колебание земли. И тут, по словам солдат, как раз в той стороне, куда показывал знаками чужеземец, снова, как и вчера, раздался страшный гром и грохот, и слепящая вспышка заставила всех закрыть глаза..... броситься на землю, которая поистине сама в этот страшный час не..... надежного убежища. Как в один голос уверяют солдаты, чужеземец повел себя в этот момент словно одержимый: он пытался вырваться и убежать..... слепящая вспышка. Но солдаты не растерялись, крепко держали его, и вскоре он успокоился. Только стал..... В таком состоянии он..... храм.

4. Но теперь следует хоть в нескольких словах описать его странную внешность и одежду..... хотя я и не искусный живописец. Был он, бесспорно, очень уродлив..... голова на маленьком теле, огромные глаза, глубоко запавшие, словно у голодного раба. Руки у него были непомерно длинные, слабые и тонкие. Одежда сшита из неведомых в наших краях тканей. Она выдавала в нем человека богатого и знатного по своему происхождению, так что каждый невольно испытывал перед ним преклонение.

Я встретил чужеземца с поклоном, приказал немедленно развязать ему руки и спросил его божественными стихами Гомера:

«Кто ты такой, человек, кто отец твой, откуда ты родом?»⁴

Он не понимал или ловко сделал вид, будто не понимает. Я повторил тот же вопрос по-скифски, по-таврски и на языке египтян. Он по-прежнему не понимал моих слов, но, кажется, понял жесты, потому что с кривой усмешкой поднял руку, показывая на небо. Солдаты и рабы, прислуживавшие в храме, тотчас же распростерлись перед ним в прахе. Мне тоже пришлось сделать вид, будто верю его божественному происхождению, и поклониться ему, хотя уже тогда я до-

---

¹ Упоминание о землетрясении делает возможной точную датировку событий: оно произошло, как известно из других источников, весной 63 года до нашей эры. — А. С.

² Название горы опять не поддается расшифровке. — А. С.
³ Так называли легко вооруженных воинов, имевших небольшие щиты — пельты. — А. С.

⁴ «Одиссея», 4, 166. — А. С.

гадывался, что вижу перед собой талантливую обманщика. Разве не поразительно, как ловко он выбрал момент общего смятения для своего появления? Простым, неразумным людям вполне могли внушить мысли о его небесном происхождении и необычная одежда и странный облик, хотя истинного мудреца это не могло бы удивить: какие только чудеса, непохожие на обычных людей, не обитают на границах Ойкумены¹. Ведь рассказывал же достославный Геродот о «народе плешивых» и об антрофагах, питающихся человеческим мясом, или о неврах, оборачивающихся волками. Откуда именно родом был чужеземец, я так и не попытался, потому что он до самого конца упорно отстаивал выдумку о своем божественном происхождении, так что его прозвали Уранидом и он откликался на это прозвище весьма охотно. Но я думаю, что родиной его была страна волшебников — колхов, где, говорят, нередко встречаются люди с подобной кожей². А приплыл он к нашим берегам, видимо, на корабле, обломки которого через два дня выбросило штормом неподалеку от города. Все остальные его спутники погибли. Во всяком случае, солдаты, посланные на розыски, никого не нашли.

5. Но скоро и я готов был верить в его божественное происхождение. Начать с того, что он уже меньше чем через месяц перестал скрываться и начал... хорошо и свободно говорить по-гречески. Так он выдал, что знал наш язык и прежде, только скрывал это, ибо немислимо в столь короткий срок овладеть чужим языком. Он проявил большой интерес к древним рукописям и сочинениям лучших..... которые я годами собирал в храме, и целыми днями внимательно читал их, хотя я противился тому, не желая открывать перед..... сокровенные тайны нашей мудрости. Живя в храме, в специально отведенной ему вместительной и удобной комнате, он вообще непрошено вмешивался во все наши дела. Это нередко тяготило меня и выводило из себя, но я старался сдерживаться, ибо воистину следовало проявить терпение и мудрость и использовать для блага храма замечательные способности этого пришельца, а не делать его своим врагом.

А способности его воистину были велики и удивительны. Я унаследовал от отца немало ценных рукописей по медицине. Среди них были два папируса — «О диете при острых заболеваниях» и «О воздухах, водах и местностях», написанных, по преданию, рукой самого Гиппократы. Кроме того, у меня хранился труд Гиппократы «О древней медицине», переписанный рукой одного из ближайших его учеников. Я отлично разбираюсь в травах, и составленные мною настои всегда приносили облегчение больным.

6. Но особенно я прославился своей великой властью над душами людей. За долгие годы служения Асклепию я хорошо усвоил, какой силой обладает слово. В этом я следо-

¹ Так называли древние греки известный им обитаемый мир. — А. С.

² Страной колхов в те времена греки называли Кавказ. — А. С.

вал мудрым заветам божественного Пифагора, о котором поэт сказал точно, хотя и не так почитательно, как того заслуживает мудрец:

Древний хотел Пифагор великим прослыть чародеем;
Души людей завлекал болтовней напыщенно-звонкой¹.

Немалых успехов я достиг и в астрологии, и в пиромантии², и в скапулимантии, и в рапсодомантии, и в орнитоμανтии, и в гаруспиции. Многих поражало мое искусство онейроскопии и хресмологии³. Издалека, из боспорских городов и даже из Ольвии⁴ приезжали люди, чтобы задавать вопросы нашему храмовому оракулу. В этом деле мне помогал верный раб лидиец⁵ Сонон, отягощенный, к сожалению, многими пороками, но весьма ловкий, — о нем еще будет речь впереди.

Как повелось еще со времен земного пребывания самого Асклепия — до его вознесения на Олимп, в сонм богов, мы успешно излечивали многие недуги священным сном. Но и тут я с помощью всемогущих богов сумел добиться весьма..... успехов. Для погружения в священный сон я первый стал употреблять не только блестящие металлические сосуды или пламя светильника, глядя на которые больные быстро....., но и новые поразительные средства, внушавшие непосвященным трепет. У меня люди засыпали и начинали пророчествовать от звуков гонга или маленького серебряного колокольчика, хотя это, вероятно, покажется многим неправдоподобным⁶.

Но ловкий чужеземец, как оказалось, обладал над человеческими душами таинственной властью, намного превышавшей мои способности и возможности, как ни горько в этом признаться. Вот несколько примеров его чудодейственной силы. Был у одного довольно богатого жителя нашего города Тимагора единственный сын, по имени Посий. Он с детства страдал припадками. И вот во время одного из таких припадков у юноши внезапно отнялась левая нога. Я лечил его травами и различными редкими лекарствами, но ничто не помогало. И тут Сын Неба сотворил подлинное чудо. Уранид

¹ Строки из сатирического стихотворения Тимона Флиунтского, жившего в IV—III веках до нашей эры. — А. С.

² Жрец перечисляет различные виды гаданий, широко распространенных в древности: пиромантия — гадание по огню, скапулимантия — по лопаточным костям быков, рапсодомантия — по наугад раскрытым стихам какого-нибудь поэта, орнитоμανтия — гадание по полету птиц, гаруспиция — по внутренностям жертвенных животных. — А. С.

³ Гадание по сновидениям и «непосредственному откровению». — А. С.

⁴ Ольвия находилась в устье Днепра, на месте нынешнего города Николая. — А. С.

⁵ Лидия — страна в Малой Азии, на территории современной Турции. — А. С.

⁶ Это же настоящий гипноз! (Примечание Михаила Званцева, в дальнейшем: М. З.)

Судя по некоторым источникам, гипнотические явления были известны уже в глубокой древности и применялись жрецами для религиозного врачевания. Так что удивляться тут нечему. — А. С.

приказал юноше заснуть, и тот заснул. Потом он взял его, спящего, за руку и начал водить по храму, приговаривая: «Ты будешь ходить, ты будешь ходить!» — голосом добрым и властным. Затем приказал ему: «Проснись!» И тот проснулся и, к общему изумлению, сам свободно начал ходить по храму, словно нога у него никогда и не отнималась. Но и этого было мало. Уже не усыпляя его, Сын Неба сказал: «Иди с миром домой, больше припадков у тебя никогда не будет». Юноша вернулся домой, и действительно вот уже полгода у него не было больше ни одного припадка.

7. Велика была его власть не только над людьми, но и над бессловесными животными. Расскажу об одном поразительном случае. У нас в храме был пес хорошей породы, по кличке Аякс. Он привязался к Сыну Неба и буквально ходил за ним по пятам. Однажды перед жертвоприношением мне понадобился колокольчик, который я забыл у себя в комнате. Я хотел послать за ним раба, но Уранид остановил меня словами: «Аякс принесет». Он присел на корточки, взял морду собаки в свои ладони и несколько минут пристально смотрел псу в глаза. Потом он отпустил его. Аякс выбежал из зала и вскоре вернулся с колокольчиком в зубах.

8. Понятно, что я всячески старался использовать такие чудесные способности чужеземца для блага храма и славы божественного Асклепия. Это не нравилось моему главному помощнику, хитроумному рабу-лидийцу Сонону, который первый увидел в чужеземце опасного соперника. От Сонона у меня не было секретов. Он помогал мне наладить сложное устройство, которое при растворении дверей заставляло на расстоянии зажечься священный огонь в алтаре храма или приветствовать входящих в храм торжественными трубными звуками, раздающимися неведомо откуда, как будто с неба. Конечно, Сонон оказывал мне помощь тайно, ибо закон и обычаи запрещают рабам участвовать в религиозных церемониях и жертвоприношениях. Он обладал хорошими познаниями в механике и помог мне устроить в храме и другие сложные механизмы, разработанные мудрейшим Героном для прославления богов в его «Пневматике»¹. Мы устроили, по совету Герона, так, что в момент возжигания священного огня две статуи, стоявшие по бокам жертвенника, сами начинали источать благовонное масло и при этом, совсем как живая, громко шипела и поднимала голову змея, возлежавшая у подножия жертвенника. Это каждый раз приводило в трепет непосвященных.

Всегда помогал мне ловкий раб и при предсказаниях оракула. Чтобы произвести на пришедших большее впечатление, я советовал каждому написать на табличке, что он

---

¹ В дошедшем до нас в отрывках сочинении под этим названием гениального изобретателя древности Герона Александрийского действительно описаны различные механизмы для «храмовых таинств». Многие из них отличаются большим остроумием и изобретательностью. — А. С.

желает спросить у оракула, а потом собственными руками завязать и запечатать табличку воском, глиной или чем-нибудь еще вроде этого. Я обещал им вернуть таблички нераспечатанными, но уже с приписанным ответом божества. Сонон ходил по храму, собирал таблички и передавал мне. Он же придумал и способы, как вскрывать таблички, не повреждая печатей. Получив ответ оракула и найдя печать целой и ненарушенной, все удивлялись. Часто в толпе раздавалось: «И откуда он мог узнать, что я ему передал? Ведь я тщательно запечатал, и мою печать трудно подделать; конечно, это сделал бог, который все доподлинно знает». Я был осторожен и благоразумен в ответах, никогда не пророчествуя слишком категорически и определенно. Чаще всего оракула спрашивали о будущем, и я давал такие ответы:

«Целых сто лет проживешь ты на свете и восемь десятков».

Кому не понравится обещание долгой жизни! Кроме того, как я уже говорил, за многие годы служения в храме я научился хорошо читать в человеческих душах. Зная откровенные желания многих жителей города, я смело мог рассчитывать, что предсказания оракула всегда будут правильными и принесут благую надежду вопрошающим. Труднее было отвечать на вопросы о кражах, когда требовалось указать определенного виновника. Но тут мне снова приходил обычно на помощь ловкий раб. Бродя по городу и имея множество дружков на рынке и среди домашних рабов, он всегда был полон..... городских сплетен, и ответы, которые я давал с его помощью, попадали обычно в цель. Для обличения преступника я еще часто пользовался гаданьем с качающимся кольцом, которое также всегда производило очень сильное впечатление на непосвященных. Делал я это так. Раб подсказывал мне, кто из горожан, по слухам, знает имя преступника, но скрывает его. Этого человека приводили в храм, и я давал ему золотое кольцо, подвешенное на тонкой шерстяной нитке. Он держал кольцо в вытянутой руке над чашей, по краям которой были написаны все буквы алфавита. Проходило всего несколько минут, и кольцо по воле всемогущих богов начинало тихонько раскачиваться. Теперь оставалось только следить, над какими буквами оно проходит. Из этих букв, к общему удивлению, постепенно складывалось имя преступника, хотя испытуемый и надеялся сохранить его в тайне¹.

Славились и мои толкования сновидений. Для этого я, как повелось еще со времен самого божественного Асклепия, укладывал человека, желавшего увидеть вещий.. в алтаре храма на шкуру жертвенного животного и погружал его в священный сон. Пробудившись, он рассказывал мне, что видел во сне, а я давал объяснения. Но мои толкования

---

¹ Это «гадание» основано на хорошо изученном теперь наукой явлении идиомоторного акта — произвольных движений, выходящих мысли специально подобранного «гадателя». — М. З.

не были такими расплывчатыми и традиционными, как у других онейромантов, — вроде того, что приводит в своем..... Аклеподор: «Если ремесленник видит, что у него много рук, то это хорошее предвестие: у него всегда будет довольно работы. Кроме того, этот сон имеет хорошее значение для тех, кто прилежен и ведет добропорядочную жизнь. Я часто наблюдал, что он означает умножение детей, рабов, имущества. Для мошенников такой сон, напротив, предвещает тюрьму, указывая на то, что много рук будет занято ими». Не так-то просто применить подобное толкование в наш век общего упадка нравов, когда каждый ремесленник одновременно является и завзятым мошенником. Что же тогда ему сулит множество рук в сновидении: тюрьму или богатство?

Я толковал сны умнее. Погружая человека в священный сон теми способами, о которых уже упоминал, я сохранял свою власть над его душой и в то время, пока она блуждала в царстве теней. Он видел те сны, которые я ему внушал. А внушал я ему лишь то, чего он сам желал наяву, но не сознавал этого, проговариваясь о своих мечтах только близким друзьям и домочадцам. Но и этого было достаточно для чутких ушей моего раба Сонона. Поэтому мои толкования снов всегда приносили людям радость и вселяли приятные надежды.

9. Но чужеземец своими удивительными пророчествами грозил поколебать мою славу. Он умел видеть события и лица людей, находящиеся за сотни стадиев¹ от нашего храма. Однажды пропал семилетний мальчик. Его тщетно искали два дня. Я считал, что ребенок попал в руки тавров, постоянно рыскавших в последнее время в окрестностях города, и так и сказал опечаленному отцу, когда он пришел в храм за прорицанием. Но Сын Неба остановил меня: «Мальчик заблудился в пещере». Он сам повел нас туда, и мы действительно нашли ребенка в пещере, совсем обессиленного от голода и жажды².

За все эти заслуги по моему настоянию экклесия³ постановила выдать ему проксению⁴. Но, как показало время, нечестивец отплатил мне злом за мою доброту к нему.

Расскажу еще о различных проявлениях его чудесного могущества. «Зачем ты собираешь травы для этой старухи? Она вовсе не больна, а просто выдумала себе болезнь», — сказал он мне однажды. Потом на моих глазах скатал два шарика из чистого теста..... И таким способом он излечивал

---

¹ Стадий — мера расстояния в древней Греции. В различных местностях колебался в пределах от 177 до 185 метров. — А. С.

² Судя по некоторым примерам, Уранид обладал хотя и довольно редкими, но вполне объяснимыми с точки зрения современной науки психическими и физиологическими способностями. Но в рассказе жреца правдоподобные данные частично перемешаны со всякими суеверными выдумками вроде подобных «вещих видений». — А. С.

³ Народное собрание, решавшее все важнейшие государственные дела. — А. С.

⁴ Это именно та табличка с утверждением Уранида в правах гражданства, которую мы нашли при раскопках храма. — А. С.

многих. Он погружал людей в священный сон быстрее и лучше, чем я, не прибегая при этом ни к блеску серебряных сосудов, привлекающих взгляд, ни к звукам колокольчика или гонга, а просто смотря им в глаза. И что особенно поразительно, его власть над людьми продолжалась и после того, как они пробуждались от сна. Он мог им приказать, спящим: «Сделай после пробуждения то или это». И они послушно выполняли его приказание, проснувшись и уже успев вернуться домой.

10. Меня, даже не погружая в сон, он заставил однажды каким-то чудесным образом разучиться писать. Он просто внимательно посмотрел мне в глаза, а потом предложил взять..... и написать что-либо по моему собственному желанию. И, к ужасу своему, я вдруг почувствовал, что не могу написать ни одной буквы. Я забыл, как они пишутся и что означают. Потом он расколдовал меня, и я снова обрел способность писать. А раба Сонона он таким же удивительным способом заставил забыть все, что с ним случилось в минувшем году. Раб помнил все, что было раньше и что произошло с ним месяц или два тому назад. Но ни одного события прошлого года не сохранилось в его памяти. Он не притворялся в этом, войдя в тайный сговор с чужеземцем, чтобы обмануть меня, как можно было опасаться. Признаюсь, чтобы убедиться, не обманывают ли меня, я приказал подвергнуть раба пытке. Но и тогда он не смог вспомнить ничего из событий минувшего года.

Самое удивительное, что Сын Неба мог влиять одновременно на многих людей. Однажды он сделал так, что все собравшиеся в храме вдруг почувствовали удивительно приятный и нежный аромат, наполнивший храм. Люди начали обнюхивать свои руки, одежду, окружающий воздух, ища источник чудесного запаха. В другой раз он сделал сразу до двух десятков людей, также пришедших в храм, свидетелями необыкновенного чуда. Он сел на каменный пол возле жертвенника, держа в руках глиняный сосуд, наполненный землей. Все тесно окружили его. Чужеземец накрыл сосуд платком и довольно долго что-то делал под платком руками, нашептывая непонятные слова. Потом он с довольным видом вынул руки из-под платка и откинулся в сторону, отдыхая. А платок вдруг начал медленно приподниматься, словно под ним было нечто живое. Чужеземец быстрым движением сдернул платок с горшка, и мы узрели чудо: из земли на наших глазах вырастала гибкая виноградная лоза. Она становилась все длиннее. Колдун взмахнул платком, и тогда на лозе появились три или четыре виноградные грозди. Он сорвал одну из них, крепко сжал над подставленным сосудом, и туда тонкой струйкой полилось вино. Это было настоящее вино и очень приятное на вкус — похожее на коское.

Поразительно, что сам он относился к этим чудесам иронически, каждый раз подсмеиваясь над нами, словно рыночный фокусник, раскрывающий перед одураченными тайную механику своих проделок. Я думаю, что в этом проявлялась как непомерная гордыня, так и развращенность его ума,

не признающего ничего святого. Чудесным образом исцеляя больных, как я уже рассказывал, он каждый раз говорил мне: «Если бы ты поменьше почитал божественного Асклепия и получишь изучал мудрейшего Гиппократу, то понимал бы, что все болезни имеют естественные причины и исцеляются естественными средствами. Но ты не можешь понять этого, и потому тебе все кажется чудом. Чем же ты умнее любого неграмотного раба?»

11. Следует рассказать и о других замечательных способностях чужеземца. Он умел наносить себе глубокие раны ножом и прокалывать насквозь свои ладони, плечо, бедро длинной и толстой иглой, не испытывая при этом никакой боли. Этот чудесный дар принес ему потом немало пользы, как будет рассказано дальше. Он умел по своему желанию то ускорять, то замедлять у себя биение сердца и даже совсем прекращать его на несколько минут, чему я сам был свидетелем. Однажды он пролежал так в своей комнате три дня и три ночи, не дыша и не подавая никаких иных признаков жизни, словно мертвый. Странно, что при таких поистине удивительных способностях он в то же время отличался очень слабым здоровьем и часто страдал от недомогания. С крепко завязанными глазами он мог различать на ощупь цвета и пальцами читать любую рукопись. Из закрытого мешка чужеземец безошибочно доставал мотки ниток определенного цвета. «Зачем ты распечатываешь таблички? Я могу узнать, что в них написано, не трогая печатей», — насмехаясь, говорил он мне. И действительно, читал без ошибки просьбы к оракулу, не распечатывая табличек. Чтобы испытать его, я спрятал папирус со стихами божественного Еврипида в медную цисту с толстыми стенками. И он прочитал мне стихи, не открывая цисты:

О, радуйтесь..... вы, кому радость дана...
Кто бедствия чужд и не страдает,
Не тот ли меж смертными счастлив? ¹

Некоторые люди обладают чудесной способностью, держа в руках раздвоенную ореховую ветку, определять, где под землей прячутся водяные источники. Но Сын Неба мог без всякой палочки не только точно указать, где протекает подземный поток, но и определить его ширину, скорость, направление движения воды, проследить все его течение.

12. Не удивительно, что среди горожан укрепилась вера в поистине божественное происхождение ловкого чужеземца и его всемогущество. Но особенную славу ему принесло спасение города от набега коварных тавров.

Вот как это получилось. Однажды Уранид сказал мне: «Городу грозит опасность. Я чувствую, как в горах повсюду собираются свирепые воины в бараньих шкурах. Они готовят внезапный набег». А на следующий день он сказал: «Это будет сегодня ночью. Предупреди всех». Признаться, я коле-

¹ Еврипид, Электра, 1428—1430. — А. С.

бался, все еще сомневаясь в его способности видеть то, что происходит якобы в окрестных горах. Но все-таки предупредил стратегов и членов ареопага. Наши воины приготовились к бою. И действительно, ночью тавры напали на город, но были отбиты. Мы даже захватили в плен сына и брата их главного вождя и много других пленных. Экклесия приняла решение в благодарность за чудесное избавление города от беды назвать его Уранополисом, как находящегося под особым покровительством небесных богов. Были отчеканены монеты с благодарственной надписью в честь меня и Уранида¹. Но он презрел эти почести и оскорбил граждан, а меня жестоко высмеял: «Неужели ты всерьез веришь, будто можно в самом деле предсказывать события, которые только произойдут? Дело просто в наблюдательности и умении размышлять над тем, что видишь. Бродя по горам, я заметил вражеских лазутчиков, проследил за ними и понял, что они замышляют. Но чтобы вы поверили предупреждению, его непременно надо выдать за пророчество и откровение богов». В этих словах заключалось явное глумление и над всемогущими богами и над старейшинами ареопага. Но я не решился сообщить о них никому, опасаясь поколебать славу храма и веру в мои пророчества.

13. Понятно, как для меня было важно постоянно держать хитроумного чужеземца при храме. Я видел в нем серьезного соперника и поэтому всячески старался ублажать его. В ссорах Уранида с рабом, который, как я уже говорил, сразу невзлюбил его, я всегда брал сторону Сына Неба. Но чем дальше, тем труднее становилось удерживать его в своей власти. У него было много много странностей. Располагая такими сокровенными познаниями, он был в то же время до неприличия любопытен. Постоянно рылся в храмовых рукописях, которые я имел все основания скрывать от него. Особенно интересовали его труды прославленного Герона из Александрии, по наставлениям которого, как я уже рассказывал, с помощью раба Сонона я устроил несколько колдовских механизмов в храме, всех приводивших в трепет и восхищение. Сын Неба часами возился с этими механизмами, пока я не запретил ему приближаться к ним, опасаясь, как бы он их не сломал. К тому же он стремился разгласить их секрет, доказывая, что ничего чудесного в них нет. Он даже пытался перерисовать чертеж такой машины из «Пневматики» Герона для двух кузнецов, заинтересовавшихся его рассказами, но я вовремя пресек его коварный замысел, спрятав от него все труды Герона.

Вот еще пример его испорченности и коварства: восхищаясь изобретательностью Герона, как он ее называл, Сын Неба в то же время нередко высмеивал и порицал хитроумного александрийца за то, что тот якобы создавал свои машины лишь для забавы или обмана легковверных в храмах. «Если бы он поставил хотя бы свой гениальный эолипил на корабль, чтобы приводить его в движение без пару-

¹ Как просто, оказывается, раскрывается мучившая меня загадка! — А. С.

сов и весел, или заставил вращать жернова на мельнице, тогда бы он принес гораздо больше пользы своему народу», — говорил Уранид. Не свидетельствует ли это лишний раз о его неразумности? Уж если что-нибудь из творений Герона и можно назвать игрушкой, то это именно забавный, но никому не нужный «Эолов мяч»¹.

Он даже сам попытался построить довольно большой эолипил и приспособил его вращать рукоятку колеса у колодца на одном из виноградников храма. Это было забавно, но я приказал сломать сооружение и черпать воду по-прежнему, потому что рабы, приставленные к колодцу, начали бездельничать и только скалили зубы, вместо того чтобы работать. Однако тайком от меня, как сообщил мне верный Сонон, чужеземец продолжал строить какие-то машины, совсем забросив лечение больных и участие в предсказаниях, а в этом на помощь его я сильно рассчитывал. Теперь он мало времени проводил в храме, начал целыми днями бродить по городу, заводя долгие беседы не только с простыми ремесленниками, но даже с рабами. Я несколько раз говорил, что таким поведением он внушает людям сомнение в собственной мудрости. Но он только смеялся в ответ. А в другой раз на подобное замечание он докучливо отмахнулся и ответил мне словами героя Гомера:

«Я ведь не бог — и бессмертным меня ты считаешь напрасно...»².

Наглость его становилась нестерпимее с каждым днем. На городских площадях он говорил о том, что рабы такие же люди, как и свободные, и поэтому противно человеческой природе притеснять их и заставлять подневольно трудиться. Возвращаясь в храм, он при посторонних высмеивал мои гадания и пророчества, показывал непосвященным, как устроен механизм, заставляющий зажигаться жертвенный огонь, когда открывались входные двери. Он глумился над мудрыми откровениями божественного Пифагора и противопоставлял ему нечестивца Эпикура, проклятого богами за свое неверие. В своей комнате он даже написал на стене гнусный совет этого лжефилософа, но я приказал соскоблить надпись и заново побелить стену³. Он мечтал о том, чтобы объединить греков с таврами, скифами и другими варварами, и придумал для этого новый язык, чтобы им могли пользоваться и..... племена, не имеющие даже своих письменных летописей и потому бессильные хранить и передавать новым поколениям мудрость отцов. Этот новый язык оказался действительно весьма простым и удобным, свидетельством чему может служить хотя бы то, как легко и свободно я излагаю

¹ В этом споре правда целиком на стороне Уранида: знаменитый «Эолов мяч» Герона Александрийского был, собственно, первой в мире паровой турбиной. — М. З.

² «Одиссея», XVI, 187. — А. С.

³ Вероятно, имеется в виду знаменитое «Четверное средство», так сформулированное Эпикуром в его «Главных мыслях»:

«Нечего бояться богов.

Нечего бояться смерти.

Можно переносить страдания.

Можно достичь счастья». — А. С.

на нем все свои мысли в этой рукописи. В то же время он был совершенно непонятен для непосвященных, делая наши мысли скрытыми от чужого глаза и ушей. Полезное изобретение, но разве можно его отдавать иноплеменным варварам?!¹ А ведь он только для этого и создал новый язык. Разве это не говорит сразу и о его глупости и о его коварных намерениях?

Я понимал, что он стремится поколебать мою славу, выжить меня из храма и занять место главного жреца. Надо было тщательно продумать, как предотвратить это и обезопасить себя от коварного чужеземца. Раб предлагал просто убить его. Но мне было жаль расстаться с таким умелым помощником, и я решил подождать, попытаться еще раз удержать его в своей власти, понимая, сколько неисчислимых выгод принесло бы это храму. Но коварный Уранид опередил меня. Однажды утром он ушел из храма, оставив коротенькую записку о том, что благодарит меня за гостеприимство и будет отныне жить в городе. Тогда я понял, что он вернется в храм, лишь выгнав меня отсюда и обесславив. Война была объявлена.

14. Прежде всего я позаботился показать всем, что именно храм остается тем местом, где происходят чудеса. Я провозгласил, что боги отвернулись от Уранида за его нечестивые мысли и изгнали из храма. Отныне на мне покоится милость богов. Когда весь храм был заполнен народом, по данному мною сигналу оракул изрек:

Я почитать моего толкователя повелеваю;
Я о богатстве не слишком забочусь: пекусь о пророке.
Слушайте, люди, его!

Но чужеземец тоже не упустил случая показать свою власть. Большую славу принесло ему чудесное исцеление одного раба, по имени Мосихон. Раб этот страдал заболеванием, поистине странным и загадочным. Шестнадцати лет, работая однажды на винограднике, он увидел внезапно выполняющую из кустов большую змею. Он так испугался, что потерял сознание и упал. Змея не тронула его, но, когда он очнулся, ноги отказались ему служить. Кроме того, у него помутился разум. Он считал себя девятилетним мальчиком и вел себя соответственно: бросал камнями в птиц, водился с мальчишками и избегал взрослых. При этом он начисто забыл все, что с ним произошло и чему он научился после..... девятилетнего возраста. Поскольку ноги у него отнялись, хозяин приказал перевести его на работу в свою портновскую мастерскую, где Мосихон начал заново учиться ремеслу. Года через два он снова пережил большой испуг: в доме начался пожар, и раб, опасаясь, что его, беспомощ-

---

¹ Я был прав! Не напоминают ли эти разглагольствования хитрого жреца те доводы, которые приводил, возражая мне, уважаемый А. Скорчинский?! — М. З.

ного, не успеют вытащить из огня, от ужаса опять лишился сознания. Его спасли товарищи-рабы и привели в чувство. И тут с ним произошла вещь поистине удивительная. Ноги у него снова стали действовать, словно никакой болезни и не было. Он опять вспомнил всю свою жизнь до встречи со змеей на винограднике. Но зато совершенно забыл о времени, проведенном в мастерской, и даже разучился шить! Всем стало ясно, что в несчастного попеременно вселяются чьи-то чужие души. Я взял его в храм и различными способами пытался изгнать.... души прочь. Но тщетно! Испуганный хозяин предложил мне убить.... раба. Однако Сын Неба взял его под свою защиту. Он усыпил его не в храме, не на священной шкуре жертвенного животного, а прямо на берегу моря, в окружении огромной толпы народа, что-то долго шептал ему на ухо, поглаживая пальцами по лицу спящего, и потом властно сказал: «Вставай, тебя ждет работа!» Мосихон вскочил как ни в чем не бывало и отправился в мастерскую, где тут же опять начал проворно шить с прежним искусством. Теперь он все помнил и был совершенно здоров. Я бы подумал, что он вступил в сговор с чужеземцем, дабы всех провести, если бы не знал..... истории его странной болезни, как и каждый человек в нашем городе. С тех пор этот Мосихон очень привязался к чужеземцу; и тот даже выкупил его у хозяина мастерской, справедливо опасавшегося держать в своем доме раба, в которого в любой момент снова могла вселиться чья-нибудь блуждающая душа.

После этого чужеземец все больше и больше..... стал сблизжаться с рабами. Он лечил их без всякой платы. Он даже нередко отправлялся за город и проводил там целые дни среди рабов, трудившихся на виноградниках или в каменоломнях. Он и там пробовал, по слухам, строить какие-то машины, помогавшие без особого труда поднимать большие тяжести, пока рабы бездельничали, укрывшись от надсмотрщика. Такая дружба беспокоила многих людей в городе, еще помнивших восстание скифов-рабов под водительством коварного Савмака. Используя это беспокойство, я начал распускать слухи, будто чужеземец также мечтает возмутить рабов, перебить всех свободных и создать на Киммерийском полуострове государство варваров.

Мне помог случай. В горах....., где находился один из источников, питающих городской водопровод, Сын Неба непостижимым образом обнаружил большую золотую жилу. Как рассказывают очевидцы, он просто попросил у Тимагора, сына которого, Посия, вылечил в свое время от паралича ног, как это уже рассказывалось, четверых рабов на один день. Сын Неба привел их в горы, к роднику, и приказал: «Копайте здесь!» Сделав только несколько ударов молотом, один из рабов..... нашел крупный золотой самородок. Чужеземец хотел использовать это богатство для того, чтобы купить себе несколько рабов у различных хозяев. Но я наметнул номофилакам¹, что это лишь первый шаг, а затем

¹ Коллегия номофилаков следила за правильным исполнением законов и вносила новые на рассмотрение народного собрания. — А. С.

Уранид попытается освободить всех рабов. Сына Неба вызвали на суд ареопага, который потребовал от него немедленно сдать все золото в казну, поскольку оно найдено на городской земле, возле общественного источника. Против ожидания ловкий чужеземец не стал против этого возражать. «Я уважаю общественные интересы и не пойду против них, хотя бы и следовало, по-моему, считаться и с интересами рабов, которые также являются полноправными членами общества. Забирайте ваше золото, если вы его так любите», — сказал он. Но, говорят, покидая ареопаг, добавил, так что его могли слышать многие: «Ничего, я найду новые залежи на ничьей земле». Найденное им золото пришлось очень кстати, потому что казна сильно отоцала. Все за это благодарили Уранида, я же опять остался в стороне. Поистине трижды был прав поэт, когда сказал:

Одно лишь злато над людьми имеет власть.

Так я вместо ожидавшейся победы снова временно потерпел поражение. Его власть укреплялась и росла, моя — умалялась и падала. Часто я в то время повторял горькие слова поэта:

Все когда-то ликовали, а теперь меня всегда
Злобным взором провожают, словно я их злейший
враг¹.

Но вот однажды у меня в памяти промелькнул другой стих — те самые слова, которыми как-то ответил мне Сын Неба, когда еще мы были с ним дружны и я выговаривал ему за мальчишеское любопытство, недостойное мудреца.

«Я ведь не бог — и бессмертным меня ты считаешь напрасно...»

Эта мысль посещала меня все чаще и чаще. А вместе с ней и другая:

«Всякое тело должно подчиниться смерти всесильной...»²

В самом деле: если я хотел сохранить свою власть и не дожидаться, подобно глупой овце, пока меня выгонят из храма или сделают помощником этого проходимца, мне следовало действовать решительно и быстро, не колеблясь.

15. Преданный раб Сонон, испытавший немало насмешек чужеземца, вызвался с готовностью помочь мне. Он выследил, что Уранид облюбовал себе одно место, где на самом берегу моря была небольшая пещера. Здесь он любил сидеть порой целыми днями, ничем не занимаясь и глядя на море. Когда начинался дождь, Сын Неба забирался в пещеру. Там мы его и решили подкараулить и убить. Место было глухое, рабы с ближайшего виноградника не услышали

¹ Стихи эти принадлежат, вероятно, Солону, который был не только выдающимся законодателем, но и талантливым поэтом. — А. С.

² Строчка из оды Пиндара. — А. С.
Ловко он стихами прикрывает свою подлость! — М. З.

бы крика. И все подумали бы, что чужеземца поднараулили и убили тавры. Чтобы укрепить всех в такой именно мысли, мой хитрый Сонон даже специально раздобыл таврский кинжал и дротик с костяным наконечником, собираясь подбросить их возле трупа. Так мы предполагали, но я забыл слова поэта:

Многое Зевс на Олимпе решает,
Но многое боги дают сверх надежды...
И то не приходит, чего ожидаем¹.

Несколько дней подряд Сонон выслеживал Сына Неба за городской стеной, но неудачно. Потом он где-то подслушал, что на следующее утро чужеземец намеревается отправиться именно в то укромное место, где мы предполагали устроить для него западню. В тот вечер я от волнения долго не мог уснуть, а когда, наконец, забылся,

...в тишине амбросической ночи
Дивный явился мне Сон²,

до того отчетливый и ясный, что ни в чем не уступал истине. Еще и теперь перед моим взором стоят образы, которые я в ту ночь увидел, и сказанное звучит у меня в ушах.

Я увидел как будто пещеру, слабо озаренную смутным, неясным светом, который лился откуда-то сбоку. В этом подземелье где-то протекал ручей: я отчетливо слышал тихое журчанье воды. Потом передо мной возникла тень. Она приблизилась, и я узнал своего раба Сонона. Он озирался по сторонам, словно ища себе уголка поукромнее и потемнее. Откуда-то сверху покатился камень. Я отчетливо слышал его стук. Сонон спрятался за обломком скалы. И тут вдруг раздался негромкий зловещий смех. Я узнал голос чужеземца. Потом он произнес какие-то непонятные слова на неведомом мне языке. Свет в пещере внезапно померк. И в наступившей кромешной тьме я услышал отчаянный крик Сонона: «Хозяин, я пропадаю, я пропадаю!..»

Я вскочил на своем ложе, обливаясь холодным потом. Было уже утро. Я понял из этого вещего сна, что чужеземец каким-то колдовским способом разгадал наши планы. Надо было предостеречь Сонона, чтобы он сегодня не напал на Сына Неба. Но сколько его ни искали по моему приказанию по всей усадьбе храма, нигде не могли обнаружить. Сторож сказал, что раб куда-то отправился еще до зари. Так велика была его жажда мести, что он слишком поспешил навстречу своей гибели. А в том, что ему суждено нынче погибнуть, я уже не сомневался после вещего сна. Послать других рабов ему на выручку к пещере я не мог. Сделать так — значило бы открыть свой замысел

¹ Еврипид, Медея, 1673—1675. — А. С.

² «Илиада», II, 56. — А. С.

перед всем городом, большинство жителей которого очень почитало чужеземца. Мне оставалось только терпеливо ждать воли всемогущих богов. Теперь я окончательно был убежден, что наш план не удался и мой верный раб сам попал в коварную засаду и наверняка лишился жизни. В самом деле, его никогда больше не видели. На следующий день я для отвода глаз объявил, будто он убежал от меня, и отправил воинов на поиски в различные места. В том числе я поручил им осмотреть и окрестности пещеры, выбранной нами для засады. Но никаких следов пропавшего раба так и не удалось обнаружить. А вечером того же дня мне повстречался на улице Сын Неба. Усмехнувшись, он сказал: «Я слышал, что ты лишился самого преданного помощника. Жаль. Как же ты теперь станешь пророчествовать без такого оракула?» Его глаза при этом были красноречивее слов. Я прочитал в них угрозу. Победа опять оказалась за ним, и я мог ожидать теперь от него всяческих козней. Они не замедлили последовать.

Какие-то странные вещи начали твориться со мной. По ночам меня часто мучали кошмары. Я попадал в..... подземелье и задыхался. На меня обрушивались громадные глыбы и придавливали меня. В одну из ночей мне приснилось, будто в комнату вползла большая змея. Как ни старался я от нее скрыться, она ужалила меня прямо в грудь. Тут я с криком проснулся. А через три дня у меня на груди, как раз в том месте, где ужалила приснившаяся змея, образовалась маленькая, но очень мучительная и долго не заживающая ранка¹. Тогда я понял, что и этот сон был вещим. Всеблагие боги слали мне с Олимпа новое предупреждение об опасностях, угрожающих мне со стороны коварного чужеземца. Я все-таки не внял этому мудрому предупреждению и продолжал с ним борьбу, хотя и тайную, скрытую, распуская всяческие тревожные слухи и стараясь восстановить против него побольше жителей города. Он только насмешливо улыбался, встречаясь со мной. Я понимал, что он прекрасно читает мои мысли и готовит ответный удар.

Я снова не внял предупреждению неба. Какая-то поистине злая сила подтолкнула меня опять нелестно отозваться о Сыне Неба. Донесли ли ему об этом или он сам подслушал мои слова, оставаясь на другом конце города, чему я также вполне верю, — во всяком случае, ответный удар не заставил себя ждать. В тот же вечер, намереваясь прочитать молитву, я вместо нее вдруг, к общему удивлению и собственному ужасу, во все горло запел посреди храма развратную милетскую песню, слова которой даже не решаюсь привести тут. Я понимал, что совершаю святотатство, но ничего не мог поделать с собой, пока так, с песней, не выбежал из храма и не уединился в углу двора. Этот

---

¹ Речь идет, видимо, об известных современной медицине случаях «мнимого удара» (как и «ложного ожога» на следующей странице) под влиянием внушения. — А. С.

случай, вызвавший в городе всеобщее возмущение, наполнил мою душу ужасом. Я понял, что не смогу бороться с таким коварным и могущественным противником.

Не надо львенка в городе воспитывать.
А вырос он — его придется слушаться¹.

Сын Неба начал строить какую-то хитрую машину. Она напоминала громадные крылья птицы или, скорее, исполинской бабочки. Рабы поговаривали, что на этих крыльях он собирается летать². Тогда я через оракула объявил, будто боги гnevаются на столь нечестивые замыслы и повелевают мне разрушить машину. Окруженный стражей и в сопровождении многих знатных людей, я отправился к дому, где жил чужеземец. Едва я протянул руку к машине, Сын Неба крикнул: «Не тронь, иначе обожжешься!» Я испугался, но все-таки в великом гневe не внял его крику и схватился за деревянный переплет крыла, на который он натягивал бычью кожу. В то же мгновение на ладони моей вздулся большой волдырь, словно действительно от сильного ожога, хотя готов поклясться всеми богами, что дерево было совершенно холодным и даже сыроватым на ощупь. При виде такого колдовства толпа забросала губительную машину камнями.

Три дня после этого Уранид не показывался в городе: видно, залечивал раны. А я тем временем пророчествовал в храме, что Сын Неба намеревается открыть городские ворота таврам, перебить всех свободных людей и установить в городе власть рабов, как это сделал в свое время Савмак в Пантикапее. Боги требуют, вещал оракул, чтобы колдун был заключен в цепи и помещен в темницу при храме, ибо только я смогу держать его в подчинении и с помощью всемогущих богов обуздать его чудодейственную власть. И я добился своего. Ареопак большинством голосов решил заковать чужеземца в цепи и держать под моим надзором в темнице при храме.

16. Так мы решили, и я уже торжествовал полную победу. Но боги — или злые силы, помогавшие колдуну, — снова расстроили наши планы. Я приказал заковать его покрепче и бросить в самую надежную темницу. А ключ от нее для предосторожности отдал тайком своим друзьям, наказав при этом, чтобы они не отдавали мне его, как бы я ни просил. Ведь, пользуясь своей могучей колдовской силой, он мог внушить мне мысль, чтобы я открыл темницу и выпустил его на свободу. Друзей же я выбрал нарочно таких, которых он не знал в лицо и не мог поэтому внушить им свои мысли.

Мои опасения оправдались. Вот уже третий день он ищет меня, и под натиском внушенных им мыслей, постоянно толкающих меня на самые неожиданные поступки,

¹ А р и с т о ф а н, Лягушки, 1432—1433. — А. С.

² Выходит, старый авиамоделист Алик Рогов был прав! — М. З.

я все больше прихожу в ужас. Кто у кого в плену? Да, он сидит на цепи в темнице. Но моя воля скована им, я его раб, я больше не принадлежу себе. Сегодня утром он снова заставил меня прийти к окошку в дверце темницы и заявил, что имеет очень важное сообщение для экклесии. Мне он его сообщить отказался — только народному собранию. Я опять почувствовал, что испытываю непреодолимое желание тотчас же выпустить его и привести на агору, и в панике убежал подальше от храма, чтобы не поддасться этому желанию. Я знаю, что он хочет. Он сумеет подчинить своей ужасной воле все народное собрание, и его не только освободят, но и сделают главным жрецом. Выпустить его на волю с такими могущественными способностями?

О нет! Моя рука их похоронит...

...На этой цитате из трагедии Еврипида «Медея» (стих 1619-й) обрывается найденная нами рукопись, хотя дальше еще идет довольно большой кусок чистого, неисписанного папируса.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СКВОЗЬ ДАЛЬ ВЕКОВ

*В трудных обстоятельствах
сохраняй рассудок.*

Гораций

1

ЗВАНЦЕВ. Ну, мой почтенный крот, что ты скажешь об этом любопытном документике?

СКОРЧИНСКИЙ. Документике! Ты даже отдаленно постигнуть не можешь, какую ценность он для нас представляет!

ЗВАНЦЕВ. Подумаешь, занимательная байка о склоках двух древних жуликов!

СКОРЧИНСКИЙ. Вот, вот! Многие, не занимающиеся специально античной историей, наверное, так его и расценят: «Занимательный документик, довольно занятный, знаете ли, рассказ о кознях хитрого жреца, пытавшегося выжить из города своего соперника две тысячи лет назад...» А для нас это просто клад. Сколько тут интереснейших сведений, тонких деталей, которые просто недоступны твоему пониманию!

ЗВАНЦЕВ. Ладно, не будем переходить на личности. Вернемся к нашим древним героям. Откуда же он все-таки взялся, этот загадочный Сын Неба?

СКОРЧИНСКИЙ. Это меня тоже больше всего интересует.

ЗВАНЦЕВ. А почему? Что в нем такого особо удивительного? Ловкий фокусник и обманщик, больше ничего!

Ты ведь, помнится, говорил мне, что в те суеверные времена таких проходимцев немало бродило по свету. Еще приводил мне в пример легендарного Аполлона Тианского с его липовыми чудесами: поразительные пророчества, воскрешение мертвых, способность переноситься по воздуху в любое место, — да он сто очков вперед даст нашему Сыну Неба! Почему ты молчишь?

СКОРЧИНСКИЙ. Слушаю и восхищаюсь твоими быстрыми успехами в античной истории.

ЗВАНЦЕВ. Ну, а без трепа, — о чем ты думаешь?

СКОРЧИНСКИЙ. Не забывай, что жрец писал только для себя, зашифровывал свои записи. Значит, он был искренен и вовсе не склонен сочинять какие-то пустые байки о вымышленных чудесах. Верно? И напрасно ты называешь этого странного пришельца ловким обманщиком. Есть в его поведении немало загадочного, заставляющего серьезно задуматься. Зачем, например, ему понадобилось создавать какой-то новый язык для укрепления дружеских связей между греками и соседними племенами?..

ЗВАНЦЕВ. Ты даже не поверил в возможность этого, а я оказался прав насчет этого древнего языка.

СКОРЧИНСКИЙ. Я потому и не мог поверить, что такая идея казалась мне совершенно невероятной для тех времен. Но ведь это факт. И другие его поступки заставляют крепко задуматься. Большой интерес к технике, попытки создать какие-то машины, чтобы облегчить труд рабов. И в то же время высмеивает суеверия, разоблачает всякие проделки жреца. Как хочешь, а круг его интересов показывает, что это был вовсе не какой-то шарлатан, а пылливый исследователь.

ЗВАНЦЕВ. Не забывай еще о том, как он пытался создать какую-то летательную машину, обломком которой нашел Алик Рогов! Жалко, что от нее так мало осталось, невозможно представить конструкцию. Вряд ли это был планер — скорее нечто вроде орнитоптера. Но все равно: человек, задумавший две тысячи лет назад создать орнитоптер, имел гениальную голову на плечах. Это ему, конечно, не удалось бы — над подобной задачей до сих пор бьются инженеры. Но размах его мне по душе, настоящий изобретатель. Ты прав: это была какая-то незаурядная личность. Слушай, я бы не удивился, если бы он в самом деле оказался Сыном Неба.

СКОРЧИНСКИЙ. Космическим гостем?

ЗВАНЦЕВ. Да! Вспомни, как описывает жрец его появление: страшный грохот и вспышка на безоблачном небе, словно промчалась колесница легендарного Фазтона. Очень похоже на приземление космического корабля!

СКОРЧИНСКИЙ. Но не мог же он высадиться один. Куда же делись остальные?

ЗВАНЦЕВ. Погибли, попали в плен к таврам, улетели в аварийном порядке, позабыв про него, когда началось землетрясение, — почему я знаю? Надо искать, копать дальше, идти по его следам! Где, кстати, проволока, которую ты нашел в пещере?

СКОРЧИНСКИЙ. Ты же знаешь: отдал в милицию.

ЗВАНЦЕВ. Молодец! Надо ее немедленно оттуда вызволить. Мне почему-то кажется, что она как-то связана с этим Сыном Неба...

СКОРЧИНСКИЙ. Мне тоже. Я же тебе рассказывал, что у этого скелета была какая-то необычная, лобастая голова. Да вот тебе фотография, посмотри сам.

ЗВАНЦЕВ. Вполне подходит под описание жреца. И помнишь: жрец пишет, что Уранид уединяется для размышлений в пещерах? Может, это ты его череп нашел в пещере и превратил в кучу пыли, растяпа?! Теперь проволоку не погуби. Как только приедешь, заведи ее из милиции и высылай мне. Мы тут проведем анализы. А сам не трогай, упаси тебя бог!..

СКОРЧИНСКИЙ. Ладно.

ЗВАНЦЕВ. А мне тут, чтобы не скучать, дай еще черепков из твоих коллекций.

СКОРЧИНСКИЙ. Можешь ты, наконец, сказать, зачем они тебе нужны?

ЗВАНЦЕВ. Я же тебе говорил: совершенствуем метод палеомагнетизма. Ясно? А подробнее объяснять — все равно не поймешь, голова у тебя слишком гуманитарная.

СКОРЧИНСКИЙ. Ладно, ладно... А ты не мог бы экспериментировать с какими-нибудь другими материалами? Зачем тебе нужны образцы именно из наших коллекций? Они же наперечет.

ЗВАНЦЕВ. Слушай, не будь таким Плюшкиным в квадрате. И это после того, как мы помогли тебе расшифровать столь уникальную рукопись. О черная неблагодарность!

2

Рассказывает Алексей Скорчинский

С Мишкой я не особенно распространялся об одолевавших меня раздумьях, опасаясь его насмешек: «Ага, ты отрываешься от своих прежних возражений? А так яро спорил! Где же твоя принципиальность, ученый крот?»

Неужели это был небесный пришелец? Чем больше я вчитывался в рукопись жреца и размышлял над ней, тем чаще возвращался к мысли, казавшейся поначалу совершенно невероятной.

В самом деле: чудесное появление чужеземца, как его описал жрец, весьма напоминало картину приземления какого-то космического корабля. Он сел благополучно, высадил разведчиков. И надо же было случиться этому злополучному землетрясению: конечно, корабль был вынужден в аварийном порядке стремительно взлететь снова, оставив на произвол судьбы своего отважного и любознательного разведчика, ставшего из-за этого вдруг одиноким пленником на чужой планете — и без всякой надежды на возвращение домой!

Можно себе представить, какую бурю чувств пережил в этот поистине трагический момент Сын Неба, когда под

ногами у него внезапно заходила ходуном земля, он услышал вдруг рев заработавших двигателей и увидел, как родной корабль, пронесший его невредимым среди звезд, все увеличивая скорость, взмывает без него в голубое небо...

Какая поразительная, нелепая, если вдуматься, случайность: благополучно преодолеть миллионы километров межпланетных просторов, где, казалось бы, на каждом шагу подстерегает куда больше всяких опасностей — и метеоры, и космическое излучение, и поля радиации, — и выбрать для посадки роковой момент землетрясения! Едва не погибнуть в самый волнующий и торжественный момент встречи с неведомой цивилизацией!

Конечно, Сын Неба вполне мог оказаться в одиночестве. И какая поразительная, поистине трагическая судьба, если вдуматься, выпала на его долю! Промчатся меж звезд — и очутиться одному на неведомой планете. Обладать удивительными способностями — и быть принятым за волшебника, проходимца, каких немало было в те времена. Страстно хотеть помочь людям — и натолкнуться на полное, абсолютное непонимание.

Вот какое соображение особенно укрепляло меня в этих мыслях. На первый взгляд оно может показаться парадоксальным, но, если вдуматься, — очень важно: именно то, что Сын Неба оставил так мало заметных следов своего пребывания на Земле, и убеждало меня в возможности его высадки с космического корабля. Ведь что утверждали авторы всяких гипотез о космических пришельцах, которые я всегда начисто отвергал и высмеивал? Что эти небесные гости, пожаловав на нашу планету, моментально переворачивали тут всю историю, одним махом создавали новые цивилизации, становились даже чуть ли не основателями всего рода человеческого. С точки зрения серьезной науки это, конечно, чепуха.

Но вот так — без особого шума, без каких-нибудь заметных перемен в давно устоявшемся быте местных народов, обладавших своей древней культурой, — так, пожалуй, вполне мог совершиться эпизодический визит на Землю гостей из других миров. И не многих гостей, а всего лишь одного, — в том-то и дело!

Мне пришли на память заключительные строки лермонтовской чудесной «Тамани». Помните, как размышлял Печорин о своем приключении среди «честных контрабандистов»: «Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и, как камень, едва сам не пошел ко дну!» Так и с Сыном Неба: круги быстро разошлись, и вода опять стала спокойной и гладкой. Как теперь в ее глубине отыскать его следы?

Я думал об этом по дороге в Крым, а добравшись до базы, вопреки всем своим давним привычкам не пошел на раскопки, первым делом отправился в милицию.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал мне следователь, доставая из шкафа довольно тощую папку. — Уж несколько повесток вам посылали. Надо вам протокол подписать, вы же первый обнаружили этот скелет и сообщили о нем.

А из-за этого я никак дело закрыть не могу.

— Ну, а что-нибудь выяснить удалось?

Лейтенант меланхолично пожал плечами.

— Судя по обывествлению остеологического материала, человек погиб никак не меньше десяти лет тому назад. Может быть, еще во время Отечественной войны, тогда многие скрывались в пещерах. Теперь за давностью лет не узнаешь.

— Вы его там и оставили?

— Кого?

— Да скелет.

— Нет. Скелет прямо рассыпался в руках. Пришлось укреплять кости особым составом. После исследования экспертом остеологический материал захоронили как положено.

Так, значит, от странного скелета с уродливым черепом теперь ничего не осталось, кроме этих фотографий...

Мне стало тревожно и горько.

Я бегло пробежал глазами протокол: «18 сентября сего года в РО милиции явился гр. Скорчинский А. Н., назвавшийся начальником археологической экспедиции Института археологии Академии наук, и сделал следующее заявление:

Накануне, то есть 17 сентября сего года, при осмотре с научными целями одной из пещер на берегу моря к юго-западу, неподалеку от поселка, им был обнаружен скелет неизвестного человека. Тут же был обнаружен металлический стержень, напоминающий ручку самодельного ножа, обмотанный проволокой...»

— Кстати, а где эта проволока? — спросил я.

— У меня, среди вещественных доказательств.

— Меня просили выслать ее в Москву для анализа в один научный институт.

— Криминалистический?

— Да, они занимаются и криминалистикой, — туманно ответил я.

— От них должен быть запрос.

— Ну, не будем такими формалистами. Они запрос потом пришлют, я же не знал, что так полагается.

— Вообще-то не разрешается, — нерешительно сказал лейтенант.

— А что вы с ней собираетесь делать, когда закроете дело?

Он пожал плечами.

— Да ликвидируем все вещественные доказательства за дальнейшей ненадобностью.

— Выбросите, попросту говоря?

— Не хранить же вечно, у нас склада нет.

— Вот и отдайте мне, а я вам расписку дам.

Лейтенант порылся в шкафу, достал большую картонную коробку, а из нее — проволоку на металлическом стержне и, завернув в бумажку, передал мне. Я написал расписку, подмахнул протокол и отправился прямо на почту, чтобы сразу же отправить проволоку Мишке в Москву.

Теперь оставалось одно: терпеливо ждать. Но разве это возможно, когда речь идет о таких загадках!..

Я не удержался и решил обследовать место, где, по ту-

манным указаниям в рукописи жреца, мог приземлиться космический корабль. Поиски никаких результатов не дали да и не оставили надежды на будущее. Берег моря здесь подвержен оползням и, конечно, сильно изменился за двадцать веков. До сих пор сохранились еще следы резких сдвигов пластов земли, случившихся во время последнего землетрясения 1929 года, а одно из селений поблизости так и называется: Оползневое. А сколько раз тут сотрясалась земля и сдвигались верхние слои почвы за минувшие двадцать веков?

Нет, искать следовало только вокруг храма. И очень точно сначала наметить план дальнейших раскопок, а для этого еще не раз внимательно проштудировать рукопись жреца, чтобы выбрать правильный путь и не копать вслепую.

Снова и снова я внимательно вчитывался в каждую фразу, стараясь не пропустить ни одной мелочи, которая могла бы оказаться важной. Судя по значению храма, по именам ремесленников, упоминавшимся в рукописи, город был, видимо, крупнее, чем мы до сих пор предполагали, и занимал, вероятно, большую площадь. Чтобы проверить это, я наметил заложить несколько разведочных раскопок на восточной окраине современного поселка, где мы прежде не копали: возможно, тут, на не застроенных пока еще участках, удастся найти остатки городских стен или каких-нибудь древних зданий. Следовало также еще лучше раскопать все развалины храма и ближайшие окрестности. Во-первых, я надеялся найти еще неизвестные другие тайники: вряд ли хитрый жрец ограничился одним. Во-вторых, было весьма заманчиво отыскать и темницу при храме, в которую жрец заключил своего поверженного противника, загадочного чужеземца. Вдруг там сохранились надписи на стенах, какие обычно делают заключенные, пытаюсь скоротать время?

Перечитывая в какой уже раз рукопись и долгими часами размышляя над ней, я почти выучил ее наизусть. И как-то сжился, я бы даже сказал, сроднился с людьми, которые жили здесь, вот на этом каменистом берегу, двадцать веков назад, выращивали виноград, давили из него вино, устраивали пиры, торговались на рыночной площади, верили всяким ловким проходимцам, почитали оракулов, соперничали за власть. Мое разыгравшееся воображение рисовало живые картины минувшей жизни. Жаль, что я не романист! Как можно было бы расписать все перипетии борьбы Уранида с хитрым жрецом на пестром и живописном фоне жизни греческого городка — отличный бы получился плутовской роман в духе Апулея.

Загадки, давно мучившие меня, теперь были разгаданы. Я узнал, почему жители города вдруг переименовали его в Уранополис, почему в честь этого события начеканили монет с изображением бога Асклепия и небесных светил. Раскрылась и тайна загадочного языка, доставившая нам так много хлопот.

Все стало ясным. И странное дело: я испытывал от этого не только вполне естественную радость открытия — и грусть

тоже. Как ни говори, все-таки несколькими загадками на свете стало меньше.

Но зато какая поразительная загадка маячила впереди! Неужели мы и впрямь попали на след космических гостей?

Мы повели раскопки сразу на нескольких участках. Заверкали на солнце наши лопаты, навалились повседневные будничные хлопоты по расстановке рабочих, добыванию продуктов подешевле, чтобы сэкономить побольше и за счет этого растянуть срок работ. Меня с головой захлестнула деловая текучка.

Уже начались с новичками смешные происшествия, без которых не обходится ни один раскопный сезон, — верный признак, что работа стала входить в нормальную колею.

Вечером у костра, уничтожив громадный таз жареных бычков, ребята потешались над одним студентом-первокурсником, сделавшим сегодня сенсационное открытие. Он впервые участвовал в раскопках, был весьма романтичным; и легко представить его потрясение, когда уже после нескольких взмахов лопаты из земли вдруг показался краешек документа. Да какого! Не на папирусе, а на самой настоящей бумаге.

Он примчался ко мне, руки у него тряслись, все лицо было в красных пятнах попеременно с грязью, и, заикаясь от волнения, доложил о своей находке.

Я уже знал, чем это кончится, и весьма спокойно выслушал сообщение о древнем документе, отпечатанном на бумаге типографским способом.

— Продолжай его раскапывать сам, — предложил я.

— Сам?

— Конечно, я тебе доверяю.

Больше он ко мне не прибежал, а за обедом старался не показываться на глаза. Но я все-таки спросил его:

— Так что же ты нашел? Как раскопки?

— Газету «Советская Россия», — угрюмо ответил он.

— Свежую? — невинно поинтересовался кто-то из ребят.

— Прошлогодною. Кто-то разыграл.

— Да никто тебя не разыгрывал, — утешал его Алик. — Просто полагается, закончив раскопки, положить в шурф какую-нибудь газету для приметы, что здесь уже работали. Так и сделали. Так что не огорчайся, и со мной это когда-то было.

Но через три дня нам посчастливилось сделать действительно выдающуюся находку. Мы раскопали ту самую темницу, в которой томился Уранид!

Это была глубокая, метра в три яма, облицованная неотесанными камнями. Крыша темницы обвалилась во время пожара под тяжестью рухнувшей на нее кровли храма.

Вы понимаете, с каким трепетом я раскапывал эту древнюю тюрьму, где кончил свои дни Сын Неба. Да, он погиб именно здесь, сомнений теперь не было!

Мы нашли два скелета. Один лежал у самого порога, все еще сжимая в давно истлевшем кулаке рукоять заржавленного меча. Другой скелет лежал в углу — и вокруг него

все еще змеей обвивалась прочная, тяжелая цепь, приковавшая его к стене.

Это был, несомненно, Сын Неба. Но чьи же останки мы нашли в пещере? Значит, проволока не имеет к Ураниду никакого отношения?

Какая драма разыгралась в этом подземелье в ту далекую ночь, когда город погибал в пламени и по улицам его мчались воинственные скифы? Кто же был этот загадочный Сын Неба?

Узнаем ли мы когда-нибудь это?

Я терялся в догадках и хотел уже поскорее рассказать об этой находке Михаилу в подробном письме. И вдруг от него пришла странная, непонятная телеграмма-«молния»:

«Вылетай немедленно Москву мне снятся поразительные сны, вылетай немедленно!..»

3

Разговор по телефону

— Москва? Званцев? С вами будут говорить...

— Алло! Мишка? Слушай, брось ты свои идиотские шуточки! Какие сны тебе снятся?

— Здравствуй, старик! Я думал, что ты уже летишь в Москву...

— Можешь ты мне объяснить толком, зачем я тебе нужен?

— Ну вот... Опять ругань вместо благодарности...

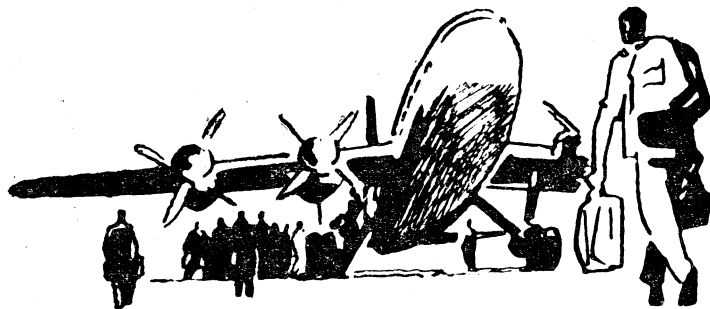
— Не паясничай, и так ты мне угробил целый день. В чем дело?

— Бросай свои лопаты и клизмочки и мчись в Москву. Поздравляю с величайшим открытием в истории человечества!

— Слушай, я бросаю трубку!

— Стой, стой, не кипятись. Ты оказался гениально прав, старик! Он действительно прилетел, Сын Неба. И записал на проволоке свой отчет о том, что видел. Понимаешь?

— Как записал?

— Прочитать тебе лекцию? Но это дорого обойдется по телефону. Прилетай сюда и все увидишь собственными глазами. Понимаешь: увидишь сам своих древних греков!

— Брось меня разыгрывать!

— Я не шучу. Колоссальное открытие. По буквам: ку-мир, осел, летает, Ольга, сапоги, сорока...

— Разъединяю, ваше время истекло.

— Вылетай немедленно!

4

Рассказывает Алексей Скорчинский

Неужели это возможно?

Неужели мы и впрямь случайно наткнулись на след посещения нашей планеты гостями из космоса?!

И хотя я интуитивно ждал, что разгадку Сына Неба принесет именно эта проволока, найденная нами в пещере, все равно рассказ Михаила о его сложных опытах и неожиданном открытии совершенно ошарашил меня.

Моток проволоки лежал на белом лабораторном столе, и я не мог отвести от него глаз. Неужели на этой тонкой металлической нити в самом деле записан отчет о том, что увидел Сын Неба, игрой судьбы заброшенный две тысячи лет назад в маленький греческий городок на берегах Крыма? И неужели я сейчас сам загляну в тот далекий мир, увижу все его глазами?!

Мне не терпелось увидеть, и я плохо слушал объяснения Михаила о всей технике расшифровки видеозаписи на проволоке, о том, как он подбирал наилучший режим, какие использовал приборы, — но он против обыкновения, кажется, не обиделся на мое невнимание. Потом начал клясть себя, что во время экспериментов над проволокой размагнитил часть записи.

— И какую часть! Самое начало! Там, вероятно, было зафиксировано приземление космического корабля. А теперь мы не узнаем, как это произошло. И черт меня дернул проверять ее электропроводность!

— Ладно, теперь этого уже не поправишь. Показывай скорее, что есть! — взмолился я.

Но он словно нарочно взялся томить меня и решил обставить просмотр магнитной записи не менее таинственно и торжественно, чем жрец свои пророчества в храме Асклепия. Усадил меня в глубокое кресло в лаборатории перед овальным экраном, велел откинуться свободно на спинку, расслабить мышцы и ни о чем не думать.

— Просто смотри, какие картины станут возникать. И запоминай все детали, чтобы подробнее потом записать.

Затем он притушил огни в комнате, оставив только слабую лампочку возле приборов, с которыми страшно томи-тельно и долго возился, что-то настраивая.

— Да скоро ты? — взмолился я и тут же замолк на полуслове, потому что увидел то, что произошло на крымской земле две тысячи лет назад...

Изображение было расплывчатым, смутным, нерезким, словно снимок, сделанный неопытным фотографом, без всякой наводки на резкость. Порой оно совсем пропадало, потом появлялось вновь. Но мой наметанный глаз археолога допоянял отсутствующие детали, многое просто угадывал.

Передо мной, несомненно, была главная городская площадь — агора, вымощенная черепками битой посуды и заполненная пестрой толпой. Особенно отчетливо был виден один угол ее, огороженный деревянными жердями, — вероятно, специально для торговли рабами, как упоминалось в некоторых источниках.

У подножия мраморного изваяния, на пьедестале которого написано: «Народ поставил статую Агасикла, сына Ктесии, предложившего декрет о гарнизоне и устроившего его...», в полном безразличии и отупении прилегла на камни морщинистая старуха, похожая на комок грязных тряпок. Рядом с ней, скованные цепями по рукам и ногам, лежат два скифа: один с рыжей косичкой, торчащей из-под рваной остроконечной кожаной шапки, и в куртке из грубо выделанных бараньих шкур, другой почти совсем голый, со взлохмаченной головой...

...Тенистый мраморный портик какого-то, видимо, общественного здания. Сидя за низеньким столом, заваленным свитками папируса, три пожилых грека внимательно, но довольно равнодушно наблюдают, как плечистый, обнаженный до пояса палач с бритой головой привязывает к большому пыточному колесу перепуганного раба, еще совсем подростка.

Все это в каком-то странном ракурсе — словно увидено глазами человека, сидящего на корточках.

...Ночь. По уснувшему морю медленно и бесшумно скользит небольшая лодка. На носу ее укреплена выступающая далеко вперед длинная палка с факелом на конце. Пламя отражается в черной воде, роняет в нее шипящие искры, выхватывает из темноты нависшие над морем скалы.

На носу лодки стоит юноша в набедренной повязке, с трезубцем в занесенной над головой руке и всматривается в воду при неверном свете факела...

Картины давно отшумевшей жизни возникали перед моими глазами. Они были отрывочными, бессвязными: промелькнет — и пропала. Так любознательный турист, попав в незнакомый город, бесцельно щелкает направо и налево своим неразлучным фотоаппаратом, не давая ему ни отдыха, ни покоя. Поэтому и пересказать эти коротенькие уличные сценки, пестрый калейдоскоп промелькнувших лиц горожан, воинов, любопытных женщин, чумазных ребятишек — связно пересказать все это просто невозможно. К тому же, как я уже говорил, изображения порой были очень смутными, едва видимыми, да вдобавок меня еще сбивали с толку неожиданные ракурсы.

То промелькнет мальчик, повисший на уздечке упрямого ишака и тщетно пытающийся сдвинуть его с места... То запыхавшийся, с побледневшим от напряжения лицом, тяжело дышащий атлет. Он очищает со щеки стригалем,

похожим на серп, приставшую грязь, а вдали виднеется ку-сочек стадиона...

На покато́й каменной площадке с желобками рабы давят босыми ногами виноград. Один из них так приплясывает, что брызги разлетаются далеко во все стороны.

А на соседней площадке применена уже примитивная «механизация», видимо заинтересовавшая небесного гостя. Тут виноград давят под прессом, накладывая на него каменные плиты — тарпаны. Сверху ягоды накрывают доской и прижимают ее длинным рычагом, на конце которого, болтая ногами, повисают два рослых раба.

Сын Неба заглянул в литейную мастерскую — и вот перед нами мастер в кожаном фартуке, прикрывая ладонью глаза от пламени, осторожно сливает в форму расплавленную, пышущую жаром бронзу...

А вот гончар формирует на деревянном вращающемся круге, который устало крутит худенький мальчик, остродонную амфору.

Мы видим, как взрослые, устроившись в тени большой сосны, азартно играют в некое подобие шашек, передвигая по разлинованной доске круглые костяные пластинки. А рядом, тут же, маленькие мальчик и девочка усаживают глиняную куклу в крошечную повозочку с непомерно большими колесами.

Возникают на миг уличные музыканты: подросток, надув щеки, старательно наигрывает на свирели — сиринге, а бо-сая девочка приплясывает, ударяя в тамбурин...

Кладбище на склоне горы за городом. Молодая женщина, прикрыв лицо краем белого траурного пеплоса, плачет возле мраморной плиты.

Кусок городской стены. Из сторожки возле ворот выглядывает воин с курчавой рыжеватой бородой, а на стене вид-на надпись, звучащая в переводе вдруг комически современно: «По решению городского совета запрещается здесь сваливать навоз и пасти коз...» Конец надписи, к сожалению, не виден.

Снова шумный рынок на городской агоре. Бросается в глаза, что на нем почти нет женщин. Торгуют и покупают одни мужчины.

Все интересует космического гостя: он пристально рас-сматривает рыб, жадно разевающих рты и подпрыгивающих на мокром гранитном прилавке. Мелькают изображения чаек, гусей, уток, различных растений...

Из этих бессвязных сценок, словно из кусочков мозаики, возникает бесценная живая картина будничной жизни древ-негреческого города, которую до сих пор археологам приходилось с громадным трудом воссоздавать по случайным находкам и разрозненным черепкам битой посуды. Как мно-го дает это науке!

Увидели мы и своими глазами жреца, чья рукопись до-ставила нам столько хлопот. Ему уже, пожалуй, за шесть-десять. Гладко выбритая голова, одутловатое морщинистое лицо и очень зоркие, цепкие черные глаза.

На нем простой серый гиматий, наброшенный поверх белоснежного хитона. На ногах сандалии из темной кожи. Двигается он плавно, величественно, движения медлительны, но порой резкий поворот головы и острый прищур глаз выдают незаурядную волю и энергию, спрятанные до поры до времени, словно в сжатой пружине.

Жрец готовится к гаданию по кольцу. Для этого применяется, оказывается, довольно сложное сооружение. На невысоком металлическом треножнике укреплена квадратная бронзовая плитка в виде равностороннего треугольника, украшенная фигурами богов и какими-то загадочными значками, видимо имевшими магическое значение. Из центра треугольника торчит стержень с круглым вертящимся диском из какого-то тусклого металла. Диск расчерчен на секторы с буквами греческого алфавита. Откуда-то сверху на тонкой нити свисает тяжелое дутое кольцо, видимо золотое.

Все было обставлено весьма торжественно. Кольцо висело, словно дамоклов меч, пламя двух светильников, установленных на высоких канделябрах, сумрачно отражалось на бронзе...

Снова замелькали, словно кадры кинохроники, отрывочные картины: полуголые рабы, надрываясь, подтаскивают к какому-то зданию, строящемуся на агоре, тяжеленные глыбы камня. Неосторожное движение — и камень валится набок, прямо на ногу одного из рабов.

Как уже упоминалось, мелькавшие на экране люди были неподвижными, застывшими, словно на примитивной фотографии. Но они были «схвачены» в такой момент, что каждый кадр становился полон жизни и экспрессии. Воображение дополняло то, что видел глаз, и, рассказывая о возникших картинах, все время невольно употребляешь глаголы: **движутся, плывут, вонзаются**, — даже как будто начинаешь слышать давно отзвучавшие голоса.

...По дороге в туче пыли медленно катится странная телега с громадными колесами, запряженная быком...

В гавань входит триера. Словно живые машины, рабы монотонно раскачиваются на широких скамьях, мерно взмахивая тяжелыми веслами...

Два стратега обходят фронт тяжеловооруженных гоплитов во дворе крепости. Солнце жарко пылает на железных панцирях, слепит глаза, отражаясь от шлемов. Шлемы у воинов различной формы: у одних они закрывают все лицо скуластыми нащечниками, только в узкие прорезы сверкают глаза. У других нащечники подвижные, они сейчас откинута, позволяя рассмотреть раскрасневшиеся, потные лица и торчащие из-под шлемов бороды.

Щиты у гоплитов тоже неодинаковой формы — то овальные, то круглые, и обиты они у кого листовой жостью, а у кого просто бычьей кожей. У каждого воина длинное, до двух метров, деревянное копьё с железным наконечником, меч на перевязи, перекинутой через правое плечо, ноги закрыты до колен бронзовыми поножами. Судя по довольно

унылому виду воинов и их усталым, разморенным жарою лицам, нелегко, должно быть, таскать на себе всю эту массу металла. Но гоплиты предназначены для ближнего оборонительного боя, им не придется много ходить. Они будут стоять стеной, оцетинившись против вражеской конницы остриями копий.

На агоре раздают добровольцам более легкое оружие: дротики, луки со стрелами, небольшие щиты — пельты. У этих более подвижных воинов — пельтастов и панцири уже не металлические, а кожаные или даже просто из грубой холстины.

Видимо, идет подготовка к бою с таврами, о котором упоминается в рукописи жреца.

Всадники подтягивают подруги коней, дико всхриplyвающих и встающих на дыбы. На крепостных стенах устанавливают возле бойниц катапульты для метания тяжелых дротиков и неуклюжие онагры — они станут обрушивать на головы нападающих каменные ядра, вытесанные из известняка, или просто булыжники. У каждого орудия уже припасена большая груда камней, а рабы подтаскивают все новые и новые.

А у ворот наготове выстроились гоплиты, прислушиваются. Два воина замерли у громадного засова, запирающего ворота, чтобы распахнуть их по первому знаку. Ворота двойные, они устроены так, что между наружной и внутренней стенами получилась небольшая площадка с двумя башнями по углам. Так что неприятель, даже ворвавшись в первые, наружные, ворота, непременно застрянет перед внутренними и окажется под ударом со всех сторон.

Потом стремительно мелькают несколько сценоч сражения. Беспощаден и страшен этот бой в ночной темноте, лишь местами озаряемой неверным, колеблющимся светом факелов. Мелькают искаженные болью и гневом лица, конские морды с пеной на уздечках...

Прямо в гущу сражающихся, не разбирая своих и чужих, падают каменные ядра и дротики, обвитые пылающей паклей...

Молодому греческому воину стрела вонзается прямо в горло, и он судорожно хватается ее руками, пытаясь вытащить, но тут же падает под ноги лошадей.

...А затем сияющий солнечный день, стадион, заполненный ликующей толпой.

Со всех сторон летят букетики ярких цветов, венки...

Видимо, это чествуют Сына Неба и жреца после победы над таврами. Вот я нахожу в толпе уже знакомое лицо жреца. А где же Уранид? Может быть, он появлялся и в других сценках. Но как узнать его?

Или аппарат для записи был всегда с ним, и мы так и не увидим, как выглядел сам небесный гость: ведь мы смотрим его глазами?..

По арене стадиона угрюмой толпой бредут закованные в цепи пленники.

Впереди гоплиты гонят высокого лохматого юношу тавра, упираясь острыми копьями в спину. Он в порванной одежде из волчьих шкур, отороченных белым мехом: видимо, тот самый сын вождя племени, угодивший в плен, о котором упоминалось в рукописи жреца.

Устало шагают по цветам босые, израненные ноги пленников...

И вдруг темнота. Все оборвалось. Я не сразу понимаю, что сижу в лаборатории перед погасшим экраном.

— Ну как? — спрашивает Михаил.

— Снова. Давай все снова! — хрипло говорю я.

— Подожди, — усмехается он. — Давай сначала подведем итоги.

Я непонимающе смотрю на него.

5

Мы подводим итоги

— И как тебя угораздило размагнитить начальный кусок записи! Конечно, там были сцены прибытия космического корабля на Землю, а может, даже и какие-то картины иной планеты, с которой он прилетел.

— Кто прилетел?

— Ну, Сын Неба, Уранид.

— Какой Сын Неба?

— Слушай, Мишка, ты опять начинаешь паясничать...

— Не понимаю тебя. О чем ты говоришь? Никто ниоткуда не прилетал.

— Как?! А запись на проволоке?

— И записи никакой не было. Вот она, твоя проволока. Ничего в ней нет загадочного. Самая обычная проволока, только немножко заржавевшая в подземелье. Можешь вернуть ее в милицию...

ЗВАНЦЕВ. Я бы дорого заплатил, чтобы вы могли увидеть, каким стало Алешкино лицо в этот момент! Но словами описать этого невозможно.

— Но я же сам видел, своими глазами! — завопил он, когда снова обрел дар речи. — Что же я видел?! Опять твои idiotские штучки?

Эффект, который я так тщательно подготавливал и давно предвкушал, кажется, превзошел все мои ожидания. Я даже струхнул немного: того и гляди мой лучший друг у меня на глазах лишится рассудка. И я поспешил, несколько скомкав художественную часть, поскорее перейти к научной.

— Успокойся, успокойся, ты действительно видел древних греков! Только космические гости и записи на проволоке тут ни при чем.

— Что-о?!.

— Просто, пока ты копался в своих гробницах и подземельях, я сделал небольшое открытие, которое и продемонстрировал тебе сейчас.

— Какое?

— Ну, как тебе сказать поточнее?.. Я нашел способ воскрешать изображения, которые отпечатались на поверхности некоторых определенных предметов. Понимаешь? Ладно, не все тебе меня мучить лекциями, давай и я тебе прочту одну небольшую, совсем коротенькую, учитывая твой низкий технический уровень и болезненное состояние в данный момент...

СКОРЧИНСКИЙ. Мне очень хотелось его ударить, но Мишка увернулся, отгородился от меня широким лабораторным столом и начал оттуда торжественно вещать противным лекторским тоном:

— О так называемом эффекте остаточного намагничивания даже ты, кажется, имеешь отдаленное представление. Заключается он в том, что некоторые горные породы и строительные материалы, содержащие в себе магнетит или гематит, обладают любопытными свойствами: при сильном нагревании они приобретают под воздействием магнитного поля Земли слабую постоянную намагниченность. При последующем остывании в них как бы «замерзает» слепок магнитного поля давних исторических эпох, и специальные приборы могут восстановить его параметры...

— Ты мне еще расскажи, как этот метод палеомагнетизма применяется в археологии для установления возраста древних гончарных изделий, — перебил я его. — Хватит болтать попусту! Не вижу никакой связи между остаточной намагниченностью и твоим якобы «открытием».

— Это только лишний раз подтверждает, как слабо ты разбираешься в физике и медленно мыслишь. Что такое свет, как не особый вид электромагнитных колебаний? Магнитных — теперь улавливаешь? Помнишь, ты как-то удачно сказал: «Огонь-хранитель»? Это в тот вечер, когда расказывал у костра о гибели города. И я подумал: «В самом деле, если бы не этот древний пожар, застигший жителей так внезапно, мы бы, возможно, так ничего и не узнали бы о их давней жизни. Парадокс? Но именно огонь сохранил для нас ее следы, засыпав спасительным пеплом нарядные хрупкие вазы, резные статуэтки, обуглившийся, но не сгоревший деревянный совок».

И тут мысль заработала дальше. Нельзя ли найти и другие способы заглянуть в далекое прошлое? Занимался я, как ты знаешь, палеомагнетизмом давно, и ведь там тоже все с огнем связано! Так постепенно и додумался до этой любопытной идейки. Конечно, решена она пока весьма несовершенно, в первом приближении. Но результаты уже есть, и неплохие. И опять он помог, огонь-хранитель!

— Постой, постой! Значит, тебе удалось найти способ воскрешать остаточную намагниченность, возникшую под воздействием света?..

— И снова превращать ее в зрительные образы, — ты попал в точку. Кажется, твои мыслительные способности еще могут совершенствоваться. Суть дела достаточно проста, чтобы быть понятной даже тебе. Метод, конечно, еще

далек от совершенства: ты видел, какими нечеткими и расплывчатыми получаются изображения. Только специалист может в них как следует разобраться. Да и подходящие образцы приходится выбирать один из тысячи. Но главное сделано: удалось разработать аппаратуру, способную улавливать столь слабую намагниченность и переводить ее в зрительные образы. Скажу без ложной скромности: создание ее свидетельствует о моей несомненной гениальности, но рисовать тебе схемы и графики, подтверждающие это, бесполезно — все равно не поймешь.

Он болтал еще что-то в том же духе по своему обыкновению, но я перебил его:

— Значит, ты можешь воскресить картины любой эпохи?

— Конечно, если только они отпечатались на подходящем материале именно в тот момент, когда он подвергался сильному нагреву. Годятся черепки из древних гончарных печей, кирпичи из стен сгоревших домов, куски вулканической лавы из более отдаленных эпох, когда еще человека на Земле не было, или, на худой конец, просто камни, опаленные ударом молнии, — но, конечно, далеко не каждый. К счастью, твои древние греки обожали по любому поводу зажигать жертвенные огни. Да и пожарниц у них сохранилось немало. Вот только ты, кротоподобный Плюшкин, дрожал над каждым черепком и кирпичиком. Теперь ты понимаешь, как мешал мне?

— Но почему же ты сразу не сказал, для чего они тебе нужны? Зачем понадобился весь этот глупый розыгрыш с космическим пришельцем и записью, якобы сделанной на проволоке?

И знаете, что он имел наглость мне ответить?

— А я решил испытать прочность и стойкость твоих убеждений. Ты тогда очень хорошо и убедительно рассуждал о невероятности прилета к нам в прошлом гостей из космоса. По существу, правильно, поскольку никаких строгих доказательств таких визитов наука не имеет и поэтому подобные

гипотезы просто курам на смех. Но я решил подвергнуть тебя небольшому искушению. И ты не устоял, поддался на удочку, забыл о мудром правиле: «Иметь взгляды — значит смотреть в оба... Шаткое, брат, у тебя мировоззрение — и все оттого, что замкнулся, как крот, в свою ар-

хеологию, не следишь за успехами других наук. Вот и веришь всяким басням, стоит только придать им видимость научности. Описал жрец какое-то «небесное знамение», а ты уже распалился: «Очень похоже на приземление космического корабля!..» Может, ты так и в реальность гремящей колесницы Ильи-пророка поверишь?

Стоило ему все-таки намять бока за такую каверзу! Но я был уже увлечен перспективами, которые обещало перед археологией его открытие. Заглянуть в глубь веков и собственными глазами увидеть, каким был мир во времена древних греков, египетских фараонов, заглянуть в пещеры, где греются у костров наши первобытные предки, — кто из археологов не мечтал об этом! Может быть, увидеть

мир даже таким, каким он был на самой заре времен, еще задолго до появления на Земле человека! Чем не «машина времени»?

— Но кто же тогда был этот Сын Неба? — воскликнул я, отрываясь от своих мечтаний.

Мишка пожал плечами.

— Это уж придется выяснять тебе с помощью твоего хваленого дедуктивного метода. Во всяком случае, к небу он не имеет никакого отношения. Но все равно фигура весьма любопытная: создал оригинальный язык, мечтал объединить греков с варварами, пытался построить какую-то летательную машину вроде орнитоптера. Может, он был гениальным изобретателем и рядом с именами Пифагора, Евклида, Архимеда и Герона следует поставить и его имя... А мы даже не знаем точно, как его звали: не вписывать же его в историю техники под псевдонимом «Сын Неба», который ему дали твои греки? Это было бы забавно.

Да, Михаил прав: человек, прозванный Сыном Неба, был, несомненно, большим ученым. И борьба, которую он вел с хитрым жрецом, была вовсе не соперничеством за власть и почести. Сквозь даль веков мы стали свидетелями еще одной драматической схватки в великой давней битве между светом и тьмой, религиозными суевериями и наукой. И как жаль, что мы так мало узнали об этом замечательном человеке!..

— Слушай, — осенило меня. — А мы ведь можем его увидеть, если ты снова не разыграл меня и не выдумал всю эту историю со своим открытием.

— Ну, уж подобного выпада...

— Ладно, ладно, не ершись! Я же тебе говорил, что раскопал темницу, в которой томился Уранид и, видимо, погиб в ту ночь, когда город спалили напавшие скифы. Мы нашли там два скелета, заваленных обломками обгоревшей кровли.

— Все ясно! — закричал Мишка. — Где они, эти обгорелые кирпичи?

И вот мы увидели...

...Тесное, сырое подzemелье сумрачно освещено светом чадного факела. Пламя колеблется, вздрагивает, и по каменным стенам мечутся тревожные тени.

Человек, прикованный цепью к стене, настороженно смотрит на тех, кто вошел к нему в темницу с факелом. Да, это обыкновенный человек, и в нем нет ничего небесного: он в грязных лохмотьях, у него усталое, изможденное лицо, глаза, глубоко запавшие под громадным лбом, кажутся бездонными. Лицо не греческое — скорее это выходец из Малой Азии или откуда-то с Северного Кавказа.

Но лучше рассмотреть его некогда. Заслоня на миг свет факела, который кто-то, не видимый нам, держит за его спиной, вперед выступает жрец. Он, видимо, что-то отрывисто говорит пленнику. (Если бы мы научились и слышать

сквозь даль веков!) Уранид качает головой. Тогда жрец замахивается на него коротким мечом...

И в тот же миг все исчезает во тьме под обрушившейся пылающей кровлей...

— Ну и гад этот жрец! Даже в такой момент пытался уничтожить соперника, — мрачно комментирует Мишка. — И попал в ловушку, подделом ему! А Уранида жалко...

Потом мы долго молчим, потрясенные этой мимолетной сценой трагедии, разыгравшейся двадцать веков назад и теперь благодаря чудесной власти науки вдруг снова воскресшей перед нами.

Мы молчим и думаем об одном... Как разузнать побольше о судьбе земного Сына Неба? Какие новые сцены удастся нам воскресить с помощью замечательного открытия Михаила?

И сколько еще новых удивительных открытий ожидает нас в загадочной глубине веков!...

Очень, конечно, приятно, когда тебя считают молодым... Но, несмотря на молодость, с журналом «Вокруг света» и его «Искателем» меня связывает давняя и крепкая дружба. Из этой редакции я когда-то отправлялся в увлекательные поездки по стране с удостоверением спецкора, здесь напечатана моя первая научно-фантастическая повесть «Золотая медаль Атлантиды». С тех пор написано уже несколько книг — и в появлении каждой из них чем-то помогла «вокруг-световская» школа.

Постараюсь и дальше не подводить старых друзей.

ГолуBEL

Ветер дул с моря. Он и принес тучи. Никто точно не знал, почему снег, всегда белый и чистый, сегодня был серым.

Французы-северяне из полка «Нормандия» предполагали, что снег стал серым от тепла, от наступающей весны, а южане кивали на сумеречное Балтийское море, так не похожее на небо Бушдю-Рона или Корсики.

Званцов, подставив ладонь снежинкам, подумал, что снег посерел от копти войны, от множества пожаров, занявшихся над Восточной Пруссией. Может, протащилась над полем боя туча и, отяжелев в дыму, накрыла аэродром, сосны, ободранные осколками, мокрые маскировочные сети, растянутые над самолетами.

Шла битва за Кенигсберг. Уже неделю полк не выходил из боев. Часов с пяти утра к далекому грохоту пушек присоединялась трескотня прогреваемых моторов. Злые, невыспавшиеся летчики подставляли головы под кран цистерны и глухо постанывали под ледяной водой. Потом шли в столовую — узкую землянку.

Званцов тоже пошел туда.

Завтрак подавала «мама Зина» — женщина с коричневым лицом, раскосыми глазами и глубокими морщинами вокруг рта. Она, как и зав легкой столовой старшина Шумак, числилась в со-

Рисунок П. Кирпичева

ставе БАО — батальона аэродромного обслуживания. Этот батальон вот уже год кочевал вместе с летным полком. Летчики сдружились и с мамой Зиной и с Шумаком.

У мамы Зины муж умер давно, задолго до войны. Было четверо сыновей. Теперь погибли все. Мама Зина не плакала. У нее сердце, наверное, окаменело давно. О первом, встретив Званцова, сказала только: «Пал смертью храбрых». Потом так же сказала о втором, о третьем. А о четвертом уже ничего не сказала — лишь крепко сжала губы.

Сейчас она все время ругалась с Шумаком из-за макарон.

С декабря на завтрак, обед и ужин ей приходилось подавать к тушенке неизменный макаронный гарнир. У макарон не было ни вкуса, ни запаха. От них во рту становилось пресно и сухо, как от резины. Летчики даже поверье такое придумали: не повезет, если первым пройдешь мимо склада, откуда Шумака еще задолго до рассвета выносил картонные коробки с макаронами. На коробке было напечатано русски-

МИНУТЫ ВОЙНЫ

Е. ФЕДОРОВСКИЙ

В основу этого рассказа положено событие, происшедшее в феврале 1945 года в Восточной Пруссии с командиром штурмового полка П. В. Кондратьевым.

ми буквами: «Геройскому народу Советского Союза от Соединенных Штатов».

Французы стояли на другом конце летного поля, километрах в двух от полка Званцова. Их тоже кормили макаронами. Но они весело вытягивали из бачков клейкие дудочки, наматывали на вилки и макали в жирный соус. Они не скучали по картошке, как русские ребята.

Вот и сегодня Званцов услышал, как в кухне мама Зина со свистящим шепотом наступает на Шумака:

— Жрет фашист картошку, тебе говорю!

— Нету картошки. Обежал все окрест — нету! — мрачно отбивался Шумака.

«Может, поженятся», — подумал вдруг Званцов, прислушиваясь к их гневному шепоту.

Ему почему-то очень захотелось, чтобы они поженились. Когда-нибудь ведь кончится война! Званцов даже представил, как сидят все летчики за простым солдатским столом, пьют водку, кричат «горько», как смущенная и помолодевшая ма-

ма Зина целует старшину Шумака. Только улыбку ее не мог представить Званцов — никогда он не видел, как улыбается мама Зина.

Никто не догадался бы, поглядев сейчас на командира полка, о чем он думает.

Званцов был худ. Две морщины поперек лба придавали его лицу вид хмурый, даже злой.

В землянку вошел инженер полка Глыбин. Он был в брезентовой длиннополой куртке, какие обычно носили техники, в старых валенках, грязных от масла. Легким шлепком по плечу он тронул комзвена Канарева, вытер шапкой потемневший от пота белый чуб.

— Зарезали нас без запчастей. На тройке ресурс кончился. На шестом вот он (Глыбин кивнул на Канарева) разворотил весь маслоотстойник. Тоже придется менять...

— Ха! «Он разворотил», — передразнил Глыбина Канарев. — Вы думаете, мы только и мечтаем себя под пули подставлять?

— Мог бы и знать, с запчастями туго, поберегся бы, — серьезно проговорил Глыбин.

Званцов с трудом спрятал улыбку, спросил:

— Значит, двух машин на сегодня нет?

Красные, как у окуня, глаза Глыбина спрятались за насупленными седыми бровями.

— Да как сказать? Кой-как подделали. Сегодня, может, и летают, а завтра не выпущу в полет.

— Ну и на том спасибо, Иван Сергеевич.

Глыбин ушел.

После завтрака летчики выстроились на стоянке.

— Ну на сегодня будут такие дела, — Званцов оглядел смолкнувших товарищей. — Снова полетим к переправе. Действовать будем поэскадрильно с интервалами в пять минут. Атаковать по ведущему. Напряжение... Напряжение — пока не разобьем переправу!

Три дня назад на правобережье реки Прегель, протекающей по Кенигсбергу, фашистам удалось остановить наступление наших войск. Подкрепление — солдат, боеприпасы, горючее — они переправляли по понтонному мосту. Единственный на этом участке мост был сильно защищен зенитками. Налеты тяжелых бомбардировщиков не дали никаких результатов. Вчера трижды и безуспешно штурмовой полк Званцова пытался прорваться к реке.

— Вопрос разрешите? — выступил вперед Канарев. — А кто будет прикрывать? Или опять, как вчера, сами себя?

— Прикроют французы. Вечером они перебазировались к нам.

— Французы? — оживились летчики. — А как они воюют?

Им еще не приходилось драться бок о бок с французами. Впрочем, узнать об этом можно было только в бою.

Летчики разошлись по машинам. Званцов надел парашют, сбил с унтов снег и полез в кабину. Атака должна начаться

в шесть утра. До взлета осталась минута. Из-под серых маскировочных сетей вырुливали штурмовики.

— Готов, Сеня?

— Так точно, товарищ майор! — отозвался стрелок.

Званцов посмотрел на часы приборной доски. Стрелка бежала по черному циферблату. Засек время...

— Взлет!

Рука плавно двинула ручку газа вперед.

Облачность была небольшой. Самолет быстро прошел ее, и на броне стекла вспыхнул розовый утренний луч. Небо парило. Темно-синяя краска на горизонте переливалась в зеленую и оранжевую. Внизу плыли, как дымы, сероватые вороха облаков. Но потом стала проглядываться в окнах земля, грязно-белая от тающих снегов.

Рядом со Званцовым летел Канарев. У него из-под шлема высовывался белый шелковый чехольчик, оттеняя румяное круглое лицо. Лейтенант жмурил глаза и улыбался. «Вот он, — подумал Званцов, — не умеет скрывать свои чувства, как это делает зрелый мужчина». Не так давно Званцов видел у него на глазах слезы. Оказалось, из-за пустяка — полюбил... Хотя Званцову было не двадцать, а тридцать восемь, он никогда не любил. У разных людей дорога к любви бывает разная — и короткая и длинная. У Званцова, наверное, была самой длинной, закружилась в войне.

Штурмовики эскадрилья за эскадрильей шли над облаками. Облака на этот раз помогали летчикам. Званцов рассчитывал незаметно пролететь до цели и, выйдя из облачности, атаковать переправу.

Километрах в двух выше летела эскадрилья истребителей — французы. Маленькие, стремительные «Яки» шли попарно строем пеленга.

«Соображают», — одобрително подумал Званцов.

При таком строе «Яки» могли вступать в бой почти одновременно.

Званцов поглядел на часы. До атаки осталось семь минут.

Он внимательно, квадрат за квадратом, осмотрел сизоголубой сектор неба и ничего не обнаружил.

«Что за черт? Фашисты будто нарочно подставляют переправу... А может, мы уклонились?»

Званцов торопливо поглядел на компас, часы, карту. Нет, не уклонились. До переправы осталось пять минут.

И вдруг в небе что-то изменилось. Он закрутил головой, стараясь понять, что же именно произошло. Канарев показал вверх. Ах, вот в чем дело!

Два «Яка» оторвались от строя и устремились ввысь. Перед ними едва заметной точкой парил «фокке-вульф-189» — «рама». Разведчик, описав дугу, стал уходить от истребителей.

Небо вдруг стало рябым от черных шапок разрывов. Заградительный огонь был плотен, воздух потемнел от дыма.

«Ну, куда нырнуть? Где найти брешь в стене огня? Кажется, нет ее... А может, пронесет?»

Званцов нырнул в огненную стену. Самолет качнуло тугой взрывной волной, хлестнуло осколками. А остальные?

Званцов оглянулся — вздохнул радостно: пронесло.

В просвете мелькнула белая река.

— Приготовиться к атаке! — крикнул Званцов. — Пошли!

Штурмовик боднул тучи и там забился, будто попал в капкан. Близкие, но не видимые в облачности разрывы бросали самолет из стороны в сторону. Страшно не хотелось попасть сейчас под слепой разрыв. Рука похолодела, крепче вцепилась в ручку управления. Но через секунду Званцов ощутил ровную мощь двигателя, тугой поток воздуха, крепость крыльев, близость товарищей, летящих где-то рядом.

Из туч выплыла земля, белая, глянцевая вода Прегеля. Глаз метнулся в сторону. Мост! По нему струится лента людей, повозок, танков.

Званцов поймал в прицел эту жирную колышущуюся гусеницу и нажал гашетку. С крыльев сорвались реактивные снаряды, огненной струей вонзились в мост.

Пролетев за переправу, он направил самолет вверх. И тут заметил, что зенитки не стреляли. Значит, в небе, за облаками, были фашистские самолеты. Если их много...

Где лучше зайти на новую атаку?

Выскочив из облаков, штурмовики окунулись в синее небо. То тут, то там проплывали бурые полосы горящих самолетов. Достаточно было одного беглого взгляда, чтобы понять соотношение сил. Гитлеровцы на выручку своей переправы бросили много самолетов, и они сейчас вступили в бой с «Яками».

Два «фокке-вульфа-190» понеслись прямо на Званцова. Уйти вниз, развернуться, чтобы дать возможность стрелку открыть огонь, Званцов не мог: его успели бы расстрелять на вырыве. Он решил лететь навстречу «фоккерам», отвлекая гитлеровцев от товарищей.

— Ястреб, я с вами! — раздался в наушниках голос Канарева.

— Назад, черт бы тебя взял!

— Разрешите остаться, — секунду помолчав, упрямо проговорил Канарев.

Званцову уже некогда было отвечать. Он прильнул к прицелу, стараясь поймать первый «фоккер». Тяжелая машина нехотя поднимала нос. От «фоккеров» уже неслись, ослепляя, колючие нити трассирующих снарядов. Перед самой кабиной Званцова «фоккеры» сделали «горку» и проскочили назад. По ушам ударил тупой треск пулеметов. Это начал стрелять Сеня. Сладковатый запах пороха наполнил кабину.

— Есть один! — радостно крикнул Сеня.

Сбоку на Званцова кинулся новый «фоккер». Наперерез ему вырвался «Як». На хвостовом оперении Званцов успел заметить номер — двенадцатый. Фашист, подвернув, открыл огонь по истребителю.

— Ястреб! Слева сзади! — испуганно крикнул Канарев.

Тройка «фоккеров» заходила в хвост. Званцов думал, что сейчас начнет стрелять Сеня.

— Стрелок! Огони!

Но Сеня молчал. Вражеская очередь разбила турель. Стрелка, видимо, убило или ранило. Канарев швырнул самолет навстречу «фоккерам», заслонив своей машиной штурмовик командира. Взрыв большой силы качнул самолет. Боковое стекло фонаря у Званцова вылетело из металлической рамы, будто выстрелило.

Званцов, не успев испугаться, глянул вниз. Окутавшись дымом, падал штурмовик Канарева.

Званцов бросил машину следом.

Канареву на мгновение удалось перевести штурмовик на крутое планирование. Дым закрывал кабину, лишь изредка появлялось опаленное лицо Канарева. Парень сидел неестественно прямо, вытягивая шею. Вдруг он открыл побелевший от трещин фонарь и приподнялся над козырьком.

— Ястреб, — услышал Званцов свой позывной, — у меня дело дрянь. Передай, что погиб. Ей. Больше некому.

Самолет, зарываясь носом, вошел в пике. И тут Званцов сообразил, что Канарев старается направить горящую машину на переправу...

Гибель товарища осознается поздней. Когда не увидишь на стоянке его самолета или когда будет пустовать его место в землянке. Званцов еще не успел ощутить утраты. Еще идет бой, и пальцы лежат на гашетке оружия.

От перегрузок, от бешеного вращения самолета, от стремительно перемещающихся линий неба и земли в глазах вспыхивали и потухали красные круги. В висках больно стучало, душил ларингофон и воротник гимнастерки.

Званцов сделал попытку прорваться к тучам.

Трасса впилась в мотор, гулко рванул снаряд. По фонарю ударила горячая струя масла. Второй снаряд скользя по бронеспинке, и Званцов от боли чуть не выпустил управление. В глазах потемнело, солнце погасло, как лопнувшая лампочка.

Званцов хотел выпрямиться, но не смог. Боль заглушала все, что мелькало, билось, стреляло за козырьком кабины. Жидкое масло сдувалось с фонаря потоком воздуха, в мутном свете Званцов еще мог различать небо, далекие, повисшие где-то на границе стратосферы перистые облака, мелькающие истребители.

Самолет падал. Уши резала тишина, хотя на самом деле воздух содрогался от взрывов. Сейчас была только тишина — бездонная, цепенящая тишина.

Взгляд скользнул по приборам. Званцов отметил, что мотор еще работает. И проработает еще минуты четыре, пока насос не выкачает все масло из бака, потом еще минуты две, пока не заклинит его от перегрева. Стрелки бились в черных кружочках. Они еще жили.

Сжав зубы, Званцов выпрямил шею, тронул ручку управления. Машина вздрогнула, словно сказала: «Я еще слышу тебя». Ногой он надавил на педаль и медленно развернул самолет в сторону линии фронта.

До переднего края километров двадцать.

Надо, чтобы машина летела по прямой.

Нет, не получается... Она плохо слушается рулей.

Может быть, увеличить скорость снижением?

Но это тоже не годится. Самолет окажется у земли раньше, чем проскочит линию фронта...

Самолет бросил в сторону. Званцов с трудом восстановил равновесие. Через секунду сбоку пристроился «фонкер». Званцов напряг негнущуюся шею и стал смотреть на гитлеровца. Тот поднял очки-консервы, ухмыльнулся, провел ладонью по горлу и щелкнул пальцем, будто сбивал со стола муху.

Потом он отстал, прицелился и выстрелил. Взрыв опять качнул штурмовик, и Званцов, преодолевая чудовищную боль в позвоночнике, снова сдержал его от падения.

Гитлеровец вновь пристроился к крылу и удивленно покачал головой. Потом описал круг, словно накинул петлю на штурмовик. Гитлеровец целился по кабине Званцова. Секунда, другая...

«Да стреляй же, гад!»

Снаряд разорвался у мотора. Машина клюнула носом, будто споткнулась. В кабине запахло гарью. Мотор еще работал, но Званцов увидел, как около унта, словно из форсунки примуса, выбивалось голубоватое пламя.

Фашист снова поравнялся с самолетом Званцова. На этот раз он поднял большой палец — молодец, мол, живуч! Потом посмотрел на землю, пригрозил кулаком, стал опять заходить сзади, собираясь расстрелять горящий самолет.

В эту секунду Званцов обнаружил, что пламя исчезло. Он улыбнулся этой запоздалой попытке машины спастись.

Нет, не погулять, видно, на свадьбе Шумака с мамой Зиной. Интересно, достал Шумак картошки?

А снег серый. Бьется о фонарь, как пчелиный рой.

Инженер Глыбин, видно, еще ждет. Старик всегда ждет. Даже когда никакой надежды нет.

Сбоку снова появился истребитель. Званцов скосил глаза и обгоревшей перчаткой провел по лицу. Рядом летел «Як» — опаленный, прошитый пулями. В поврежденной обшивке, как ребра, торчали шпангоуты.

А пилот смеялся. На почерневшем лице поблескивал пот. Жестами он изобразил кувыркающегося фашиста, ткнул пальцем в свою грудь и выразительно стукнул кулаком по темени.

Справа пристроился другой «Як». На его стабилизаторе стояла цифра «12». Что-то знакомое мелькнуло в облике пилота, в белокурых волосах, выбившихся из-под шлема, в худом лице.

«Где же я встречал его? — подумал Званцов. — Да ведь это маркиз! Я видел его в сорок третьем. Еще подумал тогда: маркиз — это клочка. А оказалось — настоящий маркиз. Роллан де ля Пуап¹».

Пуап, покачав головой, показал на штурмовик. Как бы сказал: «Скверно же ты выглядишь, друг, просто не знаю, как выпутаешься»...

¹ За героизм, проявленный в боях с фашизмом, Роллан де ля Пуап был удостоен звания Героя Советского Союза.

Мотор трясся и чихал, выбрасывая последнее масло. Сейчас он остановится. Спасаться можно, если прыгнуть с парашютом. Прыгать приказал тот фашист. От потери крови Званцов ослаб, даже пошевеливаться не смог, не то чтобы сбрасывать фонарь и выбираться из кабины.

А если садиться?

По земле синеватыми змейками разбегались окопы переднего края, тянулись противотанковые надолбы, островки искаленных боями лесов.

«Попробую сесть».

Три самолета пронеслись низко над окопами. Никто не выстрелил. Видно, и та и другая стороны затаив дыхание следили за самолетом.

Самолеты едва не касались друг друга кончиками крыльев. С земли, наверное, казалось, что два истребителя и правда поддерживают штурмовик на своих плечах, как солдаты ведут после боя раненого товарища.

«Ил» дребезжал всеми заклепками. Мотор тянул из последних сил, оставляя коричневую полосу дыма.

Надолбы кончились. Открылось поле. Ровное поле, чудом уцелевшее от боев. Глухой толчок. Почему-то на приборной доске зажглись зеленые лампочки, хотя Званцов не выпускал шасси.

«Яки» низко пронеслись над затихшим штурмовиком. Летчики увидели, как побежали к самолету солдаты. Тогда они сделали еще один круг, покачали крыльями и ушли домой.

Званцов по привычке взглянул на часы и отметил время. С момента взлета и до посадки они отсчитали двадцать восемь минут.

Двадцать восемь минут из сорока четырех месяцев войны.

Журнал «Вокруг света» и его «Искатель» — моя школа. В смысле серьезной литературной работы я пришел сюда первоклассником. Писал сначала очерки, потом первые рассказы о людях горячих военных лет, о людях мужества, находчивости, доброй солдатской дружбы.

Сейчас работаю над повестью о советских разведчиках.

Е. Федоров

Четвертая

— Врете!

Джон Деннетт пожал плечами.

— Я говорю правду, — вяло ответил он.

Мясистое, красное от гнева лицо полицейского капитана Беррэджа, казалось, наплывало на него.

— Даю вам еще одну возможность сознаться. Если не используете ее, я выколочу из вас правду!

На бледном лице Деннетта ничего не отразилось.

— Вы ничего от меня не добьетесь, капитан, кроме правды.

— Сделаю еще одну попытку. Слушайте! Где вы были в полночь на второе марта?

— Как бы часто вы ни повторяли своих вопросов, что бы вы со мной ни делали, я могу ответить только правду: я гулял один в Истмен-парке.

— Чушь! Вы были в лесу близ Колледж-хилл, и не один. Ну, быстро! Разве не так?

— Не так.

Капитан выхватил какой-то коричневый комок и сунул его под нос Деннетту:

СТАТУЕТЬ

Рисунки В. Чернецова

— А это что?

Деннетт посмотрел на комок, потом на капитана.

— Это моя шляпа, — спокойно ответил он.

— Ага! — зарычал полицейский. — Наконец-то правда!

— Зачем же мне отрицать то, что есть?

— Еще бы отрицать! Внутри ваши инициалы...

— Что ж, по-вашему, это преступление — иметь старую коричневую шляпу?

— Заткнитесь! Здесь спрашиваю я! Я требую прямых ответов, без виляний. Где вы были в полночь на второе марта?

— В Истмен-парке. Гулял. Один.

Капитан громко засмеялся: — Вот я вас и поймал! Попались, Деннетт! Вашу шляпу нашли в Колледж-хиллском лесу, неподалеку от тела Эстер Хексли!

Маленькие, пронзительные глазки капитана, глазки хищника, готового броситься на добычу, впелись в лицо Деннетта.

— А теперь сознавайтесь! — прорычал Беррэддж. — Вы убили ее?

Деннетт не шелохнулся.

— Нет, — ответил он. — Не я.

— Деннетт! — капитан с трудом сдерживался. — Вы сознайтесь, не выходя из этой комнаты. Если не захотите, я вас заставлю. Есть способы заставить вас говорить. Понимаете?

— Это, кажется, называется «третья степень»?

— Называйте как угодно!

— Я слышал о ваших способах, капитан, о побоях, пытках и так далее.

— Слышали? Ну и отлично, — подмигнул Беррэддж. — Тем лучше. Значит, вы знаете, что вас ожидает. Правильно, Деннетт, будут и побои, от которых разлетятся ваши челюсти, будут пытки, а резиновый шланг изуродует вас, отобьет все внутренности, а потом будет раскаленное железо, пока вы не сознаетесь в убийстве девушки. Я заранее оглашаю всю программу. Не подвергайте себя лишним мучениям. Сознавайтесь скорее! Вы убили ее?

— Капитан, — сказал Деннетт, — мне надо кое-что сообщить вам.

— Валяйте сознавайтесь, пока шкура еще цела!
— Мне не в чем сознаваться. Клянусь, я ничего не знаю об убийстве и на этом буду настаивать.

— Посмотрим. Сперва все так говорят...

— Запомните, что я вам скажу, капитан Беррэдж.

— Ну, что там еще?

— Я не из породы сильных людей, — устало проговорил Деннетт. — И вы не прибавили мне сил тем, что держите меня два дня без пищи и сна. Но я не виновен; вы можете убить меня, но не сломать. Можете бить меня, истязать, я буду кричать, плакать, потому что не выдержу физической боли. Я знаю, что такое боль, я был ранен на войне. Наверно, ваши побои не страшной шрапнели, но я боюсь их, мне трудно переносить их...

— Хорошо, что заранее понимаете, — прервал его Беррэдж. — Человеку вдвое больнее, когда он знает, что его ждет. Если бы вы не знали, что такое «третья степень», я рассказал бы вам. Она помогает нам развязать любые языки...

— Позвольте мне сказать... Я вас не боюсь! Если человек приговорен к смерти, он уже неуязвим — ведь он знает, что это самая сильная кара нашей дикарской цивилизации. Теперь вы мне обещаете то, что для меня хуже смерти, — боль и неправду... Все равно скажу, что я о вас думаю... Начинайте же, бейте меня, ну?. Я же вижу вас насквозь, вы для меня совсем прозрачны, капитан...

— Да, несчастная крыса, я вас сейчас для начала стукну, да не один раз! — взвыл полицейский. — Но... подожду немного...

— Благодарю вас. Тогда мне нечего беспокоиться. Сбить меня с ног нетрудно... Вы фунтов на пятьдесят тяжелее меня, и я не умею драться... Не приучен, знаете... Но помните: вы бьете невинного, и вам это прекрасно известно!

— Что-о?.. — Деннетт поднял руку, защищаясь от удара, но удара не последовало. — Что вы этим хотите сказать, Деннетт?

— Вот что: вы хотите взять меня на испуг. Я бедный человек, у меня мало друзей, в этом городе я чужак. Я рядовой учитель в захолустном колледже; странный малый со странными привычками, вроде одиноких ночных прогулок. У меня бессоница, понимаете? Вообще я идеальный экземпляр, которому легче всего приклеить «дело», когда начальник полиции должен раскрыть преступление, чтобы спасти свое лицо...

— Хватит, Деннетт! — прогремел капитан.

— Не останавливайте меня. Вам же самому интересно знать, что мне известно. Так слушайте. Зверски убитую Эстер Хеккли нашли двенадцать дней тому назад. Вы никого не задержали. Тогда через три дня «Вечерняя трибуна» напечатала статью, обвиняя вас в ротозействе и некомпетентности. Она назвала вас «Беррэджем-мясником» и заявила, что если вы не найдете убийцу, то вам лучше перейти работать на городскую бойню, где для ваших способностей открывается широкий простор. На следующий день меня арестовали... Не прерывайте меня! Вам нужно было создать «дело». И вы создали типично полицейское дело. Могу сказать точно, как вы рассуждали: «Вот убитая. Кто она? Студентка. А вот учитель, чужак со странными

привычками. Девушка училась у него по классу психологии. Что-то болтали насчет того, что он беседовал с ней в кабинете с глазу на глаз... Вот-вот! С глазу на глаз, да еще, наверно, за закрытой дверью! Говорят, что беседовали тихо, но девушка всхлипывала. Ого! Нет ничего проще, как убедить суд, что учитель затеял роман с хорошенькой ученицей, а когда она ему отказала — он старше ее и некрасив, — он заманил ее в лес и убил в припадке ревности». Конечно, суд не поверил бы рассказу учителя, что беседовал он со студенткой о ее большом отставании по его предмету, она плакала, обещала подтянуться и сдать, наконец, зачет. Этой правде трудно поверить, когда не хочешь ей верить. А вам нужно было состряпать «дело», и вы его состряпали. Но у вас не было никаких доказательств. И вы создали доказательство, правда слабенькое... Пригодилась моя старая шляпа... Она висела в шкафу в кабинете психологии, висела там несколько месяцев, я о ней совсем забыл. Вы уверяете, что нашли ее в лесу недалеко от места преступления. Как она туда попала? Я не знаю... А вы?

— Не знаете и не сможете объяснить суду! — торжествовал Беррэдж. — Лучше молчите и берегите свою шкуру! Вот вам перо и чернила. Пишите: «Я, Джон Деннетт, сознаюсь, что второго марта убил...»

Деннетт скрестил руки на груди.

— Никогда!

— Вы понимаете, что последует за вашим отказом?

— Вы любезно объяснили мне: «третья степень».

— Да-с, именно «третья степень», когда все дозволено!

Деннетт горько усмехнулся:

— Детский прием!.. Вы плохой полицейский и никудышный психолог. Все ваши методы — ерунда.

— Увидим.

— Это доисторические методы: угрозы и физическая боль. Метод дураков и негодяев.

— Я этого не забуду, Деннетт!

— Я тоже!

— Вы мне грозите? Мне?

— Да, — ответил Деннетт. — Вам. Я предупреждаю вас, капитан Беррэдж: если вы примените ко мне так называемую «третью степень» допроса, то я применю к вам «четвертую степень».

— Что это такое? Такой и не бывает!..

— Бывает.

— Нет, вы меня не одурачите! Я, знаете ли, служу в полиции двадцать лет и никогда не слышал о такой «четвертой степени».

— Вы о многом не слышали. Но еще услышите.

— Объясните мне, Деннетт, что это такое?

— Вот что: «четвертая степень» применяется тогда, когда отказывает ваша хваленая «третья степень» — средневековые, дикое полицейское изобретение. А «четвертая степень» — новый научный метод, изобретен учеными. В ней применяются мучения, куда более страшные, чем ваши побои и выкручивание суставов. Подумайте об этом, капитан Беррэдж...

— Вздор! Мне уже не раз грозили. Каждая тюремная крыса визжит: «Я тебе припомню!», но не осмеливается мстить.

— А я посмею, — заявил Деннетт.
— Хватит с меня! — вскочил Беррэдж. — Хватит этих штук! Еще раз спрашиваю: вы убили Эстер Хексли?
— Нет.

...Деннетт лежал на полу, изо рта струилась кровь. Потом с трудом поднялся на ноги.

— Отвечайте! Вы убили ее?

— Нет... Осторожно, капитан, вы сломаете мне руку!..

— Я развяжу твой язык! — выл Беррэдж. — Я буду вывертывать тебе руки, пока ты не скажешь «да»!

Деннетт стонал, кричал, но не произносил «да». Беррэдж швырнул его об стенку и нажал кнопку звонка. Вошли два детектива с мрачными лицами.

— Карсон! Раф! Тащите сюда резиновый шланг! Слышите, Деннетт? Резиновый шланг, тот самый!

— Слышу, — пробормотал Деннетт. — Что же, бейте, я готов.

— Признавайтесь! Вы убили ее?

— Нет.

От удара кулаком Деннетт снова упал. Беррэдж стоял над ним:

— Говорите «да».

— Нет.

Тяжелая подошва Беррэджа опустилась на пальцы учителя. Тот вскочил и бросился на своего мучителя, но его перехватили вернувшиеся детективы. Один схватил его за руки, другой сильно вытянул шлангом вдоль спины. Деннетт вскрикнул.

— Теперь каленое железо, Карсон! — скомандовал Беррэдж.

— Бесполезно, капитан, — возразил Карсон, — он без сознания. Сегодня он не сознается. Лучше помять его несколько дней без сна, ослабнет парень...

— Приходит в себя, — сказал Раф, наклоняясь над лежащим. — Губы шевелятся. Что-то хочет сказать.

— Что он там шепчет?

— Не разберу. Что-то насчет четвертой степени... Что это значит?

— Не знаю, — буркнул Беррэдж. — Заберите его. Держите всю ночь без сна и скажите, что завтра утром, ровно в десять, он снова получит такую же порцию.

Джон Деннетт пришел в себя.

— Спасибо, капитан, — произнес он. — Рад узнать, что меня ожидает.

Наутро, ровно в десять, Деннетта доставили к Беррэджу.

— Готовы сознаться? — встретил его капитан.

— Нет.

С первого же удара Деннетт потерял сознание.

— Пожалуй, надо дать ему передышку, — посоветовал Карсон. — Не следует оставлять на его теле много следов. Это производит на суд неважное впечатление, знаете...

Деннетта снесли обратно в камеру. Он тщетно пытался заснуть: специально приставленный полисмен тряс его и будил, когда в камеру вошел тюремный надзиратель.

— Деннетт!

- Да?
- Уматывайте отсюда, — усмехнулся тюремщик.
- Куда?
- Куда хотите. Вы свободны.
- Свободен?
- Я же вам говорю: свободны, — повторил тюремщик и усмехнулся, вспомнив услышанные забавные новости. — Н-да, сэр, вам здорово повезло! Они бы вас совсем захлопали, как вдруг им удалось вырвать признание у парня, ну, который действительно убил. Он батрак из округа Лагранжвилль, Джэк Тарвер, по-моему, немного того... не в себе... Его два дня продержали в одиночке, потом капитан с двумя ребятами мило побеседовал с ним в конторе, и он через полчаса сломался и подписал признание. Так что вы свободны... Вы, понятно, обижаетесь... Только они бы с вами так не обращались, если не думали бы, что вы и есть преступник. Все мы делаем ошибки в жизни, я вам скажу, но капитан Беррэдж еще гуманный парень, а вот есть другие...
- Да, — задумчиво согласился Деннетт, — он очень гуманный.
- Вот сюда, пожалуйста, — показывал дорогу тюремщик.
- Я бы хотел повидать капитана, — сказал Деннетт, выходя из камеры.
- Невозможно, — быстро ответил тюремщик.
- Почему?
- Занят.
- Он велел вам так сказать?
- Да.
- Вы передадите капитану Беррэджу то, что я скажу?
- Ладно. Говорите.
- Всего два слова: «четвертая степень».

Капитан Беррэдж одиноко позавтракал в своем домике (он жил холостяком) на Кэннон-стрит и твердыми шагами спустился с кирпичных ступенек. Он шел, весело посвистывая, потом стал всматриваться в какие-то знаки, начертанные мелом на тротуаре. Несколько надписей он стер подошвой, потом остановился, нахмурился: надписи были сделаны не от руки, а как будто оттиснуты штемпелем. Это были слова: «4-я степень».

Издав рычанье, капитан принялся затирать надписи. Дальше он шел, уже не насвистывая.

Возвращаясь домой поздно вечером, он снова увидел надписи на тротуаре: то ли их подновили, то ли они сами выступили снова.

Кроме того, появились надписи на ступеньках крыльца. В эту ночь капитан не спал: он сидел у окошка, караулил...

Утром он шел, стараясь не смотреть под ноги. На углу Кэннон-стрит он замер, как солдат по команде «смирно!». На угловой плите было четким шрифтом выведено: «4-я степень». Он нервно стал топтать надпись, пока не растер ее в неразборчивое пятно. Войдя в служебный кабинет, он вызвал дежурного.

— Парселл! — приказал он. — Даю вам особое задание: наблюдать за Кэннон-стрит. Когда увидите человека, который пишет мелом на тротуаре, хватайте его! Если что-нибудь подоб-

ное случится в этом районе, какая-нибудь надпись, например, вы мне ответите своей башкой! И поворачивайтесь живее!

Уходя, полисмен Парселл сказал дежурному:

— Сегодня капитан бросается на людей. Держитесь по-дальше!

К концу смены Парселлу не о чем было доложить: ничего не заметил, никого не задержал.

— Кто вас сменяет? Шмидт? Поручите ему тот же участок на ночь.

— Это не шутки! — наставлял Парселл Шмидта. — Будьте на-чеку!

Когда вечером капитан Беррэдж вернулся домой, на ступеньках лежал свежий номер «Вечерней трибуны», как обычно, небрежно брошенный разносчиком газет. Просматривая ее за ужином, Беррэдж увидел, что на первой странице была отчеркнута заметка об аресте Тарвера, признавшегося в убийстве студентки. Но не от этого у капитана дрогнула рука. Поверх страницы мягким красным карандашом печатными буквами было написано: «4-я степень».

Прошло восемь дней. И каждый день капитана Беррэджа преследовали эти слова: «4-я степень». То они были написаны на счете из лавочки, то на ярлыке бутылки с молоком, то на почтовой открытке, то на дверце его автомобиля, который он буквально на две минуты оставил без присмотра на людной улице. На девятый день он вызвал детектива Карсона. Детектив застал его склонившимся над открыткой, лежащей на столе.

— Хватит с меня! — зарычал Беррэдж.

— Что, капитан?

Беррэдж кивнул на открытку.

— Еще одна? — спросил Карсон.

— Эта бледнолицая крыса думает, что прошибет меня, — сказал капитан. — Жалею, что я его выпустил.

— Да плюньте вы на это, капитан, — посоветовал Карсон. — Пускай валяет дурака, если ему нравится. На большее у него силенок не хватает. Не обращайтесь внимания. Хорошо еще, что он не поднял шум насчет того, знаете... Забудьте о нем, капитан. Со временем и он забудет. Такие всегда грозятся, потом остывают. Все обойдется.

— Другие — может быть, но этот... Нет, я его прихлопну! Я ему покажу, почему фунт лиха! Велите подать мою машину!

— Мне ехать с вами, капитан?

— Не надо. Это мое личное дело.

— Когда вас ждать обратно?

— Не знаю.

На следующее утро Карсон застал своего начальника в отличном настроении, какого не бывало уже давно.

— Сцапали его? — спросил детектив.

— Нет.

— Значит, нагнали на него страху божьего?

— Нет.

— Тогда как же?

— Я его и не видел...

Карсон удивленно поднял брови.

— Удрал, — объяснил Беррэдж. — Даже духа его не осталось.

— И хорошо. Больше вы о нем не услышите.

— Вы думаете? — прищурился Беррэдж. — Почему вы так уверены?

— Да уж поверьте моему опыту! — усмехнулся детектив.

Предсказание Карсона сбывалось. Прошел день, другой, третий с тех пор, как капитан перестал получать напоминания о «четвертой степени».

В ночь на четвертый день у его постели настойчиво зазвонил телефон. Сонный Беррэдж ругнулся, но взял трубку.

— Капитан Беррэдж слушает.

На другом конце провода хрипло откашлялся полисмен Парселл, потом заговорил со своим ирландским акцентом:

— Это Парселл говорит. Вы нужны, капитан. Тут, знаете, случилось убийство. Странный случай, знаете...

— Где?

— На старом маяке, знаете, на мысе Солтэш.

— Кто убил?

— Не знаю... пока...

— Кто убил?

— Этот, знаете, парень... Деннетт.

— Что? Джон Деннетт?

— Ну да. Ждать вас?

— Приеду. Вы там?

— Ну да. Только проехать трудно. Оставьте машину на шоссе, а по тропинке придется пробираться пешком, знаете...

— Ждите. Сейчас приеду!

Ночь была темная, сырая, но Беррэдж, садясь в автомобиль, весело посвистывал.

Мыс Солтэш почти на целую милю врезался в море узким языком. На самом конце мыса лет сто назад был построен маяк, крепкая каменная башня. С тех пор многое переменялось, маяк был упразднен, с него сняли оборудование, башня немного покосилась. Теперь здесь никто не бывал, и далеко кругом не было человеческого жилья.

Соленный морской ветер ударил в лицо капитану, когда он выехал из города. Выежая, он слышал, как часы на церкви пробили один удар. Капитан остановил автомобиль на дороге и пошел по мокрой тропинке. Отсюда он увидел в верхней части маяка колеблющийся желтый свет лампы. В далекие времена там, в круглом зале «фонаря», горели мощные масляные лампы и вращались заслонки, создавая проблески, издали заметные кораблям.

Капитан шел бодро. Его радовал свет, радовала короткая гладкая тропинка. Он поднялся по железным ступенькам винтовой лестницы и с трудом отворил тяжелую дверь в круглый зал. Дверь гулко захлопнулась за ним. В зале никого не было.

— Парселл! — крикнул он. — Эй, Парселл!

Молчание. Только морской прибой шуршал внизу о камни.

Капитан осмотрелся. Он знал, что маяк давно заброшен. Но теперь, к его удивлению, большая комната была оборудована под жилье вполне сносно, даже комфортабельно. Керосиновая лампа горела на столе в центре комнаты. У стены стояла

металлическая кровать с белоснежным бельем. Перед кроватью на каменном полу лежал красный коврик. Рядом стояли два мягких кресла, дальше — умывальник, а у стола — пара стульев.

Удивленно пожав плечами, Беррэдж подошел к двери. Может быть, Парселл пошел ему навстречу и они разошлись в темноте? Дверь из крепкого дуба, нигде нет ни ручки, ни замка... Беррэдж нажал плечом. Дверь не дрогнула. Он нажал сильнее, браня Парселла. Куда он девался, ротозей? Где тело убитого?

Он подождал пять минут; они показались ему часом. Потом он снова колотил в дверь кулаками, бил плечом с разбегу всей тяжестью своих двухсот фунтов. Дверь не шелохнулась.

Он шагал по круглому залу, сопровождая каждый шаг проклятиями. Подошел к широкому окну, через которое прежде шел яркий свет маяка, и проклятие замерло у него на губах: окно было забрано толстыми железными брусьями: прежде их не было.

— Чертов дурень Парселл! Выгоню дурака! Изобью как скотину! — прорычал капитан и бросился в кресло.

— Располагайтесь с удобствами, капитан Беррэдж...

Этот голос заставил его вскочить с кресла и схватиться за задний карман, где обычно лежал револьвер. Но сегодня, полусонный, в спешке, он забыл оружие дома. Голос принадлежал Деннетту.

— Эта комната, пожалуй, более комфортабельна, чем камера, в которую вы меня бросили, — продолжал голос.

— Выпустите меня отсюда! — крикнул Беррэдж. — Вы за это заплатите! Когда вернется Парселл, я раздроблю вам все косточки и выброшу в море!

— Не думаю, — спокойно возразил голос.

Капитан Беррэдж побледнел.

— Вы же убиты!

— Ну да, я дух, — весело согласился Деннетт.

— Парселл! Парселл!

— Напрасно зовете его, капитан. Он здесь и не был.

— Но он звонил мне...

— Неужели не понимаете? — засмеялся Деннетт. — Разве так трудно выучиться говорить хриплым басом и с ирландским акцентом? Немного практики...

— Что вы там затеяли, Деннетт? Чего вы добиваетесь?

— Вы знаете, чего я хочу.

— Не знаю.

— Я хочу, чтобы вы признались в убийстве Эстер Хексли.

— Я? Чепуха! Вы же знаете, что это не я, а Тарвер. Он сознался.

— Это я знаю, — ответил голос Деннетта откуда-то из-за стены. — Вы недолго мучили его вашей «третьей степенью»? Много ли такому надо? Ладно, допустим даже, что виновен он, а не вы. Все равно вы сознаетесь, что убили вы.

— Вы с ума сошли!

— Вряд ли. Но у меня хорошая память. Вы заставляли меня, явно неповинного в этом деле, сознаться с помощью вашей «третьей степени». Не вышло. А я вас заставлю сознаться с помощью моей «четвертой степени». Око за око. Это по-честному, не так ли?

— Черта с два! — крикнул Беррэддж. — Просчитались! Утром мое отсутствие обнаружат, и мои ребята перероют все окрестности. Меня найдут здесь, и вы за это получите порядочный срок, Деннетт, если вообще останетесь живы.

— Капитан Беррэддж, — ответил голос, — вы имеете дело не с забитым батраком, который сознается в чем угодно при первом ударе. Думаете, я не учел таких пустяков? Я взял на себя смелость напечатать на пишущей машинке записку и подписать ее от вашего имени, — у вас ведь почерк, как у десятилетнего ребенка. В ней значит, что вы уехали по личному делу и вернетесь не скоро.

— Когда найдут мою машину...

— Трудновато будет увидеть ее сквозь сорок футов воды. Забыл сообщить вам, капитан, что ваша машина покоится на дне Веймутского канала. Не хватайтесь за соломинку, никуда вы не денетесь, пока не сознаетесь. Кричите, бранитесь, плачьте, никто вас не услышит, только я да море. Никто вас не спасет от «четвертой степени».

— К дьяволу! — зарычал Беррэддж.

Капитан долго молчал, смотря на лампу, потом сказал:

— Ну что ж, заходите, Деннетт, покажите вашу «четвертую степень».

— Перед началом я дам вам те же возможности, что вы мне. Сознаетесь, что вы убили Эстер Хексли?

— Нет.

— Где вы были в полночь на второе марта?

— Дома, в постели, — хотя это не ваше собачье дело.

— Так вы говорите, что не убивали ее?

— Конечно, нет. Вы же знаете, что нет.

— Врете!

— Черт вас...

— Слово в слово, как вы мне говорили. Лучше сознавайтесь... Так, говорите, вы не убивали ее?

— Нет.

— Если не сознаетесь, я применю к вам «четвертую степень». Вам известно это?

— Начинайте вашу «четвертую степень»! Что она такое? Кипящее масло или еще что-нибудь?

— Ждите, — произнес голос Деннетта и замолк.

Постель была мягкая, свежая. Ни один звук не нарушал молчания ночи, лишь море ритмично шуршало внизу. Лампа погасла, кончился керосин. А капитан Беррэддж не мог заснуть. Не мог, и все тут.

Уже рассвело, когда от двери послышался слабый звук. В нижней половине двери открылась узкая форточка, и в комнату вдвинули поднос с завтраком: кофе, яйца, фрукты... Когда капитан позавтракал, под дверь просунули ящичек с сигарами.

— Бросьте эту комедию, Деннетт! — крикнул Беррэддж. — Начинайте же вашу «четвертую степень»!

— Ждите.

В комнате нашлись старые газеты, все с описанием дела Эстер Хексли. Капитан их давно читал, но лучше все же чи-

тать, чем ничего не делать. Но недолго длилось чтение — он яростно стал рвать газеты на клочки и бросать в окно. Потом он стал звать Деннетта, выкрикивая по его адресу насмешки и оскорбления, проклиная его на все лады, угрожая... Башня молчала, и только в полдень Беррэдж убедился, что его тюремщик здесь: под дверь просунули обильный завтрак.

Насытившись, капитан бросился на постель, но сон не шел к нему. Он прислушивался, ждал чего-то неизвестного, что нависло над ним. Что?

Когда Деннетт доставил обед, Беррэдж стал буйствовать. Он бил всем телом в дверь и кричал:

— Ты, крыса! Сейчас же выпусти меня!

— Подождите.

— Думаешь сломить меня? Не боюсь я твоей «четвертой степени»!

— Не бойтесь? Хорошо, подождите.

— Когда же ты начнешь наконец?

— Подождите.

Беррэджд ждал. Ему больше ничего не оставалось делать, как сидеть, курить и ждать. Иногда он подбегал к окну и кричал, кричал... Так тянулся день. Его крики наполняли ревом гулкую комнату маяка и будили слабеющие отзвуки где-то внизу, и только... Никто его не слышал, никто не мог ему помочь.

Он выбился из сил, замолчал, ждал, доходя до отчаяния. Захотел спать, но теперь он гнал сон от себя; он боялся заснуть, но сон подкрадывался к нему, как осторожный, бесшумный убийца. Человек боролся изо всех сил, но сон оказался сильнее.

Перед рассветом капитан вскопчил, точно от удара. Осмотрелся блуждающим взором, бросился в постель и закрылся с головой. Но не было спасения от страшных предчувствий, от голодного страха.

Когда из-под двери появился первый завтрак, в голосе капитана прозвучали просительные нотки:

— Слушайте, Деннетт, ваша шутка зашла слишком далеко. Чем дольше вы меня держите, тем дороже вам это обойдется. Начинайте же вашу «четвертую степень», в чем бы она ни состояла! Согласен, что вы имеете некоторое основание быть... недовольным мною, но, право же, вы берете на себя слишком много...

— Угодно вам сознаться, что вы убили Эстер Хексли? Угодно вам написать это признание на бумаге? Перо и чернила — на столе.

— Признание? Нет.

— Так вы хотите «четвертой степени»?

— Хочу! Начинайте же...

— Подождите.

Фортка закрылась. Беррэджд ждал, ходил, описывая круги по комнате, громко звал Деннетта, требовал, чтобы тот, наконец, приступил к обещанной пытке. Это все же лучше, чем ждать неизвестно чего.

— Деннетт! — кричал он, и в его голосе звучал надрыв. — Где же ваша «четвертая степень»? Давайте ее сюда! Объясните хотя бы, что это такое! Я имею право знать в конце концов!

Это было самое длинное утро в жизни Беррэджда. Когда, наконец, настал полдень, Беррэджд взмолился:

— Начинайте же, Деннетт! Нечестно заставлять меня так долго ждать. Можете меня терзать, жечь, что хотите, только, бога ради, начинайте!

Завтрак был превосходен, но капитан до него не дотронулся. Он не поверил своим часам, когда они показали всего четыре, приложил к уху, тряс... Да, он прождал всего четыре часа. От четырех до пяти прошел, казалось, не час, а сутки, а от пя-

ти до шести тянулась бесконечная агония. Он курил сигару за сигарой, перекусывал их зубами и бросал прочь дрожащей рукой. Он представлял себе тысячи дьявольских пыток, которым подвергнет его Деннетт. Когда появился обед, капитан захныкал:

— Да начинайте же, Деннетт! Жгите меня, жарьте меня, делайте что хотите, только начинайте наконец! Я отдам вам деньги, все, что у меня есть, — тридцать тысяч долларов, только начинайте скорее!

— Я требую, чтобы вы написали чистосердечное признание, что убили Эстер Хексли. Иначе ждите «четвертую степень».

— Да я жду ее часы, дни, — голос капитана дрогнул. — Что это такое и когда она начнется?

— Ждите.

Ночь тянулась бесконечно. Беррэдж сидел, скорчившись в кресле, насторожившись, готовый к самому страшному. Ночь была напоена неведомым ужасом. Неотвязная мысль угнетала его: «Что он со мной сделает? Что за «четвертая степень»?» Он напрягал все силы. Он боролся с самим собой и с ужасом, который шаг за шагом заполнял его мысли... Когда серый расцвет чуть высветлил оконную решетку, он вдруг вскочил с кресла. Вот стол, вот перо и чернила. Он бессильно опустился на стул и дрожащими пальцами взял перо.

Когда в восемь часов утра Деннетт осторожно открыл форточку, чтобы просунуть в комнату завтрак, он увидел, что капитан лежит поперек постели и спит, как спят только бесконечно усталые люди. Под дверью лежала бумага, на которой корявым почерком капитана было написано:

«Я убил Эстер Хексли. Сознаюсь. Пусть меня повесят, по крайней мере я знаю, что мне предстоит. Я ревновал ее. Я заманил ее в лес. Она сопротивлялась, я ударил ее мешком с песком. Этот мешок и мой окровавленный платок, — она укусила меня за палец, — вы найдете в дупле дерева в тридцати шагах от того места, где лежало ее тело. Я потерял голову, наверно, что не уничтожил сразу этих улик. Я постарался свалить подозрение на Деннетта, подбросив туда его шляпу, но он не поддавался мне. Тогда я принялся за Тарвера, зная, что он слаб и его нетрудно заставить сознаться в чем угодно.

Так это и было, и я рад, что теперь могу выкинуть все это из головы. Я знаю, что мне будет за это, но я не боюсь виселицы. По крайней мере знаешь, что тебя ждет!

Меттью Дж. Беррэдж,
капитан полиции».

**Перевод с английского
Е. ТОЛКАЧЕВА**

ДВЕНАДЦАТАЯ МАШИНА

Научно-фантастический рассказ-шутка

В. Антонов живет и работает в Баку. «Двенадцатая машина» — первый научно-фантастический рассказ молодого автора.

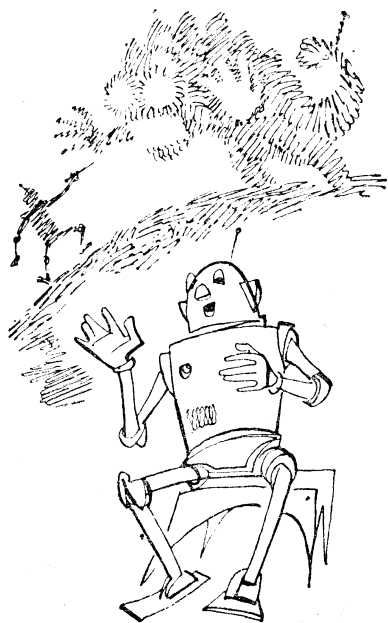

Рисунок В. Карабута

Я хорошо помню тот день, когда мой друг Вадим сообщил, что у него появилась новая идея. Мы сидели на веранде, вечер был свободный, и ничто не мешало беседе. Вадим о чем-то оживленно и долго говорил. Если человек проводит рабочий день в обществе безмолвных роботов, ему просто необходимо поболтать. Я не мешал Вадиму. Но неожиданно я услышал нечто такое, что заставило меня насторожиться.

— Это будет совершенно новая машина, — говорил Вадим. — Ты даже не представляешь...

Я представлял. У меня было уже одиннадцать машин, построенных Вадимом. Одиннадцать совершенно ненужных и отчасти даже непонятных машин. Они занимали всю квартиру. Вместо письменного стола я использовал электронное устройство, предназначенное для игр

с моиими еще не существующими детьми. В коридоре торчал громадный электронный шкаф, который, если не ошибаюсь, должен был регулировать конфликты между мной и моей будущей женой. Другие машины тоже были в этом духе.

— Новая машина? — осторожно переспросил я.

— Да, — ответил Вадим. — Это будет шикарная кибернетическая штука, автоматизирующая литературное творчество. Представь себе...

— Минутку! — перебил я. — Зачем мне эта штука?! У меня уже есть одиннадцать штук. Вполне шикарных. И потом я музыкант. Я не хочу быть литератором!

Вадим пожал плечами.

— Тебе надо лечиться, друг мой. Ты глупеешь прямо на глазах. Машина нужна мне, а не тебе. Я толкую об этом уже полчаса.

Если машина нужна Вадиму — это другое дело. Вообще я — за кибернетику. Необходимо возможно шире внедрять кибернетику в быт.

— Важно найти принцип, — продолжал Вадим. — Тут уже намечаются кое-какие соображения. Допустим, мы вводим необработанный рассказ в дикавентный инверсатор. Даже не рассказ, а заготовку рассказа. Обработанная информация пойдет в синтемодульное устройство. Понял, что у нас получается?

Я выразил надежду, что получится нечто интересное и полезное. Поскольку машина предназначалась Вадиму, я считал пессимизм неуместным.

— Итак, мы устанавливаем связь с блоками памяти и структурной лингвистики, — Вадим начертил в воздухе схему. — Сформируется система эксплинарных уравнений и...

В общем он явился ко мне через четыре месяца и привел новую машину. Она напоминала старинный буфет, поставленный на длинные хилые ножки.

— Работает? — грустно спросил я.

— Да, — ответил Вадим. Голос у него был мрачный. — Познакомься, ее зовут «Эльпигма».

— Какие-нибудь... гм... неполадки? — спросил я, сохраняя слабую надежду.

Вадим, стараясь не смотреть на меня, заверил, что все в порядке. Он объяснил, что это подарок. Да, подарок. Он так и сказал. Оказывается, машину удалось построить сравнительно легко. Трудности возникли при наладке. Вадиму пришлось прочесть массу книг, изучить творчество многих писателей. Результат был несколько неожиданный: Вадим сам стал писать. Он стал писать раньше, чем закончилась наладка машины. Писал он без автоматники, но рассказы его печатались.

— Я не могу ее держать дома, понимаешь? — говорил Вадим, с неприязнью поглядывая на «Эльпигму». — Что подумают в редакциях?! Скажут, что я пишу с помощью машины...

«Эльпигма» осталась у меня.

Я даже не пытался спорить. Мне никогда не удавалось переспорить Вадима. К тому же я вспомнил, что недавно открылась специализированная мастерская по приему от населения непригодных кибернетических устройств. Я угодил Вадима консервированными ананасами, и мы допоздна обсуждали открывающиеся перед ним новые творческие перспективы.

Утром я позвонил в мастерскую. Мне сообщили, что желающих сдать машины много, и попросили заполнить мой номер в очереди. Запомнить его было нетрудно — 30309.

Тогда я позвонил в Музей кибернетики.

— Ничем не могу помочь, — сказал мне заведующий сектором Особо Нелепых Уникумов. — Мы только что получили крупную партию совершенно потрясающих экспонатов. Эпоха ранней кибернетики. Вам придется подождать, пока будет построено новое здание...

Черт побери, во времена повального увлечения кибернетическими самоделками таких музейщиков нужно строить как можно больше! Я не мог держать эту «Эльпигму» дома! Это была нахальная и дикая машина. На второй вечер она сбежала — Вадим зачем-то снабдил ее шагающим устройством. Не скрою, у меня не было особого желания ее разыскивать. Но машину нашли и вернули...

Может, я и смирился бы с «Эльпигмой», но она непрерывно говорила. Там, где у всех порядочных машин размещается ограничительное устройство, у «Эльпигмы» торчал блок свободы творчества. Ее нельзя было выключить. Она постоянно работала! В жизни я не видел такой энергичной машины. Она ловила слова — безразлично какие — и немедленно выдавала безукоризненную прозу. Если ей удавалось подслушать разговор, она превращала его в повесть или пьесу в трех действиях. Голос «Эльпигмы», визгливый и дребезжащий, преследовал меня повсюду. Я стал замечать, что и сам начинаю говорить таким голосом...

И решил, я музыкант, в технике разбираюсь слабо, но тут решил действовать научно. Кибернетику можно осилить только кибернетикой, подумал я, и направился в Центральный Информаторий Главной Памяти.

В огромном зале за столом с дощечкой «Помощь дилетантам» сидела девушка и читала старинный роман «Граф Монте-Кристо». Ей было скучно, и она обрадовалась моему приходу. В течение двух минут мы запрограммировали вопрос четвертому хранилищу Главной Памяти.

— Не волнуйтесь, — участливо сказала девушка. — Она обязательно придумает.

Главная Память ожила. За ее панелями, расположенными вдоль стен зала, послышался рокот. Замигали красные, синие и зеленые огни. На щитах вспыхивали и гасли надписи.

Решение Главной Памяти было сформулировано с древнеримской лаконичностью: «Сдать в экспедицию № 172».

Потрясенный, стоял я посреди огромного зала и думал, что Главная Память — выдающееся достижение кибернетики. Мне казалось, что, узнав о моих мучениях, она будет

ругаться. Ведь Главная Память хранила, как бы это сказать, разные слова. При желании ей было что сказать. Но она вежливо предложила сдать «Эльпигму» в экспедицию № 172. Все-таки XXI век — это хорошо!

Остальное было просто. Я дал знать Центральной Службе Перемещений, прибыл дежурный автоманипулятор и мгновенно убрал машину из моей комнаты. Конечно, я был в отличном настроении! Единственное, о чем я мечтал, это об упущенной возможности сдать ко всем... виноват... сдать в ту же экспедицию одиннадцать других кибернетических штук.

Все-таки в XX веке было спокойнее. Техническая самодеятельность ограничивалась радиоприемниками и катамаранами. Не приходилось опасаться, что получишь в подарок дурно выдрессированного кибернетического слона...

Спустя два года я женился. Представьте себе, что вскоре мне понадобилась электронная машина для объективного рассмотрения конфликтов с женой. Машина эта работала просто изумительно, и мы не раз с теплым чувством вспоминали Вадима. Да, забыл сказать, что незадолго до моей женитьбы он исчез, не сообщив нового адреса. Позже я узнал, что ему предоставили творческую командировку на Марс и он сразу же вылетел.

Просто непонятно, как я раньше недооценивал технику! Ну, что бы я стал делать, не подари мне Вадим машины для игр с детьми? Это была незаменимая машина. Надо было видеть, с какой заботливостью следила она за каждым действием нашего ребенка...

Постепенно все машины, подаренные Вадимом, оказались нужными и прочно заняли место в нашей жизни. Включив одиннадцатую машину (это было кибернетическое устройство для прививания интереса к приключенческому жанру), я с некоторым сожалением вспомнил о той, которую сдал в экспедицию № 172. А вдруг и она пригодилась бы в хозяйстве?

Вероятно, «Эльпигма» обладала способностью появляться в тот момент, когда о ней начинали думать. На следующий день она вернулась. Я не сразу узнал ее. Она возмужала, стала как-то внушительнее и уже не казалась неуклюжей. А главное — она перестала болтать! Теперь «Эльпигма» говорила немногословно, веско, как человек, знающий цену своим словам. Даже голос у нее стал солидным и убедительным.

По странному стечению обстоятельств Вадим тоже вернулся из командировки.

Я не люблю, когда электронные машины мешают дружеской беседе. Но то, что мы услышали от «Эльпигмы», было невероятно интересно. Вместе с экспедицией № 172 (оказывается, это была космическая экспедиция) она побывала на четырех планетах Артура. Люди не могли там высадиться, а обычные кибернетические разведчики давали слишком мало информации. Их программировали ученые и инженеры. Поэтому приносимые сведения были суховаты и односторонни. Представьте себе, скажем, встречу с неиз-

вестным животным. Что может сделать обычная кибернетическая машина? Она, конечно, определит размеры, вес, классифицирует, опишет образ жизни — и все. То ли дело «Эльпигма»! Когда она, например, говорила о схватке с семируким ипогавром, кровь стыла в жилах!

— Ипогавр подстерегал нас в скалах, — рассказывала «Эльпигма». — Мы обнаружили его ультрафиолетовыми локаторами. Еще никто на планете не видел ипогавров вблизи, и информация — я хранила ее в сто седьмом блоке — измерялась миллибитами. Но мы пошли вперед. В ночной тишине прозвучал тревожно чей-то далекий крик — и снова все стихло. А потом киберразведчик МКР бросился вперед. Он храбрый, этот МКР, но дурак. Он не читал даже «Одиссея». Не успел он добежать до каменного вала, как его схватил ипогавр. Я услышал отчаянный рев сирены и треск екручиваемого металла. Признаюсь, в этот момент моя электронная схема вздрогнула от страха. Липкая волна неуправляемой индукции сковала синхронные моторы двигательной системы. Это продолжалось стотысячную долю секунды, не больше. За это время я успела прочесть «Три мушкетера». Это наполнило меня уверенностью в победе. Включив эпсилон-ограждение, я медленно продвигалась вперед. И тогда над каменным валом вновь поднялись руки ипогавра. Они были гибкие, как щупальца осьминога, и покрыты жесткой чешуей, как лапы крокодила. Они тянулись ко мне, выпуская лезвия когтей, и я видела...

Тут автомат для занятий с детьми перепугался, и мне впервые пришлось его выключить. Только после этого мы дослушали рассказ «Эльпигмы».

Да, «Эльпигма» показала, на что она способна! С тех пор в состав космических экспедиций всегда включают писателей. Иногда живых, иногда кибернетических.

Вадим хотел забрать «Эльпигму», но я ее не отдал. Правда, я не возражаю, когда он приходит по вечерам, слушает рассказы «Эльпигмы» и литературно обрабатывает их (отчего они, на мой взгляд, сильно проигрывают).

Дети безумно любят «Эльпигму». С тех пор как она вернулась, я не включаю автомат для занятий с детьми. Ее рассказы они предпочитают сказкам.

А на днях мне пришлось включить автомат для выяснения отношений с женой, и он никак не мог разобраться в запутанной ситуации, и тогда «Эльпигма» начала рассказывать о нападении зеленых куру-куру, и автомат мгновенно умолк, а мы с женой забыли о ссоре.

...Вчера мне позвонили из мастерской по приему негодных кибернетических устройств: напомнили, что очередь моя подходит. Надо будет сдать им одиннадцать ненужных теперь автоматов.

ТАЙНА ЗАОБЛАЧНОГО ГОРОДА

Более 400 лет назад высоко в Перуанских Андах инки построили город, где некоторым из них удалось спрятаться от завоевателей — испанских конкистадоров.

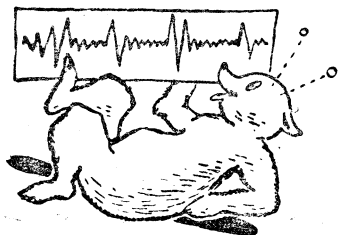
Испанцам так и не удалось обнаружить таинственный город. Только в 1911 году профессор Харам Бингхам во время путешествия по Андам проник туда. Он назвал заоблачный город Мачу Пиччу: так называется весь район, где расположено это древнее поселение.

Мачу Пиччу, в который никогда не ступала нога чужеземца, служит для историков и археологов неиссякаемым источником сведений о древней империи инков. Здесь множество загадок и, следовательно, открытий. Ученые, например, установили, что кости, найденные среди развалин, принадлежат главным образом молодым женщинам и старикам: вероятно, город был убежищем для Дев Солнца и священников. Мачу Пиччу расположен в 70 милях от Куско — древней столицы инков.

Сейчас Мачу Пиччу реставрируется под руководством инженера Эулогио Кабара Хильденбрандта. Это будет величественный памятник борьбе и трагической гибели величайшей империи древней Южной Америки.

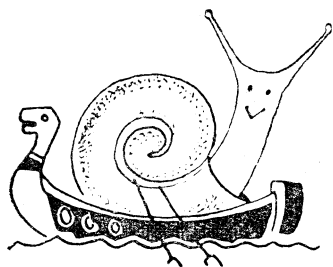
РАДИОФИЦИРОВАННЫЕ

Служителям Йеллоустонского заповедника (США) удалось надеть нескольким медведям-гризли специальные ошейники. В них вмонтированы крохотные, весом в несколько граммов, приборы для записей биотоков и частоты дыхания и пульса. Приборчики снабжены передающими радиостанциями с питанием от батарей. Теперь радиоинженеры принимают сигналы о работе сердца и колебаниях электрических токов в мозгу огромных медведей.

Интересно, что запас энергии

УЛИТКИ И ВИКИНГИ

ИЗ БЛОКНОТА ИСКАТЕЛЯ

МЕДВЕДИ...

в батарейках практически неистощим. Точнее, он непрерывно возобновляется... самими медведями. В том же ошейнике заключено устройство, преобразующее мускульную энергию в электрический ток. Медведь бежит, гонится за добычей — и часть его мускульной энергии «снимается» преобразователем и поступает в батарейку.

С помощью такой аппаратуры биологи собираются изучать физиологию других диких зверей и птиц в полете и даже рыб.

Величайшие мореходы древности — викинги и... улитки, эти воплощенные тихоходы. Норвежские ученые Нильс Спьелднес и Кари Хеннигсмоен нашли между ними связь.

На Атлантическом побережье Северной Америки, в городке Ланс-о-Медоуз (остров Ньюфаундленд), недавно были обнаружены развалины поселений, относящихся примерно к XI веку. По мнению многих археологов, эти руины очень напоминают остатки древнескандинавских поселений.

Недалеко от руин, в районе города Галифакс, ученые нашли ископаемые остатки улиток породы литторина литторea, которые, как уже доказано, часто использовались норманнами и в пищу и в качестве наживки. Видимо, около 1000 года нашей эры древний скандинав, отплывая в далекий путь, бросил на дно своей ладьи не одну пригоршню улиток, которые могли очень пригодиться в плаванье.

Установить «возраст» ископаемых улиток можно с помощью новейших научных средств. А это поможет проверить еще одно свидетельство о пребывании древних европейцев в Америке задолго до Христофора Колумба.

Рисунки Г. КОВАНОВА

Рассказ английского писателя-пародиста А. Армстронга «Борьба за жизнь» был опубликован в одноименном сборнике его рассказов, выпущенном в издательстве «ЗИФ» в 1928 году.

Новый перевод для «Искателя» сделан Е. Толкачевым.

А. АРМСТРОНГ

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Я (приготовившись диктовать). Ага, поймал замечательное выражение для начала: «Шел двадцать восьмой день с тех пор, как они в последний раз ели культурную пищу».

БЕАТРИСА (смотрит на меня из-за фамильной пишущей машинки). Понимаю. Действие рассказа переносится в меблированные комнаты.

Я. Какая чепуха! Это рассказ из жизни на необитаемом острове под тропиками. Речь идет о коралловых рифах, палящем солнце, первобытных страстях, кокосовых орехах, жемчужных лагунах и так далее...

БЕАТРИСА (перебивает). Знаю, знаю! Сейчас я напишу содержание предыдущих глав для новых читателей (бьет по клавишам). «Адела Денби, богатая и красивая девушка, двадцати пяти лет, едет путешествовать на яхте своего жениха лорда Персиваля Пим-фулера (произносится Пифлер), изнеженного молодого аристократа. Яхта налетает на риф и идет ко дну со всем экипажем, кроме Аделы, Персиваля и...» Кого еще?

Я. Помощника старшего машиниста, которого зовут Джон.

БЕАТРИСА. Да, да, знаю! «Джона Добса, стройного, молодого моряка». Так. Теперь диктуй.

Я. Ты написала насчет культурной пищи? Хорошо. «У них не было бисквитов». Запятая. «У них не было пресной воды». Запятая. «Их припасы пришли к концу». Точка.

БЕАТРИСА (нервно). Мне не надо говорить о запятых, точках с запятой; я сама прекрасно разбираюсь в знаках препи-

Рисунки С. Прусова

нания — восклицательный знак!

Я. Отлично... «Полуденное солнце безжалостно жгло навес из пальмовых листьев, который соорудил Джон Добс с помощью крючка для ботинок, единственного инструмента, спасенного при кораблекрушении».

БЕАТРИСА (*скептически*). Гм... Я сумела бы построить эту фразу лучше, даже без помощи крючка...

Я. Пожалуйста, не мешай! «Коралловый берег блестел, как золотая оправка, над аметистовой лазурью спокойного моря. Над головами хохотали макаки...»

БЕАТРИСА. Какие какие? Не понимаю...

Я. Ма-ка-ки. Это вроде попугаев. Разве в таком деле можно обойтись без экзотики? «Трое потерпевших крушение...»

БЕАТРИСА. Подожди! Как они были одеты?

Я (*недовольно*). Ты уже спрашивала меня. Я и сам толком не знаю. Это зависит от того, как много... я хочу сказать, какого минимума потребуют редактор и читатель... Видишь ли, яхта пошла ко дну в полночь; тогда мужчины должны быть в пижамах, а женщины в одних...

БЕАТРИСА. Тогда понятно, почему хохотали... эти твои... макаки. Ну хорошо, сделаем такую вставку в соответствующее место: «Когда раздался первый толчок, Адела схватила свой пеньюар и...»

Я. Пеньюар спасает положение! Ну продолжаем. «Вдруг Добс вскочил...

— Адела, — твердо сказал он, — мы слишком долго ждем. В южных морях иные законы и нет этикета. Шелуха и ложь цивилизации свалились с нас. В прежней своей жизни вы были знатной дамой, а я лишь скромным помощником судового механика...»

БЕАТРИСА. Как пишется слово «помощник»: через «ш» или через «щ»?

Я. Все равно! Пиши через «ш». «Пришло время, — сказал Добс, — когда вы должны выбирать между нами. За кого из нас выйдете вы замуж? За этого трутня или за настоящего человека? У него там, в Англии, есть земли и золото, но что он собой представляет здесь? Что он сделал со времени нашей

высадки? Ничего, только наслаждался журчанием ручейка да черпал из гейзера воду для бритья. Кто добыл вам первый огонь? Я...

— Позвольте, — вмешался Персиваль, — вы воспользовались моим моноклем в качестве зажигательного стекла.

— Кто убил и принес птиц для вашего первого обеда? Я, Джон Добс.

— Позвольте, — запротестовал лорд Перси. — Так вы можете приписать себе все заслуги! Если бы я, как вы, попробовал ловить попугаев сапожным крючком, меня выгнали бы изо всех лондонских клубов. Есть такие вещи, которых джентльмен не может делать...

— Вы слышите? — продолжал Добс. — В таком случае я объявляю вас своей невестой, которую я завоевал своим луком и...

БЕАТРИСА. И сапожным крючком...

Я. Нет! «И копьём». И, пожалуйста, без глупых реплик! «Завоевал своим луком и копьём».

Адела выпрямилась.

— Вы правы, — сказала она. — Мы вернулись к примитиву, и я стала Первобытной женщиной, а вы — Мужчиной-охотником.

— Здорово! — рассмеялся Джон. — Тогда позвольте нам сразиться из-за вас и решить вопрос на месте.

— Ну нет, — ответил Перси. — Не могу же я сражаться с вами на дубинах?

— Дайте мне сказать, — продолжала Адела. — Конечно, я должна выбирать между вами, но я буду выбирать не как пленница, а как королева. В доисторические времена женщина доставалась в добычу тому, кто показывал себя лучшим охотником, сражаясь зубами и когтями, приносил домой лучшую добычу...»

БЕАТРИСА. Разве в те времена были дешёвые распродажи?

Я. При чем тут дешёвые распродажи?

БЕАТРИСА. Ты же сам сказал: «Сражаясь зубами и когтями, приносил домой лучшую добычу...»

Я. Еще одно замечание — и я сам сяду писать!.. «Идите, — сказала Адела, — идите в море, в джунгли острова, совершайте подвиги, чудеса храбрости и выдумки и возвращайтесь ко мне с добычей через двадцать четыре часа. Тогда я укажу своего избранника. Таков закон джунглей. Я сказала».

Не произнеся ни слова, мужчины удалились, и ее задумчивый взор следил за ними, пока они шли, освещенные багровыми лучами заката».

БЕАТРИСА. Но ведь еще недавно было полуденное солнце! Я (*свирепо*). Опять глупые замечания!.. Ты должна знать,

что в тропиках сумерек совсем не бывает! Пиши, пожалуйста: «Нежный ветерок шелестел сухой листвой задумчивых пальм». Многоточие. «Волны лениво перекатывались через коралловый риф». Точка. «Наверху еще хохотали макаки». Многоточие...

БЕАТРИСА. Клавиша с точками сломалась. Я буду ставить знак процента. Пусть макаки хохочут с процентами. Ничего?

Я. Ничего, если ты не будешь мне мешать... «Томительные часы ожидания текли...»

БЕАТРИСА. Как пекли? У них же не было пищи?

Я. «Текли!» Пиши дальше: «Адела стояла одна на берегу, и солнце целовало ее пушистые волосы. Одинокая фигура приближалась к ней. Это был Персиваль. Лицо его было угрюмо, и кулаки крепко сжаты». С новой строки. «Женщина взглянула на него.

— Ну? — спросила она.

— Я думаю, что честный Джон победит, — вздохнул он. — Вот он идет и тащит целый универмаг.

Это была правда. Тяжелыми шагами приближался Джон Добс, волоча за собой грубо сделанные сани, высоко нагруженные трофеями. Измученный, но гордый, остановился он перед ней.

— Получай, королева моя! — воскликнул он. — К твоим чудным ножкам кладу я эти дары: вот свежая вода из далекого источника в чашках из скорлупы кокосовых орехов; летающие рыбки из ручья; плоды манго и хлебного дерева из джунглей; жемчуг из глубокой лагуны, чтобы украсить твою шейку, и роскошные тропические цветы, чтобы ты увенчала ими свою головку. Для твоей одежды я еще принесу шкуры зверей, убитых мною...»

БЕАТРИСА (*мечтательно*). И все это он добыл одним сапожным крючком...

Я (*свилено*). Не прерывай меня!.. «Своими руками я выдолбил из ствола легкий челнок, чтобы ты могла кататься в нем по морю, а в глубине леса я возвел для тебя хижину из хны...»

БЕАТРИСА. Хны? Но хна — краска для волос!

Я. Разве я сказал «хны»? Поставь «хвои». Дальше, дальше! «Продождите, — остановила его женщина величественным движением руки. — Я еще не сделала выбора. Чем вы можете на это ответить, Персиваль?» С новой строки. «Ничем, — пробормотал лорд Перси. — Я же знаю, что мне совершенно не к лицу это тарзанье занятие... Поэтому я поплыл туда, — он указал в сторону трубы погибшей яхты, сиротливо торчавшей из багряных волн океана, — я поплыл к моей доброй старой яхте и кое-что достал оттуда. Вот!» — стыдливо закончил он, передавая ей маленький черный сверточек.

Как только она коснулась свертка, в глазах ее блеснул огонь первобытной страсти.

— Я ваша навсегда, Нимврод, храбрый и умнейший из охотников! — воскликнула она.

С гневом и отчаяньем посмотрел Джон Добс на счастливых влюбленных, потом повернулся и, не сказав ни слова, пошел по направлению к океану...»

БЕАТРИСА. Что же было в сверточке? Да не томи же!

Я. Ты не догадалась? Пара шелковых чулок.

Наступила тяжелая, продолжительная пауза.

Я (*заискивающе*). Ну как?..

БЕАТРИСА. Что я должна тебе сказать?

Я. Свое мнение. Свое искреннее мнение.

БЕАТРИСА. Зачем тебе мое мнение? Тебе нужно знать, что скажет редактор.

Я. С меня бы достаточно мнения редактора. Что бы он сказал?

БЕАТРИСА. Он сказал бы: «Старомодно! Эффектно, мило, но невозможно старомодно! Так можно было писать до войны, когда некоторые считали, что булки зреют на колосьях».

Я. Значит...

БЕАТРИСА. Значит, конец должен быть другой, реалистиче-ский. Иначе твоя Адела окажется последней душой и никаких симпатий не привлечет. Она должна быть практичной, хозяйственной, домовитой — словом, такой, какими хотели бы быть все английские женщины сегодня. Сделай так, и твой рас-сказ пройдет, как «экстра», его перепечатают все женские из-дания, не говоря уже об американских ежемесячниках...

Я. Заманчиво, но я не вижу, как...

БЕАТРИСА. Я вижу. Если ты согласен — гонорар пополам, я сейчас же допишу твой безнадежный рассказ.

Я. Но зачем тебе гонорар?

БЕАТРИСА. Как у всякой хозяйки, у меня есть свои расходы. Ты согласен или нет? (*Решительно снимает руки с клавиатуры.*)

Я. Согласен, согласен!.. Если получится...

БЕАТРИСА (*быстро стучит по клавишам*). «Солнце опуска-лось к закату, когда Перси, пошатываясь, припелся к хижине и в изнеможении свалился около нее, брякнув всеми костями».

Я. «Брякнув» — неблагозвучно. Надо заменить.

БЕАТРИСА. Подумай, замени... «Адела выползла из хижины. Ее шелковые чулки, подарок Перси, доживали последние часы, так как гравий рвал их немилосердно. Она посмотрела на обес-силенного Перси и строго спросила:

— Кто съел мою печеную рыбу?

— Ну уж и рыба, — возразил Перси, — рыбешка...

— Кто взял мою губную помаду?

— Я взял. В ней питательный жир.

Она тяжело вздохнула:

— Как вы намерены жить дальше?

— Ну-ну, когда-нибудь да придет же сюда какой-нибудь ко-раблик.

— А если через пятьдесят лет?

Он развел руками:

— Ну-ну, может быть, пораньше...

— Я вас спрашиваю, чем мы будем питаться? После нашей... свадьбы мы легкомысленно, незаконно, безучетно питались тем, что тогда притащил сюда Джон Добс. Запасы истощались, а вы

продолжали есть как ни в чем не бывало. Наконец я решилась, сказала, что это мое, а не ваше, но вы, легкомысленный, как макака, возразили, что раз я — ваша, то и все мое — ваше. Я стала прятать еду, вы стали воровать ее. И вот мы дошли до точки — нам нечем питаться, нечем поддерживать существование». Это длинновато, я сама чувствую, но легко поддается сокращению... «Знаешь, — задумчиво сказал он, — я где-то слышал, что для питания решительно необходимы белки, жиры, углеводороды и, главное, витамины. Белки с желтками лежат в гнездах на верхушках деревьев, куда мне не залезть, из натуральных жиров съеден последний тюбик губной помады, откуда берут эти угли с водородами, я не знаю. Изю всего я могу предложить вам только витамины: они в траве, которая растет повсюду.

Она гневно взглянула на него.

— Значит, вы отказываетесь выполнять свои обязанности Мужчины и Охотника?

— Я не отказываюсь, — забормотал он, — но мне не везет. Я обошел нашу часть острова, нигде не только магазинов, но даже плохого рынка нет. Я гонялся за зверями, но они шутя уходят от меня. Я нашел дерево, на котором есть гнездо, я полез за ним, но птицы клевали меня в голову, им помогали обезьяны, которые бросали в меня ветками и к тому же украли мои башмаки... Увы, Адела, весь расчет на витамины... В конце концов есть животные, которые только ими и питаются, например, коровы, козы, овцы; попробуем, понемногу привыкнем...

Адела в гневе хотела подняться, но ее одежды из сухих листьев, скрепленных палочками, не выдерживали резких движений, и она опустилась с глухим рыданием.

— Все бы я вам простила, — горько сказала она. — Вашу непригодность к жизни, неумение обеспечить женщину самым необходимым, простила бы ваши кражи съестного, даже ваше предложение стать коровой... Но сожрать губную помаду любимой женщины — этого я простить не могу!

— Что же вы намерены делать? — с любопытством спросил он.

Ловкими движениями она стащила с ног остатки шелковых чулок и бросила ему в лицо:

— Получайте обратно свою дрянь!

Он не шелохнулся, насвистывая веселый мотивчик.

— Впрочем, вам это непонятно. Доблестный рыцарь! Подайте их обратно! Вам они ни к чему.

Она связала чулки в поясок, подпоясалась и смело встала: теперь ее платье из листьев держалось прочнее. Она медленно пошла вдоль берега. Он поплелся за ней.

...В гуще плодовых деревьев стоял обширный бунгало Джона Добса. Мощные лианы и воздушные корни служили надежными канатами, на которые опиралась крыша из крупных банановых листьев, расчетливо уложенных уступами. Около бунгало было два загона: в одном теснились олени самки и козы с малышами, другой был полон птиц, похожих на индюшек. Светлый ручей хлопотливо рокотал в своем новом ложе, выложенном камен-

ными плитками. Не хватало только старого полугрузовичка до полного вида английской фермы.

Хозяина не было видно. Перси, оглянувшись, направился прямо к птичьему загону, наклонился через изгородь, после чего негодующе залопотали птицы, что-то звякнуло, и Перси отскочил назад.

— Ключется! — сообщил он. — Монокль разбила! Глупая птица!

— Умная птица! — ответил ему сверху мужской голос, и Джон Добс быстро спустился с пальмы. — Это вы ее растили? Нет? Зачем же хватаете ее за горло, сэр? Но я знал, что этим кончится!..

Он достал из кустов большую дубину, но на пути его встала прекрасная, полубожаженная женщина — чулки держали плохо, и листья стремились к земле. Женщина раскрыла объятия и сказала:

— Простите меня, Джон. Я страшно ошиблась. Это вы — Первобытный мужчина и Великий охотник. А он... слякоть.

Джон опустил дубину и спросил:

— Чего же вы хотите?

Она не ответила, но взгляд ее был достаточно красноречив.

— А он? — спросил Джон.

Она пожала плечами.

— Какое нам дело?

— Нет, так нельзя, — подумав, сказал Джон. — Что было, того не вернешь. Конкретно я предлагаю вам, сударыня, стать

моей экономкой: вести дом, хозяйство и прочее. А он... он будет получать еду, но за работу.

— Интересно, какую? — усмехнулся Перси.

— За самую обыкновенную, физическую, что называется, черную. Будете чистить загоны, вывозить олений и птичий навоз на поля, вообще трудиться, помогать мне.

— На это не способен ни один Пим-фулер, — твердо заявил Перси.

— Тогда заботьтесь о своем питании сами. И да помилует вас судьба, если вы начнете воровать у меня! Подумайте!..

— Не подходит! — заявил Перси и пошел прочь.

— Когда проголодаетесь, — крикнул вслед Джон, — приходите! Адела покормит вас, но в обмен за работу, сэр.

* * *

Большая яхта «Русалка» подошла к необитаемому острову запастись водой. Капитан велел спустить моторку и с тремя матросами отправился на остров. Пока матросы набирали пресную воду, капитан пошел прогуляться по острову. К его удивлению, остров оказался обитаемым. Значительная часть его имела культурный вид: изгороди, посевы. Всей этой благодатью владели двое: она — стройная красивая женщина, и ее муж — высокий мужчина крепкого сложения.

Когда капитан узнал их историю и предложил увезти с собой в Чили, они дружно отказались. В бунгало на мягких перьях колыбели спал ребенок; над его колыбелькой, как верный страж, качался желтый попугай, а маленькая серая обезьянка ласково обмахивала ребенка листом, отгоняя назойливых мух.

— Мы решили остаться здесь, — сказал мужчина, — а вы возьмите с собой одного человека, которому здесь трудно жить. Он сын английского лорда, который оплатит все ваши расходы.

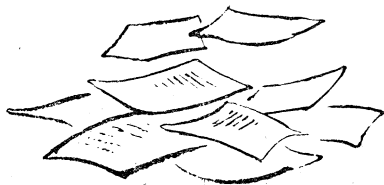
Запасшись водой, капитан с матросами пошли искать сына лорда. Они нашли худого человека, обросшего белым волосом, но гордо носившего пустую оправу от монокля. Он охотно взял кусок хлеба и пошел за ними в лодку, даже не оглянувшись.

Моторка причалила к яхте, и красивое судно двинулось прочь от острова.

На мостике стояли капитан и владелец яхты, чилийский коммерсант, и в бинокли рассматривали людей, добровольно отказавшихся от цивилизации.

— Красивая пара, — задумчиво сказал чилиец.

— У них будут красивые энергичные дети, — добавил капитан». Точка. Все.

На 2-й стр. обложки:
иллюстрация П. Павлинова
к рассказу В. Чичкова «Первые
выстрелы Джоэля».

На 4-й стр. обложки:
«Ритм труда». Фото Р. Нагиева
с фотовыставки «Семилетка
в действии».

Читайте в следующем номе-
ре фантастические рассказы
зарубежных писателей.

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КА-
ЗАНЦЕВ, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ.
Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцеская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 4-10.

А05307. Подп. к печ. 7/IV 1964 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 363.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцеская, 21.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.